

«НЕДАРОМ ГРОМ ГРЕМИТ С УТРА... ГУСАРАМ В БОЙ ИДТИ ПОРА...»

Обмундирование,
снаряжение
и вооружение гусар
Российской армии
в 1741—1761 гг.

В РОССИИ гусары появились еще при царе Алексее Михайловиче (1629—1676 гг.). Однако к регулярной русской кавалерии они принадлежат с 1741 года. 14 октября этого года, в период краткого правления Анны Леопольдовны (1740—1741 гг.), был издан указ о создании четырех десятиротных гусарских полков: Сербского, Венгерского, Грузинского и Молдавского. Каждому гусару отвели участок земли и установили жалованье 38 рублей 94 копейки в год. С вступлением на престол Елизаветы Петровны численность гусар значительно увеличилась.

В 1751 году сербский уроженец полковник австрийской армии Хорват получил разрешение перейти в русское подданство и набрать из сербов 2 гусарских полка. Полки были поселены между притоками Днепра — Каварлыком и Хмельником, в местности, получившей название Ново-Сербия. Для защиты поселений была заложена крепость святой Елизаветы (Елизаветград).

В 1753 году сербы Шевич и Прерадович поселились с выходцами из Сербии между Бахмутом и Луганью (Славяно-Сербия) и организовали каждый по гусарскому полку, которые были названы их именами. В 1759 году Хорват сформировал еще 3 гусарских полка: Македонский, Болгарский и Желтый. А из украинских слободских казаков был образован Слободской гусарский полк.

Форма одежды русских гусар была заимствована из Австрии и состояла из цветного длиннополого доломана и ментика, опущенных белой овчиной и расшитых шнурами, из рейтуз, смушковой (из шкуры ягненка) шапки с султаном, епанчи (длинного широкого плаща) и сапог со шпорами. Непременной деталью гусарской формы была ташка — сумка, заменявшая отсутствовавшие на одежде карманы, которая крепилась к поясу на длинных ремнях и была украшена царским вензелем. Вооружение составляли сабли, карабины и пистолеты. Рядовые гусары носили длинные закрученные на висках волосы и корейские косы. Волосы они не пудрили. Кони у гусар были различной масти.

Публикация полковника запаса
В.М. КРЫЛОВА;
С.В. УСПЕНСКОЙ

▲ Гусар Сербского полка в 1741—1761 гг.

▼ Гусар Желтого полка в 1760—1761 гг..

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**
1-80 2005 1

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Книги. Учебные пособия» агентства «Роспечать».

Индекс журнала для подписчиков Российской Федерации — 70137, для зарубежных подписчиков — 79726. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра журнала по каталогу в первом полугодии 2005 г. 25 рублей. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала».

Адрес электронной почты: E-mail: vizh@vipmail.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут оформить подписку на журнал с личным получением по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ, тел.: (095) 157-80-47, внутренний телефон 1-76.

Ежемесячное издание
Министерства
обороны
Российской
Федерации

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

январь
№ 1
2005 год

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К 60-летию
Победы

Командармы
Великой
Отечественной
войны

Несостоявшийся
«Нордлихт»

«Русские...
полным ходом
устремилась
к Выборгу»

«Мы должны
диктовать
противнику
способы
и интенсивность
ведения
действий...»

«Пока вы
над нами,
в нас никто
не стреляет»

ISSN-0321-0626

Фрагмент плаката «Воину-освободителю слава!»
Из коллекций Центрального музея Вооруженных сил
(Москва)

60 лет назад — 12 января 1945 года — начались Висло-Одерская и Западно-Карпатская, а на следующий день Восточно-Прусская стратегические наступательные операции

«НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ С ФРОНТА!»

Великая Отечественная война
1941—1945 гг. в почтовых карточках

Из коллекций
Центрального музея
Вооруженных сил
(Москва)

Плакаты художника
П.А. АЛЯКРИНСКОГО

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ 2005

Пн Вт Ср Чт Пт Сб Вс Пн Вт Ср Чт Пт Сб Вс

ЯНВАРЬ

1 2
3 4 5 6 7 8 9
10 11 12 13 14 15 16
17 18 19 20 21 22 23
24 25 26 27 28 29 30
31

ИЮЛЬ

1 2 3
4 5 6 7 8 9 10
11 12 13 14 15 16 17
18 19 20 21 22 23 24
25 26 27 28 29 30 31

ФЕВРАЛЬ

1 2 3 4 5 6
7 8 9 10 11 12 13
14 15 16 17 18 19 20
21 22 23 24 25 26 27
28

АВГУСТ

1 2 3 4 5 6 7
8 9 10 11 12 13 14
15 16 17 18 19 20 21
22 23 24 25 26 27 28
29 30 31

МАРТ

1 2 3 4 5 6
7 8 9 10 11 12 13
14 15 16 17 18 19 20
21 22 23 24 25 26 27
28 29 30 31

СЕНТЯБРЬ

1 2 3 4
5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25
26 27 28 29 30 31

АПРЕЛЬ

1 2 3
4 5 6 7 8 9 10
11 12 13 14 15 16 17
18 19 20 21 22 23 24
25 26 27 28 29 30

ОКТАБРЬ

1 2
3 4 5 6 7 8 9
10 11 12 13 14 15 16
17 18 19 20 21 22 23
24 25 26 27 28 29 30
31

МАЙ

1
2 3 4 5 6 7 8
9 10 11 12 13 14 15
16 17 18 19 20 21 22
23 24 25 26 27 28 29
30 31

НОЯБРЬ

1 2 3 4 5 6
7 8 9 10 11 12 13
14 15 16 17 18 19 20
21 22 23 24 25 26 27
28 29 30

ИЮНЬ

1 2 3 4 5
6 7 8 9 10 11 12
13 14 15 16 17 18 19
20 21 22 23 24 25 26
27 28 29 30

ДЕКАБРЬ

1 2 3 4
5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18
19 20 21 22 23 24 25
26 27 28 29 30 31

• К читателям «Молодежного военно-исторического журнала»

60 лет Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне. М.: Книга и бизнес, 2003. 472 с.

В книге публикуются материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом. В подготовке конференции и материалов сборника принимал участие совет философского клуба Ассоциации офицеров запаса «Мегарип».

РЕДКАЯ КНИГА – ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

В докладах и научных сообщениях раскрывается содержание Сталинградской битвы, в которой советский народ, Красная армия доказали, что они могут и умеют защищать свое Отечество как в оборонительных сражениях, так и в наступлении. Разъясняется суть коренного перелома в ходе войны, его характер, воздействие на Вторую мировую войну в целом.

Особое внимание уделяется анализу политических и военных факторов, обеспечивших коренной перелом, — роли духовных сил, социального оптимизма, которые проявили советские люди в ходе Сталинградской битвы. Важное место занимают обобщения и выводы, на основе которых сформулированы уроки для настоящего и будущего.

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

январь
№1 (537)
2005 год

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ:
ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ**
Н.Д. КОЗЛОВ — «Единодушный порыв победить, равному которому нет в мире»

3

**THE GREAT PATRIOTIC WAR:
AGAINST THE LIE AND FALSIFICATION**
N.D. KOZLOV — "Unanimous impulse to win, there is no equal
to that in the world"

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ВОЕННОЕ ИСКУССТВО
В.А. ЧЕРНУХИН — Несостоявшийся «Нордlicht»

8

THE GREAT PATRIOTIC WAR: ART OF WAR
V.A. CHERNUKHIN — Frustrated "Nordlicht"

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ
Е.И. МАЛАШЕНКО — Командармы Великой Отечественной войны

13

THE GREAT PATRIOTIC WAR: COMMANDERS AND CHIEFS
E.I. MALASHENKO — The Great Patriotic War Army Commanders

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.
М.Я. ТАРАСОВ — «Русские... полным ходом устремились к Выборгу»

19

THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941 – 1945
M.Ya. TARASOV — "The Russians... rushed at full speed to Vyborg"

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ:
ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ**
А.П. ЖАРСКИЙ — Боевое применение фронтовых и армейских узлов связи в годы
Великой Отечественной войны

26

**THE GREAT PATRIOTIC WAR:
FROM THE HISTORY OF ARMAMENT AND MILITARY EQUIPMENT**
A.P. ZHARSKY — Combat application of the front and army signal office
centers in the days of the Great Patriotic War

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ
Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — О потерях среди женщин-военнослужащих
и вольнонаемного состава

33

**THE GREAT PATRIOTIC WAR:
ANSWERS TO OUR READERS' QUESTIONS**
G.F. KRIVOSHEEV — About losses of servicewomen and civilians
employed in military establishment

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ
В.М. РАЕВ — Чтобы иметь боеспособные вооруженные силы, нужно уметь считать и
экономно расходовать денежные средства

34

THE GREAT PATRIOTIC WAR: MEMORIES AND ESSAYS
V.M. RAEV — In order to have efficient Armed Forces it is necessary
to be able to calculate and spend financial resources economically

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ
С.Л. ТАШЛЫКОВ — «Мы должны диктовать противнику способы и интенсивность
ведения действий...»

40

THE SECURITY OF RUSSIA: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW
S.L. TASHLYKOV — "We should dictate ways and intensity of conducting
operations to the enemy..."

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX ВЕКА
К.А. ШИПАЧЕВ — «Пока вы над нами, в нас никто не стреляет»

48

LOCAL WARS AND ARMED CONFLICTS OF XX CENTURY
K.A. SHIPACHEV — "While you are above, nobody fires a shot at us"

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
В.М. КУРМЫШОВ — Освещение проблем базирования
Балтийского флота в 1921—1941 гг.

54

HISTORIOGRAPHY AND THE SOURCE STUDY
V.M. KURMYSHOV — Dealing with problems the Baltic Fleet bases
in 1921 – 1941

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
А.П. ДЕГТЯРЕВ — Переход к всесословной воинской повинности и дебаты
в Государственном совете России

59

THE MILITARY CONSTRUCTIONS
A.P. DEGTYAREV — Transition to the all-estate compulsory military
service and the debates in the State Council of Russia

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
П.И. ВЕЩИКОВ — Главное богатство — люди
С.Н. КОВАЛЕВ — Первый бросок на юг

64

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY
P.I. VESHCHIKOV — The main riches — people
S.N. KOVALEV — The first rush to the South

МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»
К.А. КУЗНЕЦОВ — Академия юных военморов

THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE

65

**THE FRONT ALBUM OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL
MAGAZINE"**
K.A. KUZNETSOV — The Academy of the young military seamen

ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ
Кадетские годы
(Публикация З.Д. ЯСМАН)

68

THE EPOCH, REFLECTED IN BIOGRAPHIES
The cadet years
(Publication of Z.O. YASMAN)

ПАМЯТНАЯ ДАТА ЯНВАРЯ
А.В. ОСТРОВСКИЙ — Московскому университету — 250 лет

72

THE MEMORABLE DATE OF JANUARY
A.V. OSTROVSKY — 250 years of the Moscow University

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ
«Все, что вы от меня увидите, так это маленькое облачко пыли на горизонте»
(Публикация В.И. ГУСАРОВА)

73

REVIEW OF RARE EDITIONS
"All you will see of me is a small cloud of dust at the horizon"
(Publication of V.I. GUSAROV)

К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

76

**TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL
MAGAZINE"**
A. S. ZHDANOVSKY — The cryptogram "East-Prussian strategic
offensive operation (January 13 — April 25, 1945)"

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 7, 18, 47, 58;
КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА — 25, 71; ХРОНОГРАФ — 42;
ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 39, 77;
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ — 79.

SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 7, 18, 47, 58;
THE BOOKSHELF OF MILITARY HISTORIAN — 25, 71;
THE CHRONOGRAPH — 42; THE EDITORIAL MAIL OF "VOENNO-
ISTORICHESKIY ZHURNAL" — 39, 77; THE MEMORABLE DATE
OF JANUARY — 72; THE MILITARY HISTORICAL CALENDAR — 79

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

1

(537) 2005 January

The Journal of Military History

Edition of the Ministry of Defense
of the Russian Federation Armed Forces
Founded in August, 1939

ГРИГОРИЙ Осифович (Осипович) Засекин по прозвищу Зубок начал свою ратную службу в 15 лет, был головой в русской крепости в Приладожье, воеводой в Орешке, участвовал в Ливонской войне, за что получил «копейку золотую» от Ивана Грозного, в 1583—1586 гг. строил крупную оборонительную линию — Алатырскую засеку. Именно в Алатырь, где Засекин служил главным воеводой, пришло послание: «Государь... указ учинить велит да память воеводе князю Григорию как город на Самаре поставить и укрепить». Исполняя волю царя, Григорий Осифович руководит строительством трех крепостей на Волге: Самары — в 1586 году, Царицына — в 1589-м и Саратова — в 1590-м.

Самым ярким периодом в служебной карьере Засекина стало строительство с опытным фортификатором Федором Ельчаниновым крепости Самара. Оно было начато в мае 1586 года, а уже в сентябре воевода Г.О. Засекин принимал в крепости крымского царевича.

Григорий Засекин не ошибся, определив место крепости на возвышении в нескольких верстах от Волги. За сто лет он предугадал, что река изменит русло и подойдет к стенам крепости. Крепость, построенная князем Григорием Засекиным в 1586 году, не стала «московским подарком» Ногайской Орде. Через сто лет (в 1688 г.) Самара получит статус города, еще почти через две сотни лет (в 1851 г.) станет городом губернским. В середине XX века ее назовут «запасной столицей»... Тем самым подтвердилось предсказание святого Алексия, небесного покровителя Самары, сказанное им, согласно легенде, в 1378 году о том, что «на сем месте будет... город Самара, в котором просияет благочестие, и оный город никогда и никем разорен не будет».

У построенных позднее Засекиным вместе с Нащокиным Царицына и вместе с Туровым Саратова сложилась менее счастливая судьба. Эти сторожевые городки в будущем поменяли свои места.

Князь Григорий Засекин — первый воевода и строитель волжских крепостей Самары, Царицына и Саратова

И ПОВЕЛЕЛ ГОСУДАРЬ КРЕПОСТЬ ЗАЛОЖИТЬ

▲ Фрагмент карты и рисунок из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию...». СПб., 1906.

▲ Самара. Вид города по гравюре VIII в.

ОТКРЫТКИ времен Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. нельзя рассматривать без волнения. В дни, когда все было подчинено единой цели — поднять народ на священную освободительную борьбу против захватчиков, наряду с политическим плакатом, оружием пропаганды стали и почтовые открытки. Зачастую повторяя плакат, они несли его призывную силу, наглядность и доходчивость образной системы, оперативность отклика на важнейшие события войны в широкие массы, в каждый дом и каждому бойцу. Авторы открыток военной поры старались вдохновить современников, но вряд ли думали о том, что оставляют потомкам память о своем легендарном времени.

К 60-летию Победы

Новогодние поздравительные открытки времен Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

«СКВОЗЬ ГОДЫ ПРИЗВАНИЮ И ЛЮБОВЬ

АФАНАСИЙ Иванович Шелоумов, русский художник-баталист, родился 17 августа 1892 года в Каменец-Подольске. С 8-летнего возраста жил в городе Балте, где ежегодно проходили конные ярмарки. Испытывая большую любовь к лошадям, Шелоумов еще ребенком рисовал их на грифельной доске и на каждом листике бумаги, попавшем ему в руки.

Неизгладимым воспоминанием и стимулом для решения стать художником, изображающим лошадей, была конная мобилизация во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. Окрестные помещики и население приводили в Балту чудных лошадей, многие были с диким темпераментом, и солдаты-драгуны с большим трудом справлялись с ними.

Учась в городском училище с 1904 по 1908 год, Шелоумов брал частные уроки у художника, преподававшего там черчение, затем поступил в художественное училище в Одессе, а после окончания его — в Императорскую академию художеств в Петербурге, где учился батальной живописи у академика Н.С. Самокиша.

Первая мировая война и наступившая революция не дали возможности закончить академию. Во время Гражданской войны Шелоумов зарисовывал характерные группы солдат и лошадей, где только была возможность, а позже, в Галлиполи, он создал целый альбом с видами лагеря и портретами его обитателей.

Переехав в Югославию, группа художников с большим успехом организовала и провела выставки в Белграде и других городах Воеводины. Многие произведения Шелоумова были приобретены разными учреждениями, а картина из истории Сербии — Военно-историческим музеем Югославии. Его работы хранятся также в Нью-Йорке, в Музее русской конницы.

В 1962 году к 150-летию Отечественной войны 1812 года художник устроил выставку своих картин в частной галерее в Мюнхене. Выставка имела большой успех, о чем свидетельствовали рецензии в прессе. Вниманию наших читателей представлены репродукции произведений А.И. Шелоумова, посвященные Отечественной войне 1812 года и Гражданской войне в России.

▲ Донские казаки нападают на французскую артиллерию

➤ Русские уланы в походе

ИЗГНАНИЯ ПРОНЕСЯ ВЕРНОСТЬ К ИСТОРИИ РОССИИ»

◀ Эпизод из 1812 года

Конный патруль ▲

▲ Трубач

▲ Последний резерв — из Гражданской войны

Поход казаков XVII века
Фрагмент картины

Из коллекций
Военно-научной
библиотеки
Генерального штаба
ВС РФ
(Москва)

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

● Вторая мировая: военное искусство

Особенности
противовоздушной
обороны европейских
столиц во Второй
мировой войне

● Великая Отечественная: полководцы и военачальники Командармы Вели- кой Отечественной войны

● Военное строительство Развертывание во- енно-морских баз и береговой оборо- ны в Прибалтике в феврале 1940 — июне 1941 года

«Решительным об-
разом пресекать
недооценку
химической
опасности»

● Локальные войны и вооруженные конфликты XX века Стратегическая авиация США в операции «Лайнбэкер-2»

● Великая Отечественная: эпоха в биографиях Крылатый джигит

● Безопасность России: в прошлом, настоящем и будущем «Придет время, когда поймут, что мы там воевали за свое Отечество»

● Русско-японская война 1904—1905 гг. Транспортное обеспечение Маньчжурской армии во время Русско-японской войны 1904—1905 гг.

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих научных изданий Российской Федерации, в которых рекомендовано публиковать результаты научных исследований на соискание ученой степени доктора наук

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», майор (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛЬТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

В.А. КРАВЧЕНКО — начальник Главного штаба Военно-морского флота — первый заместитель главнокомандующего Военно-морским флотом, адмирал (Москва)

И.В. КУЗИНА — ответственный секретарь редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

В.И. ОСТАНКОВ — начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор военных наук, профессор (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник (г. Подольск Московской области)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
О.В. КАРПОВА, полковник;
Ю.Н. ЛЕЩЕНКО, подполковник;
В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;

А.В. ОСТРОВСКИЙ;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке

секретариат:

Ю.В. СНЕГОВА (заместитель ответственного секретаря);
К.Н. АГАФОНОВА;
М.В. ЗАБРОДИНА;
Е.В. КРИГЕР

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
А.М. ПЕТРОВ, полковник в отставке;
Г.В. САТИК

художественные редакторы:

Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:

М.П. МОИСЕЕВА

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов (г. Красногорск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Е.Н. КОРЧАГИН — заместитель директора музея «Исаакиевский собор», капитан 1 ранга в отставке, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Е.И. МАЛАШЕНКО — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — начальник Центрального музея Вооруженных сил, полковник (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — директор историко-документального департамента МИД РФ (Москва)

«ЕДИНОДУШНЫЙ ПОРЫВ ПОБЕДИТЬ, РАВНОГО КОТОРОМУ НЕТ В МИРЕ»

В историографии и народном сознании продолжается осмысление зла, причиненного фашизмом народам мира, сближаются позиции российских и зарубежных ученых, изучающих проблемы войны 1941—1945 гг. В то же время в публицистике присутствуют упрощенные попытки видеть в прошлом лишь властных злоумышленников, вводящих народ в заблуждение, и массу страдальцев, которые под воздействием страха и насилия безропотно выполняли предписания первых. Такой подход искажает мотивы борьбы, принижает всенародный подвиг, формирует неверное представление о моральном облике защитников Отечества. Автор публикуемой статьи ставит целью привлечь внимание читателей журнала к оценкам подвига и источников моральной стойкости и силы советских воинов и народа, которые давали в ходе совместной борьбы с врагом политические и военные деятели, представители общественности союзных стран.

ПОДВИГ советского народа нашел отражение в официальных заявлениях, высказываниях, сочинениях и воспоминаниях политических и военных деятелей, разнообразных материалах, напечатанных иностранными журналистами и литераторами по горячим следам событий, в письмах, посланиях, обращениях и результатах опросов граждан.

Следует отметить, что в предвоенный период не только политики, но и общественность западных стран не однозначно относились к советскому строю, значительная часть негативно воспринимала внутреннюю и внешнюю политику СССР. В 1938 году институт Гэллага¹ провел опрос 3000 американцев. На вопрос: «Если бы была война между Германией и Россией, кому бы вы пожелали победу?» — 82 проц. опрошенных ответили в пользу нашей страны, а 18 проц. — Германии. На вопрос о том, в условиях режима какого типа они предпочли бы жить, 59 проц. высказались за германский, а 41 проц. отдали предпочтение русскому. Опрос, проводившийся тем же институтом в декабре 1939 года показал, что из 89 проц. американцев, имевших свое мнение о Советско-финляндской войне, 99 проц. были на стороне Финляндии и лишь 1 проц. поддерживал СССР. Журнал «Тайм» тогда же утверждал, что И.В. Сталин «совместно с А. Гитлером является самым ненавидимым человеком в мире»².

Более позитивно в отношении нашей страны высказывались в этот период англичане. Опрос Британского института общественного мнения, проведенный в 1939 году, показал, что 74 проц. опрошенных хотели

бы установления более дружественных отношений с СССР и лишь 7 проц. выступили против этого³.

В первые недели борьбы советского народа против фашистской коалиции немало политических и военных деятелей Запада продолжали негативно относиться к нашей стране, считая, что она быстро потерпит поражение. Неоднозначно было и мнение населения. В начале июля 1941 года провели опрос общественного мнения среди населения США. На вопрос: «Какую сторону в войне между Германией и Россией вы хотели бы видеть победителем?» — 72 проц. опрошенных ответили — Россию, 4 проц. — Германию. 17 проц. заявили, что им безразлично, остальные участники опроса не имели мнения по этому вопросу. Одновременно 47 проц. опрошенных полагали, что победу в этой войне одержит Германия, а 22 проц. — Россия⁴.

Под влиянием упорного сопротивления Красной армии мнения политиков и общественности претерпели существенные изменения. Трезвый расчет, стремление объединить усилия для спасения мировой цивилизации заставили многих политических и военных деятелей изменить отношение к нашей стране. В целом в годы войны и вскоре после ее окончания они давали исключительно высокую оценку роли боевых действий нашей армии и вклада советского народа в борьбу с общим врагом.

Президент США Ф. Рузвельт писал в телеграмме генералу Д. Макартуру: «С точки зрения большой стратегии ясен простой факт: русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятых»⁵. В письмах к И.В. Сталину он отмечал, что «американский народ в восторге от замечательной борьбы Ваших вооруженных сил», выражал «глубокое восхищение великолепными, непревзойденными в истории победами». Президент США утверждал, что советский народ и его армия своим примером вызывают

К 60-летию Победы

«среди всех Объединенных Наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага»⁶. «Американскому народу не следует забывать, что в 1942 году он был недалек от катастрофы, — подчеркивал государственный секретарь США Э. Стеттиниус. — Если бы Советский Союз не смог удержать свой фронт, для немцев создалась бы возможность захвата Великобритании. Они смогли бы также захватить Африку, и в этом случае им удалось бы создать свой плацдарм в Латинской Америке»⁷.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль в своих посланиях к советскому руководству «выражал восхищение от блестящих успехов» его армий. В феврале 1943 года премьер-министр писал, что цепь необыкновенных побед лишает его возможности найти слова, чтобы выразить восхищение и признательность по отношению к русскому оружию⁸. Он подчеркивал, что Красная армия нанесла германской армии «смертельный удар, чего не смогла бы сделать ни одна другая армия в мире»⁹.

Министр информации Великобритании Б. Брэкеш в обращении к советским читателям первого номера еженедельника «Британский союзник» также отме-

чал, что англичане испытывают «восхищение и уважение к героическому духу советского патриотизма в войне за освобождение»¹⁰.

Политические и общественные деятели других стран антигитлеровской коалиции указывали, что мужественная борьба советского народа пробуждает чувства величайшего восхищения и уважения, а Москва является «надеждой, сердцем всего мира»¹¹.

Премьер-министр Австралийского Союза Д. Кэртен в обращении к народам СССР с уважением говорил об их подвигах, которые определили поворот во Второй мировой войне, заявив, что австралийский народ «с величайшим восхищением относится к новому обществу, построенному в СССР»¹².

Вице-президент США Г. Уоллес в 1942 году пришел к выводу, что в истории народов его страны не было более разительного примера мужества и готовности к жертвам, чем тот, который являет сейчас Россия¹³. По мнению посла Великобритании в США лорда Галлифакса, доблесть и героизм армии и «изумительное хладнокровие» гражданского населения Советского Союза показали всем великолепный пример¹⁴.

Население союзных стран и представители общественных организаций, часть средств массовой информации, будучи в меньшей степени подвержены политической конъюнктуре и расчетам, были еще более откровенны и искренни в своих оценках. Уже в 1941 году группа преподавателей и сотрудников Массачусетского технологического института в обращении к советскому народу отмечала: «Мы в огромном долгу перед вами за ту великую борьбу, которую вы ведете против нашего общего врага... Будущее цивилизованного человечества зависит от исхода этой борьбы»¹⁵. Известный американский писатель Э. Хемингуэй считал, что все свободолюбивые народы в неоплатном долгу перед Красной армией, являвшейся «героическим образцом, которому необходимо подражать»¹⁶.

ВЕСНОЙ 1942 года в Детройте состоялся съезд славян Америки. Его делегаты представляли интересы около 15 млн. человек славянского происхождения. В обращении к советскому народу съезд выразил восхищение «неустранимым духом, мужеством и боевой решимостью» армии и населения и поддержал заявление генерала Д. Макартура о том, что Красная армия «является надеждой цивилизации»¹⁷.

Бывший посол США в Москве Д. Девис в 1943 году охарактеризовал борьбу советского народа против гитлеровской коалиции «как одно из решающих событий истории». Усилия Советского Союза спасли мировую цивилизацию, которая «была на грани уничтожения так называемыми прусскими сверхлюдьми, чьей целью было насаждение жестокости, плотской мировой системы, где бы они были бы повелителями, а все остальные — рабами», — писал он. — Миф о гитлеровской непобедимости был разрушен благодаря великому советскому народу, его мужеству и героизму, действиям советского правительства и Красной армии. Русские не только сохранили свою независимость, спасли мир. Они также дали нам возможность подготовиться и самим принять участие в уничтожении этого зла, грозящего погубить все миролюбивое человечество»¹⁸.

Характеризуя моральный облик населения и армии нашей страны, печать стран антигитлеровской коалиции называла их «образцами мужества и моральной силы»¹⁹. Действия и поступки советских воинов и гражданского населения, показанные в документальном фильме «Разгром немцев под Москвой», — отмечала американская печать, — вызывают желание вскочить со своего места в зрительном зале и присоединиться к рядам борющихся на экране, с тем чтобы раз и навсегда стереть с лица земли дегенеративность и бессмысленную жестокость нацизма»²⁰.

Анализируя содержание документального фильма «Сталинград», английская печать утверждала, что он рассказывает «о высоте человеческого духа и о той

степени падения, до какой доходят человеческие существа»²¹. «Все расовые теории нацистов о принадлежности к высшей расе и поработлении народов для русских были в высшей степени оскорбительны, — обобщал американец А. Попе. — Эта теория расового превосходства противоречит их менталитету и их учению. Против этих теорий они будут продолжать бороться с рвением»²².

Таким образом, печать, политические деятели и общественность союзных государств выделяли один из важнейших источников духовной силы, высокого морального облика Красной армии и советского народа — их коренную противоположность человеко-ненавистнической политике и идеологии, аморализму армии захватчиков. Благородство целей и задач в борьбе против фашизма получило высокую оценку общественности союзных стран, способствовало росту международного авторитета СССР, интереса к разным сторонам его жизни.

ОДИН из главных источников силы и моральной стойкости армии и народа Советского Союза в борьбе с захватчиками их зарубежные современники видели и в единстве фронта и тыла, армии и народа. «Я хочу воздать должное русскому народу, в котором Красная армия берет свои истоки и от которого она получает людей и снабжение, — писал в феврале 1942 года президент США Ф. Рузвельт. — Русский народ также отдает все свои силы войне и приносит величайшие жертвы»²³.

Издававшийся в США журнал «Советская Россия сегодня» регулярно анализировал состояние и истоки духовных сил армии и народов СССР. На его страницах были опубликованы циклы и отдельные статьи, посвященные морали Красной армии, влиянию на народное сознание крупнейших сражений на советско-германском фронте, духовным силам молодежи, моральной силе населения блокадного Ленинграда и др. В одной из аналитических статей обращалось внимание на то, что «вся советская нация не боится свою армию. Среди людей есть всеобщее чувство глубокой привязанности и любви к бойцам Красной армии, которые в свою очередь любят советских людей и готовы принести любую жертву ради них». Указывалось и на отсутствие глубоких социальных противоречий в обществе и армии, опытность командного состава, общность интересов между подчиненными и командирами, строжайшую дисциплину, основанную на высоком авторитете командного состава, на политическом и гражданском сознании всех рядовых. Аналитик подчеркивал, что «Красная армия — это громадная образовательная система для молодежи страны», она является одной из самых молодых по среднему возрасту солдат, офицеров и генералов. «Эта высокая мораль Красной армии объясняет, почему они готовы сражаться, — делал вывод автор. — Эта мораль, построенная на совершенном понимании всех "почему" и "зачем", глубоко укрепились в замечательной военной традиции страны, которая на протяжении последнего тысячелетия ведет войны со многими завоевателями, войны, которые Россия всегда в конце концов выигрывает»²⁴.

Весьма авторитетный корреспондент английской газеты «Таймс» Р. Паркер в 1943 году однозначно утверждал, что сила Советского Союза в том, что «на протяжении 25 лет Красная армия ни на минуту не теряла связи с народом, не переставала черпать свои силы из жизни народа». Его коллеги называли советских солдат мыслящими, любознательными, простыми и делали вывод, что «нет сейчас в военной истории звания более почетного, чем звание красноармейца»²⁵.

Генерал Шарль де Голль среди причин успехов русских указывал на их умение превозмочь невзгоды, объединить силы армии и народа, в результате чего «самые суровые испытания не поколебали сплоченности»²⁶.

Английский историк А. Верт, находившийся на протяжении всей войны в нашей стране в качестве журналиста, выезжал на разные участки советско-германского фронта и в различные районы страны, интересовался настроениями и поведением советских людей. На основании полученных впечатлений он пришел к выводу, что постоянно ощущал подлинно народный характер борьбы. «Сознание того, что это была их собственная война, — писал он, — было в общем одинаково сильно как у гражданского населения, так и у солдат»²⁷.

Причины самоотверженного преодоления тягот военного времени, отсутствия малодушия, «единодушный порыв победить, равно которому нет в мире», по мнению американского писателя Э. Колдуэлла, заключались в превосходстве над противником «по части морального духа». Это выражалось в «вере в себя, в свое правительство, в свою Красную армию. Такой веры к своей армии не питал ни один народ»²⁸.

Наибольшее впечатление на членов делегации британских кооператоров, посетивших в 1944 году ряд городов нашей страны, произвела любовь к своей родине самых различных слоев населения. В заявлении для печати от имени делегации утверждалось, что весь народ «работает для войны, отложив на время все, что непосредственно не способствует скорой победе»²⁹.

ЧЛЕНЫ правительственной делегации Чехословакии утверждали, что «во всем чувствуется сознательное соединение послереволюционного пионерского духа с лучшими дореволюционными традициями», готовность отдать все «для победы права и свободы»³⁰. Президент Чехословакии Э. Бенеш считал, что путь, пройденный нашей страной после 1917 года, «является величайшим цивилизационным процессом». «Советский Союз, — утверждал президент, — прошел с огромной смелостью и с невероятной быстротой сквозь ряд таких социальных, культурных и психологических перемен, что он не только изменил до самого основания весь облик старой России, но за двадцать пять лет своего существования нагнал то, что было запущено медленным развитием предыдущих эпох, во многом приблизился к Европе как к культурному целому, а во многих областях деятельности переиграл и превзошел ее»³¹.

Еще дальше в своем анализе и выводах пошел еженедельник «Британский союзник». В его аналитическом обзоре содержится вывод о том, что послереволюционное развитие сделало Советскую Россию «важным и ценным фактором в жизни Европы и в развитии европейской цивилизации». Редакция издания считала, что своим социальным и национальным устроением Советский Союз разрешил целый ряд проблем общеевропейского характера, в частности вопросы о положении женщин, о взаимоотношении между различными нациями и другие, которые волновали Европу в течение столетий³². Еще в одном аналитическом материале издания утверждалось: «К счастью для России и всего мира, в 1929 году в крупном масштабе началась индустриализация советской страны... Осуществление пятилетних планов создало прекрасный фундамент для выпуска всех технических средств, необходимых для ведения войны в современных условиях»³³.

Вице-президент США Г. Уоллес истоки силы нашей страны также видел в предвоенных преобразованиях. Среди них он выделял то, что Россия «пошла дальше, чем какая-либо другая страна в отношении применения этнической демократии», и признавал, что этому следует «поучиться у русских». К тому же, по мнению Г. Уоллеса, «в области просвещения осуществлена демократия со всей силой», дана возможность народу «утолить вековую жажду грамоты, и в 20 лет Россия превратилась в нацию сплошной грамотности»³⁴.

Результатом этих изменений, уже по мнению англичан, выявленному в ходе социологического опроса, стало то, что «русская армия — это политически сознательная армия народа»³⁵. Итоги другого опроса британ-

цев в 1942 году показали, что подавляющее большинство их видело причины успеха Красной армии в единстве и сплоченности народов СССР, которые «вместе участвуют в войне и знают, за что они борются»³⁶.

«Да, русские действительно сплоченный народ, как ни один народ в мире в этой войне, — утверждал и американский аналитик. — В России нет расовой дискриминации, которая бы создавала причины для невзгод и конфликтов среди людей. Несмотря на то что в России существует огромное количество народностей и языков, они все равноправны»³⁷.

Журнал «Советская Россия сегодня» опубликовал статью «Истоки советской гражданской морали». Ее автор У. Джонсон в 1934—1937 гг. работал преподавателем английского языка в одном из московских вузов. Восхищенная, как и многие американцы, мужественной борьбой народов нашей страны, она выделила в качестве источников их духовной стойкости взаимосвязь благосостояния личности с благосостоянием общества, персональное участие в достижении общественного успеха, коллективизм и солидарность, взаимовыручку и взаимопомощь. Сюда она отнесла высокие цели и социальную ориентированность людей, вдохновляющие традиции и символы, гордость успешными странами, доверие к руководству, стремление советских людей защитить мировую культуру и национальную независимость. «Эти факторы формируют их величественную мораль, мораль, которая не рассыпалась, пройдя через кровь и тяжелый труд, которая лишь укрепилась, — сделала вывод автор. — Эту мораль весь свободолюбивый мир уважает и чтит»³⁸.

ВЦИКЛЕ публикаций, посвященных движущим силам советской молодежи, напечатанном в трех номерах журнала «Советская Россия сегодня» в июле—сентябре 1943 года, их автор, доктор Г. Уорд, утверждал, что советский патриотизм как мотивирующая сила мужества, стойкости и самоотречения включает особые элементы, которые не представлены в такой степени у народов других стран. «Это больше, чем любовь к русской земле и народу, больше, чем гордость великим прошлым, — считал Г. Уорд. — Эти вещи тоже имеют значение, но лишь как притоки главного течения. Это сознание обладания и принадлежности к тому, что сам помогал создавать. Это реализация пророческого обещания: "Кто строил, тот будет обживать", это приумножение чувства первопроходца к дому и земле, которую возделывал и вырвал у пустыни. Обратная сторона этого — чувство обязательства перед Родиной, которое символизируется общими усилиями и их результатами»³⁹.

Британские военные эксперты, признававшие влияние исторических, географических и природно-климатических факторов на ход войны, подчеркивали, что их не следует преувеличивать, недооценивая колоссальные успехи, достигнутые СССР, достоинств Красной армии и ее военачальников. Главную ошибку фашистского командования они видели в том, что оно допустило грубейший просчет, не учтя сплоченность многонационального советского государства и патристическую готовность русских сражаться за свою Родину⁴⁰. «Красная армия — это армия мыслящих людей, в душе которых вы найдете неискоренимую любознательность русского народа, богатство его талантов, широту и величие русской культуры, — писал один из британских военных специалистов. — Советский Союз вправе гордиться своими сынами, которые с таким величием, с такой простотой и глубоким пониманием цели ведут бои на огромных полях сражений»⁴¹.

Митрополит Алеутский и Северо-Американский Вениамин, посетивший нашу страну в период войны, отмечал такие качества советских людей, как сердечность и простота, скромность, дружелюбие и жертвенность, мужество и сила терпения, умение переносить страдания. «И в этой общей работе "на армию", "на по-

беду" слились и церковь, и государство, и верующие, и маловерующие, и неверующие. Любовь к Отечеству, борьба за свободу от немецкого ига, которое грозило России и всему миру, сплотило здесь всех в единый, могучий, несокрушимый фронт»⁴², — указывал он на истоки духовных сил и стойкости армии и народа.

В ПОСЛЕДНЕЕ десятилетие появилось значительное количество работ, авторы которых анализируют сущность тоталитарной социально-политической системы, сформировавшейся к концу 1930 годов в СССР. Их определения и оценки имеют существенные различия, но все они однозначно признают, что важнейшим звеном системы была Коммунистическая партия. В предвоенные годы определилась важнейшая тенденция — интенсивное сращивание ее с государством. Как считает известный исследователь В.П. Петров, исторические особенности развития и способов социальной организации российского геополитического пространства вызвали к жизни «оригинальный симбиоз Коммунистической партии и Советского государства», который он называет советским партийным государством⁴³. Партия, жестко централизованная и дисциплинированная, охватывала все сферы жизни общества, имела опыт и была приспособлена к работе в экстремальных условиях, обладала широкими возможностями по мобилизации и маневрированию материальными, людскими, финансовыми и военными ресурсами, духовным потенциалом.

В 1990-е годы вопрос о роли партии в период всенародной борьбы с врагом практически не исследовался. В современной отечественной историографии по этой проблеме существует разброс мнений: от сведения всех источников побед к руководящей роли ВКП(б) до взаимоисключающего утверждения о ее негативном влиянии на ход войны⁴⁴.

В 1944 году исследователь Р. Лаутербах в аналитической статье «Россия военного времени и Коммунистическая партия», опубликованной в американском журнале «Российское обозрение», пришел к выводу, что важным результатом развития Советского Союза в годы войны явился рост и укрепление партии. Автор отмечал, что «у коммунистов было лидерство, программа, и, более того, способы. Когда возникла потребность в лозунгах, коммунисты имели их целыми папфлетами. Когда требовалась песня, чтобы улучшить мораль, у них появлялись и песни — очень вдохновляющие... Когда заводу срочно требовались очень дефицитные строительные материалы, партийный канал был самым быстрым путем в обход бюрократии военного времени. Партия пополняла ряды членов, тренировала и пропагандировала их»⁴⁵.

Поддержка большинством народа советского руководства в войне, на что обращали внимание политики и общественность союзных государств, имела ментальную, материальную, социальную и идейную основы. Отечественный философ эмигрант Г.П. Федотов, характеризуя советского человека, отмечал, что он «живет по указке и заданию, не любит сомневаться, предан власти... готов заморить себя за работой, и его высшее честолюбие — отдать свою жизнь за коллектив... партию или Родину...»⁴⁶.

Н ЕСМОТРЯ на все многообразие оценок сущности и роли государства и руководства, мало что решается отрицать роль партии в обеспечении конечной результативности в проведении всех организационных, социальных, хозяйственных и военно-оборонительных мероприятий. Созданная система власти была приспособлена к функционированию в экстремальных военных условиях, позволяла сосредоточить все силы и ресурсы страны и народа для достижения победы над врагом.

Обобщенная характеристика роли системы в достижении победы над германским фашизмом, в том числе путем мобилизации духовного потенциала и укреп-

ления моральной стойкости, дана американскими специалистами. В марте 1943 года в США президентский комитет по протокольным отношениям с СССР подготовил меморандум для Г. Гопкинса — советника и специального помощника американского президента Ф. Рузвельта. В документе был сделан вывод о том, что Советский Союз является решающим фактором войны и ему необходимо оказывать всемерную помощь. «В России диктатура, возможно, самая абсолютная из всех, которые когда-либо были в мире. — отмечали авторы документа. — Россия очень гордится успехами, которые были достигнуты в условиях этой диктатуры. Бесспорно, что без этой диктатуры Германия, очевидно, одержала бы победу в войне»⁴⁷.

Анализируя источники моральной стойкости и побед Красной армии в процессе войны, военные специалисты союзных государств отмечали сближение различных начал в патриотическом сознании армии и народа. Английский историк и журналист А. Верт подчеркивал, что «было бы слишком большим упрощением считать, что это была "национальная" или даже "националистическая война и ничего больше"... в этой национальной, народной войне советские люди сражались так же за свою советскую власть»⁴⁸.

Изложенные высказывания и суждения, наблюдения, оценки и выводы относились к людям, которые имели отличный от других уровень образования и жизненный опыт, являлись гражданами разных стран, сторонниками различных конфессий. Среди них были политики и военные, общественные деятели и ученые, люди разных национальностей, атеисты и верующие. Объединяло их, как правило, чувство глубокого восхищения и преклонения перед мужеством и героизмом советских воинов и народа, признание того факта и благодарности за то, что своей борьбой последние отстаивают свободу и независимость, право на жизнь, честь и достоинство народов всего мира.

С ИСТЕМА ценностных предпочтений воинов и большей части народа, по мнению союзников, поддерживалась, формировалась и направлялась чаще всего под воздействием, во-первых, исторических и культурных традиций, многовекового народного опыта; во-вторых, на нее воздействовали устоявшиеся общепринятые нормы и правила, следование которым обуславливалось не столько внешним давлением — административным, правовым, мировоззренческо-психологическим со стороны государства, сколько в большинстве случаев было внутренне присуще людям; в-третьих, на массовое сознание и моральную стойкость оказывало нравственное неприятие армией и народом идеологии, морали и практики захватчиков (их расовой и социальной ненависти, духу вседозволенности, грабежа и насилия наш народ противопоставил вместе с силой оружия силу своего духа); в-четвертых, давали о себе знать новые стимулы, рожденные советской властью, вера людей в идеи социальной справедливости, равенства, созидания и дружбы народов; в-пятых, огромное влияние имела организаторская, военно-хозяйственная и агитационно-пропагандистская деятельность партийно-советской системы, направленная на решение конкретных военных и жизненных задач, исходящая из благородных идей патриотизма, вызванная жизненной необходимостью, отличавшаяся решительностью, построенная на объективном совпадении в этот период целей системы и народа.

Опыт войны показал, что справедливые, гуманные цели способствуют пробуждению народной инициативы, росту гражданственности, увеличивают силы страны и населения, находят понимание и поддержку, пользуются уважением мировой общественности. Настоящие патриотические устремления не противоречат общечеловеческим интересам, а обогащают и дополняют их.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Институт Гэллага — американский институт общественного мнения, основанный Дж. Гэллагом в 1935 г.; проводит регулярные опросы населения по проблемам внутренней и внешней политики.

² Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны 1941—1945. Воронеж, 1995. С. 12—14.

³ Британский союзник. 1943. № 4(24). С. 1.

⁴ Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Указ. соч. С. 43—44.

⁵ New York Times. 1955. 20 oct. P. 10.

⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1989. Т. 2. С. 16, 51, 55.

⁷ Stettinius E. Roosevelt and the Russians. N.Y., 1949. P. 7.

⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР.. Т. 1. С. 49, 111.

⁹ Британский союзник. 1943. № 36. С. 1.

¹⁰ Там же. 1942. № 1. С. 1.

¹¹ Там же. № 2. С. 3; Гренё Ф. Вот как это было. М., 1960. С. 99.

¹² Британский союзник. 1943. № 3. С. 1.

¹³ Комс. правда. 1942. 12 ноября.

¹⁴ Правда. 1942. 19 марта.

¹⁵ Иностр. лит. 1967. № 5. С. 145.

¹⁶ Там же. С. 147.

¹⁷ Славяне. 1942. № 1. С. 55.

¹⁸ Soviet Russia today. 1943. March. P. 8, 33.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 21. Д. 26. Л. 5.

²⁰ Там же. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 13.

²² Soviet Russia today. 1942. April. P. 14.

²³ Переписка Председателя Совета Министров СССР.. Т. 2. С. 56.

²⁴ Soviet Russia today. 1942. January. P. 21, 22, 42.

²⁵ Британский союзник. 1945. № 3. С. 5.

²⁶ Шарль де Голль. Военные мемуары. М., 1957. Т. 1. С. 657.

²⁷ Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967. С. 26.

²⁸ За рубежом. 1984. № 43. С. 17—18.

²⁹ Британский союзник. 1944. № 49. С. 9.

³⁰ Славяне. 1944. № 11. С. 35.

³¹ Там же. № 2. С. 12.

³² Британский союзник. 1944. № 36. С. 9.

³³ Там же. 1945. № 2. С. 9.

³⁴ Комс. правда. 1942. 12 ноября.

³⁵ Британский союзник. 1945. № 3. С. 5.

³⁶ Там же. 1943. № 4. С. 1.

³⁷ Soviet Russia today. 1942. April. P. 13.

³⁸ Ibid. 1943. January. P. 9-12.

³⁹ Ibid. August. P. 23.

⁴⁰ Британский союзник. 1945. № 2 (124). С. 9.

⁴¹ Там же. № 3 (125). С. 5.

⁴² Журнал Московской патриархии. 1945. № 3. С. 22—24.

⁴³ Воен.-истор. журнал. 1995. № 6. С. 5.

⁴⁴ См.: Поляков Ю. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 72.

⁴⁵ The Russian Review. Vol. 4. 1944. № 1. P. 11—17.

⁴⁶ Федотов Г.П. Россия и свобода // Знамя. 1989. № 12. С. 212.

⁴⁷ Иванов Р.Ф., Петрова Н.К. Указ. соч. С. 168.

⁴⁸ Верт А. Указ. соч. С. 27.

Н.Д. КОЗЛОВ

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

ИТОГОВОЕ ЗАСЕДАНИЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

На итоговом заседании редакционной коллегии и редакционного совета «Военно-исторического журнала», которое по приглашению заместителя начальника Генерального штаба генерал-полковника А.С. Сковорова состоялось в Генеральном штабе ВС РФ, были подведены итоги работы редакции за 2004 год и рассмотрены основные тематические направления журнала на 2005 год. С докладом выступил главный редактор «Военно-исторического журнала» капитан 1 ранга И.А. Анфертьев. Он отметил, что основные задачи и направления работы редакции «Военно-исторического журнала» определены Уставом редакции и приказом министра обороны РФ № 265 от 10 июня 2001 года «О военно-исторической работе в Вооруженных силах Российской Федерации», в соответствии с которыми ежегодно формируется Перспективный тематический план публикаций.

В 2004 году на страницах журнала на конкурсной основе увидели свет 135 научных статей, 31 подборка документов и воспоминаний, 33 рецензии на новые книги по военно-исторической тематике и 54 цветные иллюстративные подборки. Всего за год опубликовано 253 различных материала, не считая информативных сообщений под рубриками «Научные сообщения и информация», «Хронограф», «Книжная полка военного историка», «Памятная дата», «Военно-историческая работа», «Военно-мемориальная работа», «Из редакционной почты "Военно-исторического журнала"». Наибольшее внимание уделялось проблематике Великой Отечественной войны — опубликовано 39 материалов, еще 8 — о Второй мировой войне. Наибольшее число статей помещено в рубриках: «Первая мировая война» (90-летие с ее начала отмечалось в этом году) — 30 материалов, «Военная символика» — 14 (в основном цветные иллюстративные подборки), «Военное искусство» — 12, «Военное строительство» — 12, «Эпоха в биографиях» — 12, «Военно-патриотическое воспитание» — 10, «Военная летопись Отечества» — 10, «Из неопубликованных рукописей» — 10. Тематика статей охватывает все виды вооруженных сил и рода войск. По-прежнему, как и в прошлом году, среди видовой лидирует тематика Военно-морского флота. В связи с этим необходимо отметить активность авторов и рецензентов из Главного штаба ВМФ. По Сухопутным войскам в текущем году издана специальная директива генерала армии Н.В. Кормильцева, и уже в этом году увеличивается количество публикаций, посвященных этому виду Вооруженных сил. В докладе отмечено, что хотелось бы видеть на страницах журнала больше научных статей по актуальным проблемам истории Военно-воздушных сил.

В текущем году, в продолжение предыдущей работы, расширена география авторов, привлекались исследователи военной истории из различных регионов России. По-прежнему по количеству опубликованных материалов лидируют военные историки Москвы. В 2004 году в журнале опубликовано 175 (64 проц.) материалов, авторы которых проживают в столице. Еще 5 авторов (2 проц.) из Подмоскovie. Кроме того, в журнале опубликовались 58 авторов (21 проц.) из Санкт-Петербурга, 27 (10 проц.) — из регионов России, 7 (3 проц.) — из стран СНГ и один автор является сотрудником Посольства Российской Федерации в Польше. Необходимо отметить, что публикации региональных авторов читатели выделяют в лучшую сторону.

В целях пропаганды военно-исторических знаний и формирования позитивного общественного мнения по основным проблемам военного строительства и защиты Отечества среди молодежи продолжен выпуск «Молодежного военно-исторического журнала», в котором публиковались кроссворды, криптограммы, чайнворды, викторины на военно-исторические темы. Большой поток читательских писем убедил, что редакция на правильном пути. Наши конкурсы заставляют читателей разных возрастов в поисках ответов открывать книги, журналы, идти в библиотеки. Преподаватели истории решают задания конкурсов с учащимися на занятиях, что приносит большую пользу в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения. Всего в 2004 году в разделе «Молодежный военно-исторический журнал» опубликовано 35 статей, и в каждом номере — конкурс.

Касаясь вопроса об основных тематических направлениях издания в 2005 году, главный редактор журнала отметил, что, планируя работу, редакция ориентируется на «Замысел военно-исторической работы в Вооруженных силах Российской Федерации на 2005 год», утвержденный заместителем начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковником А.С. Сковоровым. Главные направления деятельности ВИЖа в следующем году: освещение событий Великой Отечественной войны, особенно боевых действий в 1945 году (планы редакции по подготовке к 60-летию Победы дважды обсуждались на заседаниях редакционной коллегии и редакционного совета в мае и августе текущего года); проведение в рамках государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 годы» и к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне всероссийской заочной читательской конференции на тему «Объективное освещение событий Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на страницах "Военно-исторического журнала"» (материалы к конференции разосланы во все военные учебные заведения); оперативное освещение локальных войн и военных конфликтов XX века: соотношение политических целей войн с их конечным результатом, характер вооруженной борьбы, силы и планы противоборствующих сторон, ход военных кампаний, отдельных операций и боев, особенности работы командующих и штабов по подготовке боевых действий и анализ результатов последних; при этом редакция стремится издавать журнал более полезным в практическом отношении для кадровых военнослужащих и в этом надеется на помощь в отборе и рецензировании материалов членов редакционной коллегии и редакционного совета журнала — руководителей Министерства обороны и Генерального штаба, профессорско-преподавательского состава Военной академии Генерального штаба ВС РФ и научно-исследовательских учреждений Министерства обороны; усиление научно-документальной составляющей публикаций журнала; предполагается публиковать на страницах ВИЖа недавно рассекреченные документы и материалы. Благодаря членам редакционной коллегии и редакционного совета К.М. Андерсона, полковника С.А. Ильенкова и полковника С.И. Чувашина будут опубликованы подборки документов из собрания Российской государственной архива социально-политической истории и Центрального архива Министерства обороны РФ.

В обсуждении рассматриваемых вопросов приняли участие члены редакционной коллегии журнала: заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник А.С. Сковоров, начальник Института военной истории полковник А.А. Кольтюков, начальник Архивной службы ВС РФ полковник С.А. Ильенков, заместитель главного редактора майор С.В. Аверченко, ответственный секретарь редакции журнала И.В. Кузина, ведущий научный редактор журнала А.В. Островский; члены редакционного совета: руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук Е.Ю. Гуськова, начальник научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ генерал-майор в отставке И.С. Даниленко, начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ полковник С.Н. Ковалев, генерал-лейтенант в отставке Е.И. Машенко, директор историко-документального департамента МИД РФ А.А. Чурилин.

После окончания заседания состоялось награждение членов редакционной коллегии и редакционного совета журнала памятной медалью журнала «За заслуги» и памятным знаком «Военно-исторического журнала».

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ «НОРДЛИХТ»

Особой страницей в истории Ленинградской битвы 1941—1944 гг. стали Синявинские операции, проводившиеся советским командованием в 1941—1942 гг. Хотя поставленных задач по деблокированию города решить не удалось, все три операции сыграли важную роль не только в обороне Ленинграда, но и в ходе всего первого периода Великой Отечественной войны, оттягивая на себя значительные силы немецко-фашистских войск. В предлагаемой читателям статье рассказывается о полной драматизма Синявинской операции 1942 года, благодаря которой был сорван гитлеровский план «Нордлихт» по генеральному штурму и захвату Ленинграда.

С НАСТУПЛЕНИЕМ второго военного лета многим в блокированном Ленинграде казалось, что неимоверные трудности сурового и трагического 1941 года преодолены. В июне 1942 года командующим Ленинградским фронтом был назначен генерал-лейтенант артиллерии Л.А. Говоров, более быстрыми темпами пошли работы по совершенствованию обороны города, принимались меры по дальнейшему усилению ПВО, отражению налетов фашистской авиации, улучшению организации контрбатарейной борьбы. Вместе с тем командование фронта ожидало новых попыток врага штурмом овладеть Ленинградом, тем более что разведка доносила о начавшейся перегруппировке войск в тылу противника. От Пскова на Лугу и далее на Гатчину проследовало до 180 железнодорожных эшелонов с войсками и боевой техникой. Это из Крыма, после падения Севастополя, перебрасывалась имевшая опыт штурма крупного приморского города 11-я немецкая армия (генерал-фельдмаршал Э. Манштейн). Немцы везли с собой большое количество осадной артиллерии: мортиры калибра 220 и 420 мм («Толстая Берта»), 400-мм гаубицы. Кроме того, из Франции, Чехословакии и Германии прибывали артиллерийские установки на железнодорожных платформах с 240- и 210-мм орудиями, 177-мм французские пушки дальностью стрельбы до 30 км и снарядами большой разрушительной силы¹. Было совершенно ясно, что вся эта грозная и мощная техника предназначалась для очередного штурма Ленинграда.

Чтобы ввести советское командование в заблуждение относительно своих планов, противник проводил мероприятия по дезинформации. В частности, через всякого рода агентов и лазутчи-

ков, засланных в блокированный город и тыловые районы, распространялась версия о сосредоточении немецко-фашистских войск против Волховского фронта (генерал армии К.А. Мерецков). Однако

К 60-летию Победы

разведка этого не подтверждала. Более того, была отмечена частичная переброска вражеских войск под Ленинград². В это же время в районе Рождествено радиоразведкой Ленинградского фронта была запеленгована главная радиостанция 11-й немецкой армии, а во Мге, Ульяновке и Красном Селе — радиостанции, поддерживавшие с ней связь. В совокупности с другими разведданными это позволило выявить сосредоточение войск ударной группировки противника, формировавшейся для штурма Ленинграда.

В последующем было установлено содержание соответствующих директив немецко-фашистского командования, которыми ставилась задача по овладению Ленинградом в 1942 году. Так, еще в июле Гитлер подписал директиву № 45, в которой говорилось: «Группе армий «Север» к началу сентября подготовить захват Ленинграда. Операция получает кодовое наименование «Фойерцаубер» («Волшебный огонь»). Для этого передать группе армий пять дивизий 11-й армии наряду с тяжелой артиллерией и артиллерией особой мощности, а также другие необходимые части резерва главного командования»³. Противник замыслил мощными бомбовыми ударами и обстрелами дальноточной артиллерией создать на огромной территории очаги пожаров, парализовав тем самым любые действия по защите города.

Назревавшие события требова-

ли конкретных решений. Они исходили из общего известного замысла Синявинских операций 1941 года — встречными ударами двух фронтов разгромить шлисельбургскую и мгинскую группировки противника и ликвидировать блокаду Ленинграда с суши. Кроме того, теперь это наступление должно было сорвать возможный штурм города, а также прочно сковать под Ленинградом войска 18-й армии (генерал Г. Линдеман) из состава группы армий «Север» (генерал-фельдмаршал Г. Кюхлер), не позволив противнику перебросить часть своих сил на южное направление, где разворачивались в те дни главные события на советско-германском фронте⁴.

Выполняя указания Ставки, Л.А. Говоров и К.А. Мерецков приняли решение провести фронтовые операции. Главная роль в третьей Синявинской операции отводилась Волховскому фронту, ударная группировка которого должна была наступлением на Синяино и Мгу прорвать оборону противника, выйти к левому берегу Невы, соединиться там с войсками Ленинградского фронта и тем самым разорвать блокаду города с суши. Ленинградскому фронту отводилась вспомогательная роль. Его войскам надлежало своими ударами привлечь к себе возможно больше сил противника, способствуя войскам Волховского фронта в выполнении главной задачи.

Говоров решил нанести два удара: один силами 55-й армии генерал-майора артиллерии В.П. Свиридова в направлении Усть-Тосно—Мга, другой силами Невской оперативной группы⁵ в направлении Невская Дубровка—Синяино. Остальным силам фронта следовало, сговывая противника, вести активные наступательные действия на южных подступах к Ленинграду. Так как нанести удары одновременно на двух операционных направлениях из-за недостатка сил и средств не представлялось возможным, сначала в наступление должны были перейти войска 55-й армии, затем намечалась высадка на противоположный берег Тосно и Невы десантных отрядов Краснознаменного Балтийского флота (вице-адмирал В.Ф. Трибуц) с целью захвата мостов, переправ и обеспечения их форсирования главными силами. В целом Балтийский флот и Ладожская военная флотилия (капитан 1 ранга В.С. Чероков) к

C

**Орудийный расчет сержанта Н. Тарасова занимает огневую позицию. Синявинское направление, Волховский фронт
Лето 1942 г.**

вторично просить об отсрочке наступления¹⁰.

Впрочем, ситуация начала развиваться так, что ни о каких отсрочках теперь и речи быть не могло. Дело в том, что Ставка ВГК, получив данные о подготовке немецко-фашистским командованием штурма Ленинграда в первых числах августа, приняла решение, несмотря на неполную готовность войск, нанести упреждающий удар. Таким образом, наступление должно было начаться не 23 августа, как ранее планировалось, а 19-го, т.е. на четыре дня раньше.

Удар первым поручено было нанести Ленинградскому фронту силами 55-й армии на Тосно и Невской оперативной группы — на Синявино. Действуя совместно с десантами морской пехоты и при поддержке малых кораблей КБФ, войска армии форсировали Неву и захватили плацдарм в районе Ивановского. К сожалению, успех развить не удалось. Гитлеровцы начали быстро подтягивать в район боев резервы, предпринимая сильные контратаки, однако сбросить защитников с плацдарма не смогли. Борьбу возглавил командир одного из полков 268-й стрелковой дивизии майор А.И. Ключанов. О героизме защитников «Ивановского пятачка» рассказывала фронтовая газета «На страже Родины». Всему Ленинградскому фронту стали известны имена радиистов-корректировщиков артиллерийского огня Р. Спринцова, С. Бубнова, В. Люкайтиса и М. Тютеева. Отважные воины бесперебойно работали на дивизионной радиостанции, а в один из критических моментов боя, оказавшись в окружении, вызвали огонь на себя¹¹.

В эти же дни завершалось сосредоточение вражеских войск и боевой техники для штурма Ле-

нинграда, но теперь эта операция получила новое название — «Нордлихт» (Северное сияние). На совещании, состоявшемся у Гитлера 23 августа, было принято решение перебросить под Ленинград не только дивизии 11-й армии, но и ее управление во главе с командующим армией генерал-фельдмаршалом Э. Манштейном (прибыли под Ленинград 27 августа), на которого, считавшегося специалистом по взятию крепостей, возложили и руководство операцией. На очередном совещании в ставке фюрера 24 августа Манштейна проинформировали, что операция «Нордлихт» является лишь средством для освобождения Балтийского моря и овладения Карельским перешейком, хотя ее проведение является самостоятельной задачей¹². Ориентировочно наступление было назначено на 14 сентября 1942 года.

Общий замысел операции «Нордлихт» заключался в том, чтобы силами трех армейских корпусов прорвать оборону советских войск южнее Ленинграда. При этом на первом этапе предусматривалось продвинуться только до южной окраины города, в последующем, повернув два корпуса в восточном направлении, с ходу форсировать Неву юго-восточнее Ленинграда, уничтожить войска Ленинградского фронта, находившиеся между Невой и Ладожским озером, перерезать «Дорогу жизни» и вплотную охватить кольцом осажденный город с востока¹³. По мнению Манштейна, для решения поставленной задачи сил 11-й армии (13 дивизий) могло не хватить, поэтому была сделана попытка привлечь к проведению операции финские войска, но К.-Г. Маннергейм, как это бывало уже не раз, от «приглашения» уклонился, оставшись на Карельском пе-

решейке на старой советско-финляндской границе¹⁴.

НАСТУПЛЕНИЕ войск Волховского фронта совпало с прибытием под Ленинград Э. Манштейна. 27 августа после более чем двухчасовой артиллерийской подготовки был взломан на глубину 1—2,5 км передний край обороны противника на участке Гонтовая Липка—Тортолово. Войска овладели опорным пунктом Тортолово, обошли с юга Поречье и, хотя и медленно, продолжали наступление на Синявино, успешно отражая многочисленные контратаки врага. К концу августа они вышли на подступы к Синявино, до Невы оставалось 7—8 км. Гряда синявинских холмов среди торфяных болот огромной приладожской низины, занятых противником еще осенью 1941 года, являлась ключевой позицией противника в системе блокады Ленинграда. Ее падение неизбежно вело и к падению Мги — главного узла коммуникаций врага на фланге 18-й немецкой армии.

Опасаясь прорыва ударной группировки войск Волховского фронта к Неве на синявинском направлении, немецко-фашистское командование перебросило сюда дополнительные силы, в том числе 12-ю танковую дивизию из-под Ленинграда и прибывшую из Крыма 170-ю пехотную дивизию, а также ряд отдельных подразделений и частей, снятых с второстепенных направлений. В результате нашим войскам, наступавшим в первом эшелоне на синявинском направлении, к 30 августа уже противостояла сильная вражеская группировка. Наступление волховчан, стремившихся расширить прорыв, приостановилось. Начались затяжные бои. Тогда К.А. Мерецков решил ввести в сражение второй эшелон — 4-й гвардейский ск с задачей развить успех первого эшелона в направлении Синявино—Анненское. Однако не поддержанный в достаточной степени артиллерией корпус за три дня продвинулся всего на 2—3 км. Все попытки развить успех оказались безрезультатными. К 5 сентября против наших шести ослабленных дивизий вели бои девять вражеских, в большинстве своем полностью укомплектованных личным составом, вооружением и боевой техникой. Соотношение сил и средств на синявин-

ском направлении резко изменилось в пользу противника. Его авиация завоевала господство в воздухе.

В сложившейся обстановке военный совет Волховского фронта принял решение ввести в сражение третий эшелон — 2-ю ударную армию, которой из 8-й армии были переданы 4-й и 6-й гвардейские стрелковые корпуса, уже действовавшие в первом эшелоне. Перед армией была поставлена задача разгромить синявинскую группировку противника и соединиться с частями Невской оперативной группы Ленинградского фронта, которая должна была нанести встречный удар на Синявино. При этом 8-я армия получила задачу прочно закрепиться на достигнутых рубежах и прикрыть 2-ю ударную от контрударов противника со стороны Мги¹⁵.

С утра 9 сентября 2-я ударная армия должна была перейти в наступление, но противник упредил ее, проведя полторачасовую артиллерийскую и авиационную контрподготовку по боевым порядкам войск. Тем не менее, выполняя приказ, соединения армии перешли в наступление. Однако успех достигнут не был. В последующем войска армии продолжали наступательные бои, но все попытки продвинуться вперед были парализованы активными действиями противника. 16 сентября враг нанес с севера и юга достаточно мощные удары в основание выступа фронта 2-й ударной армии, в результате чего, несмотря на героическое сопротивление, ее главные силы к 22 сентября второй раз (после операции под Любанью в январе—феврале 1942 г.) фактически оказались в окружении западнее р. Черной. Выйти было можно лишь по сильно заболоченному коридору шириной около 1 км, к тому же насквозь простреливаемом пулеметным огнем противника¹⁶. Пробираться по этому проходу приходилось только отдельными группами, так что значительную часть орудий личный состав вынужден был подорвать или закопать в землю. Все же к 1 октября части 2-й ударной армии вышли из мешка на свои прежние рубежи и заняли оборону.

Напряженные бои вели в сентябре и войска Ленинградского фронта. 5 сентября Ставка приказала Л.А. Говорову силами трех дивизий Невской оперативной группы оказать помощь волховчанам, нанеся удар по противнику из района Невской Дубровки. Больше всего Л.А. Говоров не хотел форсировать Неву на старом, избитом и пристрелянном участке в

районе Невской Дубровки. К тому же для подготовки наступления давалось всего трое суток. За это время едва удалось перебросить части из района Усть-Тосно, так как с других участков фронта командующий опасался снимать войска из-за нависшей над Ленинградом угрозы.

9 сентября, не успев подавить огневую систему противника, неорганизованно, в спешке, на узком участке в 4 км началось форсирование широкой Невы. Противник, открыв сильный артиллерийско-минометный огонь и нанеся удары авиацией, сорвал переправу¹⁷. Новое форсирование Невы было назначено на 26 сентября. К этому времени в командование группой вступил начальник штаба фронта генерал-лейтенант Д.Н. Гусев¹⁸. Для непосредственного руководства погрузкой войск на переправах и высадкой их на плацдармах были привлечены моряки КБФ. Командующий фронтом стянул в полосу форсирования 660 орудий и тяжелых минометов. Кроме того, 160 орудий встали на огневые позиции для стрельбы прямой наводкой, чтобы уничтожить самые близкие огневые точки противника на противоположном берегу. К нанесению удара готовилась и авиация (117 самолетов)¹⁹. На этот раз благодаря более тщательной подготовке войск Невской оперативной группы и организации под-

На правом берегу Невы
Август, 1942 г.

держки артиллерии и авиации форсирование реки прошло успешно. 26 сентября были захвачены плацдармы на восточном берегу Невы в районе Арбузово и Московской Дубровки²⁰. К концу дня на левый берег удалось переправить части двух дивизий и бригады, но и противник перебросил к плацдарму свои резервы. Ожесточенные бои в районе Московской Дубровки на «Невском пятачке», утраченном в апреле 1942 года, продолжались до 6 октября. Обе стороны несли серьезные потери.

Манштейн запросил у штаба ОКВ дополнительные силы и средства для пополнения своих обескровленных дивизий и наступления на Ленинград, однако в этом ему было отказано, так как обстановка на южном крыле советско-германского фронта вынуждала Гитлера бросить туда все накопленные резервы.

В свою очередь и войска Ленинградского фронта не смогли ни расширить захваченные плацдармы, ни соединиться с Волховским фронтом. По решению Ставки был отдан приказ об отводе основных сил, в том числе и войск 55-й армии, для создания прочной обороны на правом берегу Невы, тем более что к 1 сентября полностью завершился отход Волховского фронта на исходные рубежи, и противнику удалось восстановить положение на шлиссельбургско-синявинском выступе, что было чревато его новыми попытками форсировать Неву с целью нанесения удара на Ленинград с юго-востока²¹.

ОТВОД войск Ленинградского фронта на правый берег Невы завершился 10 октября. Однако для командования Ленинградского фронта было очень важно удержать плацдарм у Московской Дубровки как исходный рубеж для нанесения удара на встречу войскам Волховского фронта в последующем. В конце концов надо было решать проблему прорыва вражеской блокады. Кроме того, наши подразделения, находившиеся на «Невском пятачке», постоянно держали в напряжении немецко-фашистские войска, которые командование группы армий «Север» не решалось перебрасывать на другие участки фронта.

Для удержания «Невского пятачка» до прихода нового войскового соединения была сформирована сводная усиленная стрелковая рота из добровольцев 70-й стрелковой дивизии. Командиром роты назначили бывшего дивизионного разведчика 23-летнего капитана Николая Акимовича Бритикова. Роте было приказано, пере-

На «Невском пяточке».
У могилы отца
Май 1976 г.

правившись в ночь на 8 октября на плацдарм, удерживать на левом берегу в течение 5—6 суток прежние наши позиции.

11 октября роте довелось вести первый трудный бой. Подвиг на «Невском пяточке» совершал каждый. Радист роты Борис Никитин несколько суток почти без отдыха нес вахту у радиции, обеспечивая надежную связь с правым берегом. Двадцать четыре раза пересекал в обоих направлениях Неву старшина Александр Филоненко, чтобы доставить в роту продукты и боеприпасы, вывезти раненых. Каждый из этих рейсов мог стать последним. Отбивая яростный натиск гитлеровцев, погиб командир взвода лейтенант Григорий Бурасов. Пуля врага пронзила его сердце в тот момент, когда он поднимал бойцов в контратаку²². И все же с поставленной задачей добровольцы справились, за что практически весь личный состав роты, 114 человек, был награжден орденами и медалями, а 70-я орден Ленина стрелковая дивизия первой на Ленинградском фронте преобразована в 45-ю гвардейскую²³.

Таким образом, Синявинская операция, хотя полностью и не достигла поставленных целей, сыграла огромную роль в решении судьбы Ленинграда и оказала весьма существенное влияние на общий ход борьбы на советско-германском фронте. Она стала самой крупной из всех наступательных операций, проведенных Волховским и Ленинградским фронтами летом и осенью 1942 года. Отражая наступление советских войск, немецко-фашистское командование было вынуждено пожертвовать по существу всей ударной группировкой, готовив-

шейся для летнего штурма города, и отказаться от проведения операции «Нордлихт». К сказанному можно добавить и то, что враг не только не смог перебрасывать войска с северо-запада на другие направления, но и сам был вынужден просить подкрепления с других участков советско-германского фронта, что, естественно, ослабляло его на юге.

Спустя годы Э. Манштейн так писал о неудавшемся «Нордлихте»: «...вместо запланированного наступления на Ленинград развернулось сражение южнее Ладожского озера... Дивизии нашей армии понесли значительные потери. Вместе с тем была израсходована значительная часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Поэтому о скором проведении наступления не могло быть и речи»²⁴.

Одна за другой вражеские дивизии, в том числе и из 11-й армии Манштейна, спешили к берегам Невы и бесследно здесь исчезали. За время двухмесячных боев на шлиссельбургско-синявинском выступе гитлеровцы потеряли убитыми, пленными и ранеными около 60 тыс. солдат и офицеров, 200 танков, 600 орудий и минометов, 260 самолетов. По показаниям пленных, в строю оставалось по 20 человек на роту и было «лучше трижды побывать в Севастополе, чем оставаться в синявинских топях»²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 217. Оп. 1264. Д. 47. Л. 14.

² «Совершенно секретно! Только для командования». М., 1967. С. 390.

³ ЦАМО РФ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 18. Л. 333.

⁴ 60-летний командующий группой армий «Север» Георг Кюхлер был по образованию артиллерист, участник Первой мировой войны. С началом Второй мировой войны в польской кампании командовал 3-й армией, при наступлении на западе — 18-й армией, которая оккупировала сначала Голландию, затем Бельгию, сбросила англичан и французов в море у Дюнкерка, овладела Парижем. Кюхлер с особым рвением и жестокостью выполнял приказы фюрера о варварских артиллерийских обстрелах и интенсивных ударах с воздуха по Ленинграду. Под стать Кюхлеру был и Г. Линдеман. Ученик прусской военной школы, он с приходом в Германии к власти фашистов стал быстро продвигаться по служебной лестнице. Участвовал во французской кампании, после чего был назначен командиром корпуса на Балканы, в 1941 г. возглавил 50-й армейский корпус, нацеленный на Ленинград, в 1942-м сменил Кюхлера в командовании 18-й армией.

⁵ Невскую оперативную группу с 6 октября 1941 г. возглавлял генерал-майор В.Ф. Коньков, командир 115 сд; в сентябре 1942 г. в командование группой вступил начальник штаба Ленинградского фронта генерал-лейтенант Д.Н. Гусев.

⁶ Поддерживать действия десантных отрядов должны были 260 самолетов, около 300 орудий и минометов (с учетом артиллерии флота), что создавало плотность около 70 стволов на 1 км. Кроме того, дивизии был придан 86-й отдельный танковый батальон, имевший в своем составе 20 исправных танков, в том числе роту тяжелых танков «КВ».

⁷ Барабашин И.П. и др. Битва за Ленинград. М., 1964. С. 165.

⁸ Мерецков К.А. На службе народу. М., 1968. С. 299.

⁹ Барабашин И.П. и др. Битва за Ленинград. М., 1964. С. 164.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 198. Л. 99.

¹¹ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988. С. 238.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 38. Л. 347.

¹³ Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. 256—266.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 38. Л. 347.

¹⁵ Там же. Ф. 204. Оп. 89. Д. 102. Л. 32—33.

¹⁶ Там же. Л. 76.

¹⁷ Там же. Ф. 127. Оп. 1221. Д. 635. Л. 132.

¹⁸ Там же. Ф. 217. Оп. 33541. Д. 1. Л. 27.

¹⁹ Там же. Ф. 48-а. Оп. 1640. Д. 180. Л. 210.

²⁰ Там же. Ф. 217. Оп. 33541. Д. 7. Л. 10.

²¹ Там же. Оп. 203156. Д. 8. Л. 134.

²² Там же. Оп. 1221. Д. 635. Л. 133.

²³ На страже Родины. 1942. 17 окт. С. 1—2.

²⁴ Манштейн Э. Указ. соч. С. 266—267.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 204. Оп. 89. Д. 15. Л. 76.

В.А. ЧЕРНУХИН

КОМАНДАРМЫ Великой Отечественной войны

ПРЕДЛАГАЕМОЕ читателям исследование о командармах Великой Отечественной*, приуроченное к 60-летию Победы, посвящается памяти всех тех, кто в годы суровых испытаний, командуя армиями, сражался с вероломным, жестоким врагом, кто в кровопролитных боях отстаивал честь и независимость Родины. Командующим армиями принадлежала важная роль в руководстве войсками. Они, как и командующие фронтами, организовывали операции и сражения, подготовку соединений и частей к предстоящим боям, управляли войсками в ходе операций. Проводя в жизнь решения командующих войсками фронтов, реализовывавших планы Ставки Верховного Главнокомандования и обеспечивавших достижение стратегических целей, командармы руководили боевыми

действиями корпусов, дивизий и различных частей, организовывали их тесное и эффективное взаимодействие, что позволяло избегать больших потерь. Допущенные же ошибки приводили к неудачам и поражениям. Успех обычно сопутствовал мужественным и решительным командующим, обладавшим необходимыми знаниями, опытом, волевыми качествами и способным добиваться неуклонного выполнения принятого решения.

Командующим армиями в годы Великой Отечественной войны довелось вместе с тысячами бойцов и командиров вести тяжелые боевые действия против сильного врага, испытать горечь поражений и познать радость успехов, привести руководимые ими войска к Победе.

ДЛЯ РЕШЕНИЯ оперативных задач в РККА до 1939 года создавались армейские оперативные группы, по существу являвшиеся переходной формой к будущим армиям. Армии же стали формировать с началом Второй

* При подготовке исследования помимо архивных документов использовалась следующая литература: Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1985; Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 (справочно-статистические материалы). М.: Воениздат, 1963; Герои Советского Союза. Историко-статистический очерк. М.: Воениздат, 1984; *Гареев М.А.* Полководцы Победы и их военное наследие. М.: Инсан, 2003; *Печенкин А.А.* Высший командный состав Красной Армии в годы Второй мировой войны. М.: Прометей, 2002; *Козлов И.И.* Маршалы, генералы и адмиралы 1940 г. Иркутск, 2000; *Кузнецов И.И.* Судьбы генеральские. Высшие командные кадры Красной Армии в 1940—1953 гг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2000; *Ф.В. Симонов.* Командармы Великой Отечественной. Подольск: Сатурн-С, 1996.

Краткие биографические данные о большинстве командармов взяты из учетно-послужных карточек, хранящихся в Главном управлении кадров и Центральном архиве МО РФ, а также из советских энциклопедических справочников. Сведения о некоторых командармах из-за отсутствия соответствующих архивных документов и упоминания в литературе приведены не полностью, причем как в отношении них, так и других военачальников могут встречаться неточности, поскольку в различных источниках имеются расхождения. Работа в этом направлении продолжается.

К 60-летию Победы

мировой войны, и в период Советско-финляндской войны их уже имелось 6.

Накануне Великой Отечественной войны в Красной армии были общевойсковые армии. Они состояли из стрелковых, механизированных и кавалерийских корпусов, отдельных дивизий и различных частей, в них входили авиационные соединения и части.

В начальный период войны из-за значительных потерь состав армий был уменьшен до 5—6 стрелковых дивизий и бригад. Некоторые из них имели большой некомплект личного состава (до 30—40 проц.) и выполняли ограниченные оперативно-тактические задачи.

В дальнейшем состав армий был увеличен, стал более стабильным и включал 2—3 стрелковых корпуса (7—10 дивизий), 3—4 артиллерийских и минометных полка, зенитный и танковый полки, части специальных войск, а также тыловые части и учреждения.

Общая численность армии достигала 100—120 тыс. человек.

В ходе войны возрастало количество средств усиления, выделявшихся армиям, что повышало роль командарма, осуществлявшего руководство многочисленными соединениями и частями с их разнообразным вооружением.

В связи с нарастанием военной

угрозы количество армейских объединений постепенно росло. К началу Великой Отечественной войны было 27 армий, из них 15 находились в западных военных округах, 5 — на Дальнем Востоке. В мае 1941 года во внутренних округах были сформированы еще 7, 4 из которых начали выдвижение из глубины страны на территорию Белоруссии и Украины.

В соответствии с разработанными в мае 1941-го «Соображениями по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» предусматривалось развернуть на западе 259 дивизий в составе 22 армий, на востоке — 37 (5 армий). На военное время намечалось сформировать еще 5 армий.

Начиная с конца июня 1941 года количество армий значительно возросло. Так, во второй половине этого года их было сформировано 48, а в 1942-м еще 26. Всего же в 1941—1945 гг. имелось 85 общевойсковых, 5 ударных, 11 гвардейских армий и 2 приморские армии.

Накануне Великой Отечественной войны военно-политическое руководство страны из-за ошибочных выводов из опыта боевых действий в Испании и в ходе Советско-финляндской войны, а также неверной оценки характера начавшейся Второй мировой приняло решение о расформировании танковых корпусов и воздушных армий авиации дальнего действия (АДД). Война же потребовала массированного применения бронетанковой и авиаци-

онной техники, создания танковых и воздушных армий. Первые из них явились средством Ставки ВГК и главной ударной силой, способной осуществлять прорыв обороны и развивать наступление в высоких темпах. Они передавались в состав фронтов, действовавших на главных направлениях.

Первоначально, в 1942 году, были созданы 6 танковых армий смешанного состава, состоявших из танковых, механизированных и стрелковых соединений и частей, различные маневренные возможности которых затрудняли их боевое использование и усложняли управление ими. В 1943-м началось формирование танковых армий однородного состава с исключением из них стрелковых дивизий. В них по штату предусматривалось иметь 800 танков и самоходно-артиллерийских установок и до 750—800 орудий и минометов.

С целью улучшения боевого использования и управления авиацией в мае 1942 года было принято решение создать воздушные армии на базе ВВС фронтов и армий. Они предназначались для совместных действий с общевойсковыми, танковыми армиями и самостоятельного решения оперативных задач. Их состав был разнообразным, включая в себя авиационные корпуса и дивизии истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации, а также отдельные части обеспечения и обслуживания. К концу 1942 года в составе ВВС советских войск имелось 17 воздушных армий, а в 1944-м была сформирована на базе авиации дальнего действия 18 ВА. В завершающем периоде войны они насчитывали в среднем до 800—2000 и более боевых самолетов.

В 1942—1943 гг. были созданы 3 армии ПВО (Бакинская, Ленинградская и Особая Московская), в апреле 1945-го, накануне войны с Японией, еще три — Забайкальская, Приамурская и Приморская. Их появление обуславливалось возросшей ролью противовоздушной обороны в системе стратегических действий Вооруженных сил, большим пространственным размахом борьбы с воздушным противником и увеличением количества соединений ПВО. Новые объединения предназначались для прикрытия от ударов с воздуха крупных административно-политических центров, экономических районов и группировок Вооруженных сил. Они включали в себя 2—3 истребительные

С.Д. Акимов**П.Ф. Алферов****М.А. Антонюк****И.Х. Баграмян**

авиационные дивизии (или корпус), 1—3 зенитных артиллерийские дивизии, несколько отдельных зенитных артиллерийских и прожекторных полков и другие части. Самой крупной была Особая Московская армия ПВО, имевшая в своем составе до 25 соединений.

Для заблаговременного строительства тыловых оборонительных рубежей и выполнения других строительных работ, общее руководство которыми возлагалось на НКВД, в конце 1941 года были созданы 10 саперных армий. Каждая из них состояла из 2—4 инженерных бригад по 6—8 батальонов, подчиняясь начальнику инженерных войск в оперативном отношении. Выполнив свои задачи, саперные армии в 1942 году были расформированы.

Накануне и в начале Великой Отечественной войны возникла сложная проблема с кадрами высшего командного состава. Как известно, в результате репрессий в довоенные годы погибли все командующие военными округами, большинство их заместителей и помощников, многие командиры корпусов и дивизий. Таким образом Красная армия лишилась не только потенциальных командующих войсками фронтов и командармов, но и тех, кто смог бы их достойно заменить.

Стремясь решить проблему нехватки командных кадров, ставший в мае 1940 года наркомом обороны С.К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г.К. Жуков добивались реабилитации ряда командиров, находившихся под арестом и следствием. В результате накануне войны были возвращены в строй 50 человек высшего комсостава, в том числе будущие командармы К.К. Рокоссовский, А.В. Горбатов, К.Н. Галицкий, Ф.Ф. Жмаченко, К.П. Подлас, Ф.А. Пархоменко, В.Д. Цветаев, В.А. Юшкевич.

Ошибки при расстановке кадров сказались на управлении войсками с началом Великой Отечественной и привели к серьезному обновлению в руководстве армиями, частой смене командармов. Иные из них, на которых возлагались большие

надежды, не справились со своими обязанностями в новых условиях и были освобождены от должностей. Однако частая их смена в первые годы войны не всегда была обоснованной, кроме того, она создавала напряженность в штабах, усложняла управление войсками.

Иные командующие отстранялись от должности после нескольких дней пребывания в ней, не успев изучить как следует обстановку, ознакомиться с подчиненными им соединениями и частями. В некоторых армиях в 1941 году сменилось по 3—4 командующих, а 47-ю армию во время войны возглавляли поочередно 14 человек. Всего же в 1941—1945 гг. должности командующих различными армиями (общевойсковыми, танковыми, авиационными) занимали 264 человека.

Командующие общевойсковыми армиями

Общевойсковыми армиями в годы войны руководили 210 человек, назначаемые из числа бывших командующих войсками округов и их заместителей, командармов мирных дней, командиров корпусов. Половина из них занимала должности непродолжительное время (3—6 месяцев). Все они родились в самом конце XIX и в начале XX века, им было по 45—50 лет, они имели значительный командный опыт, прослужив в армии 20—25 лет. Часть из них служили еще в дореволюционной армии и участвовали в Первой мировой войне (рядовыми, унтер-офицерами, офицерами). Почти все находились в Красной армии с первых лет ее создания, командовали подразделениями и частями в годы Гражданской войны, являлись участниками боевых действий в Испании, Монголии, в Советско-финляндскую войну.

Большее половины командармов (114 человек) имели высшее военное образование, в том числе 19 окончили Военную академию Генерального штаба, остальные учились на различных курсах усовершенствования командного состава. Если и встречались с недостаточным общим образованием (окончили начальные сельские и церковно-

К.Ф. Баронов**П.И. Батов****А.Г. Батюня****А.П. Белобородов**

бождены от занимаемых должностей командовавшие армиями некоторые довоенные командармы II ранга, командующие округами, имевшие большой опыт службы в мирное время. Это В.А. Антонюк, В.Ф. Герасименко, В.Н. Курдюмов, И.К. Смирнов, Ф.Н. Ремизов, М.С. Хозин, Я.Т. Черевиченко, В.Ф. Яковлев, В.И.

приходские школы), то сама жизнь, служба в армии, самостоятельная работа над собой и учеба в военно-учебных заведениях способствовали повышению их знаний. До войны 19 командующих армиями имели воинское звание генерал-лейтенант, 7 — генерал-майор.

С началом отражения агрессии первый эшелон советских войск составили армии приграничных округов, преобразованных во фронты. Они-то и приняли на себя основной удар немецко-фашистских войск, совершивших нападение на Советский Союз. В составе Северного фронта были 7, 14 и 23-я армии (командующие Ф.Д. Гореленко, В.А. Фролов, П.С. Пшенников); на Северо-Западном фронте — 8, 11 и 27-я (П.П. Собенников, В.И. Морозов, Н.Э. Берзарин); на Западном — 3, 4, 10 и 13-я (В.И. Кузнецов, А.А. Коробков, К.Д. Голубев и П.М. Филатов); на Юго-Западном — 5, 6, 12 и 26-я (М.И. Потапов, И.Н. Музыченко, П.Г. Понеделин, Ф.Я. Костенко); на Южном (создан 25 июня 1941 г.) — 9-я и 18-я (Я.Т. Черевиченко и А.К. Смирнов). Еще четыре армии (16, 19, 21 и 22-я) (М.Ф. Лукин, И.С. Конев, В.Ф. Герасименко, Ф.А. Ершаков) выдвинулись из внутренних округов и тоже вступили в сражение в первые дни войны; завершили формирование 13, 20, 24 и 28-я армии (П.М. Филатов, П.А. Курочкин, С.А. Калинин, В.Я. Качалов).

Командующие 16, 20 и 19-й армиями, подошедшими из внутренних округов (М.Ф. Лукин, П.А. Курочкин, И.С. Конев), показали себя подготовленными военачальниками, уверенно руководили войсками. Командующий Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко, оценивая действия первых двух из них в ходе Смоленского сражения, докладывал в Ставку, что «им нужно отдать должное как героям». 19-я (И.С. Конев) и 20-я (П.А. Курочкин) армии успешно действовали при нанесении контрудара под Витебском и Смоленском, а вскоре их командующие возглавили фронты. Неплохо справлялись с обязанностями Н.Э. Берзарин, Ф.Я. Костенко, В.А. Фролов. Умело командовали армиями А.И. Еременко, К.А. Мерецков, Л.А.

Говоров, хорошо сражались корпуса и дивизии на главе с К.К. Рокоссовским, Р.Я. Малиновским, П.И. Батовым, С.С. Бирюзовым, А.П. Белобородовым, А.С. Жадовым, Я.Г. Крейзером, Д.Д. Лелюшенко, К.С. Москаленко, И.И. Федюнинским, И.М. Чистяковым и другими, ставшими впоследствии командармами.

В этот самый сложный период как фронты, так и армии, сдерживая наступление немецко-фашистских войск, вынуждены были под ударами и натиском противника отходить в глубь страны. Именно тогда тяжелая участь постигла некоторые объединения и их командующих: 14 армий были разгромлены. Командармы В.Я. Качалов, А.К. Смирнов, П.М. Филатов погибли, Ф.А. Ершаков, М.Ф. Лукин, И.Н. Музыченко, М.И. Потапов, П.Г. Понеделин попали в плен (после освобождения лишь М.И. Потапов продолжал службу в армии; некоторые из этого числа — К.М. Качанов, А.А. Коробков, П.Г. Понеделин были расстреляны).

Вместе с тем среди командующих армиями оказалось немало слабых, неподготовленных к ответственной роли генералов, не умевших спланировать и обеспечить успешные боевые действия, недооценивавших разведку, не способных использовать имевшиеся силы и средства, организовав их взаимодействие, и управлять войсками.

В годы войны были отстранены от должностей 40 командующих армиями. Не смог справиться с управлением войсками и были осво-

Морозов, А.А. Филатов, П.П. Собенников, а также назначенные во время войны командармами Я.И. Броуд, Д.Ф. Козлов, А.Г. Маслов, Г.Г. Соколов, Н.В. Фекленко, Т.Н. Шевалдин и другие. Впрочем, некоторые из них снова назначались командующими армиями, другие же, став командирами корпусов и успешно ими командуя до конца войны, получили звание генерал-лейтенант, стали Героями Советского Союза: А.А. Бондарев, П.М. Козлов, А.С. Ксенофонтов, А.И. Лопатин, Н.Н. Никишов, В.В. Новиков, А.И. Рыжов, Г.А. Халюзин и другие.

В действующие войска была направлена группа генералов войск НКВД, не все из которых имели необходимую оперативно-тактическую подготовку и могли командовать армиями в боевой обстановке. Лучше проявили себя, к примеру, В.А. Глуздовский и К.И. Ракутин (погиб в бою в 1942 г.). Возглавили армии и некоторые артиллерийские генералы — Л.А. Говоров, К.С. Москаленко, К.Н. Леселидзе, М.А. Парсегов, Г.И. Хетагуров, П.Г. Шафранов.

Те, что в войну командовали армиями, перед войной имели воинские звания: полковник — 53 человека, генерал-майор — 78, генерал-лейтенант — 50, генерал-полковник — 2 (Ф.И. Кузнецов, Я.Т. Черевиченко), генерал армии — 2 (К.А. Мерецков и И.В. Тюленев), маршал — 1 (Г.И. Кулик).

В боях проверялись выдвинутые кадры и оставались на должностях командующих армиями те, кто луч-

П.А. Белов**Н.Э. Берзарин****С.С. Бирюзов**

Таблица

Биографические данные о командующих армиями в годы Великой Отечественной войны Командующие общевойсковыми армиями

Воинское звание (в конце службы)	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	Год вступления в РККА	Участие в предыдущих боевых действиях	Военное образование	Должность и звание в начале войны (на 22 июня 1941 г.)	Какой армией и когда командовал	Присвоение званий	С какой должности и когда уволен из Вооруженных сил
Генерал-лейтенант	Акимов Степан Дмитриевич	1895—1941	1918	Первая мировая. Гражданская	Курсы «Выстрел» (1929)	Командир стрелкового корпуса. Генерал-лейтенант	48 А (4–31 августа 1941), 43 А (10–29 октября 1941 г.)	Генерал-лейтенант (1940)	Погиб в авиакатастрофе (1941)
Генерал-майор	Алферьев Петр Федорович	1893—1942					34 А (сентябрь–декабрь 1941 г.)		Пропал без вести в июле 1942 г.
Генерал-лейтенант	Антонок Максим Антонович	1895—1961	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия РККА (1924)	Инспектор пехоты РККА. Генерал-лейтенант	48 А (1–12 сентября 1941 г.), 60 А (10–25 июля 1942 г.)	Генерал-лейтенант (1940)	Заместитель командующего войсками округа по вузам
Маршал Советского Союза	Баграмян Иван Христофорович	1897—1984	1920	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1934). Академия Генерального штаба (1937)	Начальник оперативного отдела штаба округа. Полковник	16 А, преобразованной в апреле 1943 г. в 11-ю гвардейскую (с 17 июля 1942 до сентября 1943 г.)	Генерал-майор (1941). Генерал-лейтенант (1941). Генерал-полковник (1943). Генерал армии (1944). Маршал Советского Союза (1955). Герой Советского Союза (1944)	Заместитель министра обороны — начальник Тыла Вооруженных сил
Генерал-майор	Баронов Константин Федорович	1890—1943	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1934)	Командир дивизии. Генерал-майор	45 А (июль–октябрь 1941), 47 А (октябрь 1941–февраль 1942 г.)		Умер от контузии в Крыму (1942)
Генерал армии	Батов Павел Иванович	1897–1985	1918	Первая мировая. Гражданская. Испания. Советско-финляндская	Курсы «Выстрел» (1927)	Командир стрелкового корпуса. Генерал-лейтенант	51 А (ноябрь 1941 – январь 1942 г.), 3 А (январь–февраль 1942 г.), 65 А (октябрь 1942 – до июня 1945 г.)	Генерал-лейтенант (1940). Генерал-полковник (1944). Генерал армии (1955)	Председатель Комитета ветеранов войны СССР
Генерал-полковник	Батюня Александр Григорьевич	1898–1976	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1934)	Начальник штаба стрелкового корпуса. Полковник	57 А (25 мая – 23 июня 1942 г.)	Генерал-майор (1941). Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1958)	Начальник штаба округа
Генерал армии	Белобородов Афанасий Павлантьевич	1903–1990	1919	Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936)	Командир стрелковой дивизии. Полковник	43 А (май 1944 – май 1945 г.), 1-я Краснознаменная армия (август–сентябрь 1945 г.)	Генерал-майор (1942). Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1945). Герой Советского Союза (1944, 1945)	Начальник Главного управления кадров
Генерал-полковник	Белов Павел Алексеевич	1897—1962	1918	Первая мировая. Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1933)	Командир кавалерийского корпуса. Генерал-майор	61 А (28 июня 1942 г. – до конца войны)	Генерал-майор (1940). Генерал-лейтенант (1942). Генерал-полковник (1944). Герой Советского Союза (1944)	

Генерал-полковник	Берзарин Николай Эрастович	1904—1945	1918	Гражданская	Курсы «Выстрел» (1925)	Командующий армией. Генерал-майор	27 А (май—ноябрь 1941 г.), 34 А (декабрь 1941 — октябрь 1942 г.), 39 А (сентябрь 1943 — апрель 1944 г.), 5-я ударная армия (май 1944 — май 1945 г.)	Генерал-майор (1940). Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1945). Герой Советского Союза (1945)	Комендант Берлина. Погиб в авиакатастрофе (1945)
Маршал Советского Союза	Бирюзов Сергей Семенович	1904—1964	1922		Военная академия имени М.В. Фрунзе (1938)	Командир стрелковой дивизии. Генерал-майор	37 А (октябрь 1944 — май 1945 г.)	Генерал-майор (1940). Генерал-лейтенант (1943). Генерал-полковник (1944). Генерал армии (1953). Маршал Советского Союза (1955). Герой Советского Союза (1958)	Начальник Генерального штаба. Погиб в авиакатастрофе (1964)

ше понимал характер современной войны и умело использовал имевшиеся силы и средства. Из командармов выросли многие известные командующие войсками фронтов, прославленные советские полководцы, замечательные военачальники.

В журнальной статье не представляется возможным рассказать о всех 264 командармах, а поэтому будут изложены более подробно сведения лишь о некоторых из них. Дополняет исследование таблица с краткими биографическими данными обо всех командармах Великой Отечественной войны.

Иван Христофорович Баграмян. В Красной армии — с 1920 года. Командовал полком, окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба. Накануне войны был полковником, преподавателем Академии Генерального штаба. При поддержке Г.К. Жукова назначен начальником оперативного отдела армии, затем — оперативного отдела штаба Киевского особого военного округа, ставшего с началом войны Юго-Западным фронтом. В декабре 1941 года назначен начальником штаба Юго-Западного направления, затем — фронта. После поражения войск последнего под Харьковом в мае 1942 года был понижен в должности, но в июле 1942-го назначен командующим 16-й армией, вскоре преобразованной в 11-ю гвардейскую армию, которая успешно действовала в Орловской наступательной операции. И.Х. Баграмян с ноября 1943 года командовал войсками фронта. Закончил войну генералом армии, Героем Советского Союза. Маршал Советского Союза (1955).

Павел Иванович Батов — одаренный, талантливый командир и скромный человек. Когда ему после возвращения из Испании предложили должность командира корпуса, он был удивлен и отказывался, так как до отъезда был всего лишь командиром полка.

Все годы войны он успешно командовал 65-й армией и в числе немногих командармов дважды удостоился звания Героя Советского Союза. Армия под его командованием принимала участие в Сталинградской и Курской битвах, в Белорусской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях. Генерал-полковник П.И. Батов был одним из опытных командармов, отличался умением четко организовывать взаимодействие, подготовку войск к оборонительным и наступательным боевым действиям, управление разнородными силами.

Афанасий Павлантьевич Белобородов боевой путь начал в

ожесточенных боях под Москвой, командуя стрелковой дивизией, ставшей 9-й гвардейской. Затем был командиром стрелкового корпуса. С мая 1944 года до конца войны с Германией командовал 43-й армией. При подготовке боевых действий умело организовывал взаимодействие пехоты, танков и артиллерии. Командуя 1-й Краснознаменной армией, принимал участие в разгроме японской Квантунской армии в августе 1945 года. Закончил войну генерал-полковником, дважды Героем Советского Союза.

Павел Алексеевич Белов начал войну командиром кавалерийского корпуса, с ноября 1941 года участвовал в Битве под Москвой. Почти полгода его корпус сражался совместно с 33-й армией в тылу врага. С ноября 1942 года П.А. Белов командовал 61-й армией, отличавшейся решительными и маневренными действиями в проводимых операциях. В 1944 году удостоен звания Героя Советского Союза. Генерал-полковник. Награжден тремя орденами Суворова 1-й степени.

Николай Эрастович Берзарин. Участник Гражданской войны. Командовал дивизией в боях на Хасане, затем стрелковым корпусом. С мая 1941 года командующий 27-й армией. В годы Великой Отечественной командовал 27, 34 и 39-й, а также 5-й ударной армиями. Последняя отличилась в Ясско-Кишиневской, Висло-Одерской и особенно в Берлинской операции. Был назначен первым комендантом поверженного Берлина. Погиб в авиакатастрофе в 1945 году.

Сергей Семенович Бирюзов в войну вступил генерал-майором, командиром дивизии, затем возглавлял штабы армии и фронта. С октября 1944 года — командующий 37-й армией. После войны командовал Приморским военным округом, Центральной группой войск, был главнокомандующим Войсками ПВО страны, Ракетными войсками стратегического назначения и начальником Генерального штаба ВС СССР. С 1955 года — Маршал Советского Союза. Погиб в 1964 году над Белградом в авиакатастрофе.

Генерал-лейтенант в отставке
Е.И. МАЛАШЕНКО

Редакция журнала и автор публикации выражают благодарность за помощь в подборе документального и иллюстративного материала начальнику Архивной службы ВС РФ полковнику С.А. Ильенкову, сотрудникам Главного управления кадров МО РФ подполковникам С.В. Квасову и Я.В. Музорову, а также сотрудникам Центрального архива МО РФ В.В. Черепановой и Н.И. Шестопалу.

(Продолжение следует)

В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ВОЕННОМ АРХИВЕ

В РОССИЙСКОМ государственном военном архиве (РГВА) состоялось заседание круглого стола «Малые войны и военные конфликты 1939—1940 гг. (вооруженный конфликт в районе р. Халхин-Гол, Советско-финляндская война)». В его работе приняли участие представители архивных и научных учреждений, музеев, общественных организаций под руководством директора РГВА В.Н. Кузнецова. С докладом «Советско-финляндская война: взгляд из XXI века» выступил заместитель начальника Института военной истории МО РФ (ИВИ) кандидат исторических наук полковник Н.И. Никифоров.

Старший научный сотрудник Центрального пограничного музея ФСБ РФ Л.Я. Аверьянова рассказала об участии пограничных войск в Советско-финляндской войне. По уточненным данным, в ней участвовали более 30 тыс. пограничников. В ходе боев погибли и умерли от ран 1341 человек, 320 пропали без вести. В годы войны между СССР и Финляндией генерал-полковник в отставке Д.А. Крутских служил разведчиком в частях 54-й стрелковой дивизии. Он рассказал о боевых эпизодах, свидетелем которых ему довелось быть.

Выступление заведующего сектором Центрального музея Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. кандидата военных наук В.В. Алешина было посвящено действиям железнодорожных батарей во время наступления частей Красной армии на Карельском перешейке в феврале—марте 1940 года.

Ведущий специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) А.В. Титов охарактеризовал фонды архива, содержащие документы по истории вооруженного конфликта у р. Халхин-Гол и Советско-финляндской войны. Прежде всего это фонд Политбюро ЦК ВКП(б), в котором, в частности, хранится стенограмма заседания Политбюро с участием высшего начальствующего состава Красной армии от 17 апреля 1940 года по итогам Советско-финляндской войны, а также личные фонды И.В. Сталина, А.А. Жданова и К.Е. Ворошилова.

В сообщении начальника отдела РГВА кандидата исторических наук Н.С. Тарховой рассказывалось о деятельности архива по подготовке документального сборника «„Зимняя война“». Работа над ошибками». Были заслушаны выступления сотрудника Института повышения квалификации работников образования Республики Карелия кандидата исторических наук П.А. Разинова о работе по увековечиванию памяти советских воинов, погибших под г. Сумуссалми зимой 1939—1940 гг.; начальника отдела РГВА В.В. Хватовой о создании автоматизированной информационно-поисковой системы данных на военнослужащих Красной армии, погибших, умерших и пропавших без вести в период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг.; начальника отдела Военно-мемориального центра ВС РФ полковника А.Л. Таранова о правительственной программе по увековечиванию памяти погибших. Итоги работы по созданию Книги Памяти погибших в период военных событий 1939—1940 гг. подвел ведущий научный сотрудник ИВИ кандидат исторических наук А.М. Соколов.

В ходе обсуждения отмечалось, что источниковедческая база, сосредоточенная главным образом в архивах и музеях, дает возможность выявить новый фактологический материал, дополнить уже имеющиеся исторические факты, а также продолжить углубленную работу по выявлению имен бойцов и командиров, погибших и пропавших без вести в ходе боевых действий в районе р. Халхин-Гол и в период Советско-финляндской войны. Примером такой работы может служить подготовка и издание Книги Памяти павших в период военных событий 1939—1940 гг. редакционной коллегией, ИВИ и РГВА, создание РГВА автоматизированной информационно-поисковой системы данных на военнослужащих Красной армии, погибших, умерших и пропавших без вести в период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг., появление разделов экспозиций по событиям 1939 года в ряде военно-исторических музеев, увековечивание памяти погибших советских и финских воинов в ходе работы над проектами «Крест скорби» и «Монумент „Зимней войны“», осуществляемыми Республикой Карелия и финской стороной, издание РГВА сборника документов об уроках «зимней войны».

С воспоминаниями о действиях артиллерии на завершающем этапе Халхин-Гольской операции выступил участник боев 1939 года в Монголии генерал-майор в отставке И.Д. Кравец. Проблемам материально-технического и медицинского обеспечения этой операции было посвящено сообщение ведущего научного сотрудника ИВИ доктора исторических наук доцента П.И. Вешникова. Старший научный сотрудник Центрального музея погранвойск ФСБ РФ М.А. Гундырин рассказал о деятельности особого пограничного батальона, созданного для борьбы с японскими диверсантами и разведчиками, охраны коммуникаций в районе боевых действий.

Ведущий научный сотрудник ИВИ доктор исторических наук профессор капитан 1 ранга запаса В.П. Зимонин посвятил свое сообщение новейшей монгольской историографии событий у р. Халхин-Гол. Бои, происходившие здесь, историки Монголии рассматривают как начало Второй мировой войны. Такая интерпретация требует новых документальных оценок.

К работе круглого стола была приурочена выставка «Военные конфликты», подготовленная по материалам РГВА. На ней представлены документы и фотографии из архивных фондов, а также печатные издания (документальные сборники, монографии).

* * *

В центре столицы будет установлен памятник Адмиралу Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецову

ИНИЦИАТИВУ Общероссийского движения поддержки флота (ДПФ) по увековечиванию памяти Николая Герасимовича Кузнецова, выдающегося флотоводца, наркома ВМФ, реально и значимо одобрило руководство г. Москвы. В связи с обращением движения Московской городской думой принято решение об установке в центре города памятника Н.Г. Кузнецову. Расположение будущего памятника адмиралу выбрано недалеко от Главного штаба Военно-морского флота России, на пересечении Боярского переулка и Садовой-Черногрозской улицы. Именно из Главного штаба руководил

военно-морским флотом Н.Г. Кузнецов с 1939 по 1947 год и с 1951-го по 1956-й. Ранее соответствующей комиссией правительства Москвы, также в ответ на обращение ДПФ, было решено установить на доме 9 по Тверской улице мемориальную доску в честь адмирала.

* * *

В МОСКВЕ прошли меньшевикские чтения «Основы национальной безопасности России в творческом наследии М.О. Меньшикова». Приурочены они были к 145-летию со дня рождения писателя, публициста, флотского офицера. Их организаторы: Общероссийское движение поддержки флота, Союз писателей России, Русский биографический институт.

Со вступительным словом к присутствующим обратился председатель Общероссийского движения поддержки флота кандидат политических наук капитан 1 ранга запаса М.П. Ненашев. Затем выступили: М.Б. Поспелов (внук и биограф М.О. Меньшикова); В.Н. Ганичев (председатель Союза писателей России); полковник И.В. Домнин (заместитель редактора «Российского военного сборника»); С.Ю. Рыбас (директор Русского биографического института, главный редактор журнала «Российский Кто есть Кто»); М.Б. Смолин (ответственный секретарь редакции журнала «Москва»); доктор филологических наук А.Л. Налепин (руководитель департамента культурных ценностей Российского фонда культуры); кандидат философских наук Н.Н. Лисовой (старший научный сотрудник Института российской истории РАН); кандидат экономических наук В.В. Киселев (глава управы района Митино г. Москвы); генерал-майор Н.В. Бурбыга (начальник управления информационного обеспечения Главного управления воспитательной работы Министерства обороны РФ); Е.А. Родченкова (член Союза писателей России, Псковская область); протоиерей Б. Дениленко (директор Синодальной библиотеки Русской православной церкви); Е.В. Алехина (главный архивист Центрального московского архива-музея личных собраний).

Михаил Осипович Меньшиков родился 5 октября (23 сентября) 1859 года в г. Новоржеве Псковской губернии. В 1878 году, после окончания Кронштадтского морского технического училища, участвовал в ряде морских экспедиций, в том числе вокруг Европы. Со времен службы на флоте начал регулярно писать в газету «Кронштадтский вестник» путевые заметки-очерки, которые впоследствии издал в Кронштадте отдельной книжкой. В 1892 году М.О. Меньшиков уволился с флотской службы и занялся журналистикой и литературной деятельностью. В наследии Меньшикова есть труды по морской тематике: «По портам Европы» (1884), «Руководство к чтению морских карт русских и иностранных» (1891), «Лоции Абоских и восточной части Аландских шхер» (1898) и др.

С марта 1917 по сентябрь 1918 года М.О. Меньшиков жил в Валдае (Новгородская губерния), работая конторским служащим. 20 сентября 1918 года русский публицист и мыслитель был безвинно расстрелян выездной группой ЧК на берегу Валдайского озера напротив знаменитого Иверского монастыря. В 1993 году М.О. Меньшикова реабилитировали.

По оценкам специалистов, в России не было публициста, равного Меньшикову, его можно назвать властителем дум русского общества начала XX века.

«РУССКИЕ... ПОЛНЫМ ХОДОМ УСТРЕМИЛИСЬ К ВЫБОРГУ»

Разгром финской армии на Карельском перешейке и в Южной Карелии в 1944 году

ВХОДЕ зимне-весенней кампании 1944 года Красная армия нанесла поражение стратегическим группировкам немецких войск под Ленинградом и Новгородом, чем были созданы благоприятные условия для нанесения новых сокрушительных ударов по врагу на северо-западе. В середине февраля 1944 года правительство Финляндии обратилось к правительству СССР за выяснением условий выхода страны из войны, однако предложенные Москвой условия перемирия были отвергнуты, и финское руководство предпочло остаться в вассальной зависимости от гитлеровской Германии. Планируя летнюю кампанию 1944 года, командование финской армии надеялось, используя многочисленные укрепления и выгодные естественные рубежи, удержать за собой Карельский перешеек и оккупированную часть Карелии¹. Тем самым оставалась бы угроза Ленинграду с севера, а действия Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) в Финском заливе были бы сильно затруднены².

Ставка ВГК, оценив обстановку, сложившуюся на северном участке советско-германского фронта, пришла к выводу о необходимости нанесения двух мощных последовательных ударов войсками правого крыла Ленинградского фронта на Выборгском и левом крыла Карельского фронта на свирско-сортавальском направлениях с целью освобождения северных районов Ленинградской области и Карелии, восстановления государственной границы с Финляндией и вывода ее из войны. Эти два удара в последующем войдут в историю советского военного искусства под названием «Выборгско-Петрозаводская стратегическая наступательная операция» (10 июня — 9 августа 1944 г.).

Военное руководство Финляндии понимало, что отказ от заключения перемирия неизбежно приведет к активным боевым действиям с советской стороны, однако рассчитывало, опираясь на свою мощную оборону, добиться почетного мира даже в случае разгрома Германии³.

К 60-летию Победы

Эти расчеты строились не на пустом месте. Как известно, Карельский перешеек финны укрепили еще задолго до войны, затем обновили фортификационные сооружения при участии германских специалистов, создав мощную эшелонированную оборону глубиной до 120 км, состоявшую из трех полос, ряда промежуточных и отсечных позиций, насыщенных большим количеством железобетонных и дерево-земляных сооружений⁴. Так что командование противника не без основания считало свой «Карельский вал» неприступным. В докладе начальника первого отделения оперативного отдела штаба финской армии «О положении финской армии в 1944 г. в сравнении с 1939—1940 гг.» отмечалось: «Подводя итоги нашим возможностям, мы во всех отношениях приходим к одному выводу, а именно: что в настоящее время и на нынешних позициях наши возможности во много раз превосходят оборонительную способность в период «зимней войны» 1939—1940 гг. Мы можем даже сказать, что боевая мощь как сухопутных, так и военно-морских сил выросла по сравнению с тем, какой она была в начале настоящей войны»⁵.

Прочная, хорошо оборудованная в инженерном отношении оборона была создана финнами и в Южной Карелии. На медвежьегорском направлении она состоя-

ла из четырех, а на Онежско-Ладожском перешейке из шести оборонительных полос и ряда промежуточных и отсечных позиций. Ее общая глубина достигала 180 км. Рубежами служили межозерные перешейки, изобилующие большим количеством рек, из которых наиболее значительны Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, Тулеймайоки, Суна, Шуя⁶.

На Карельском перешейке и в Южной Карелии оборонялись основные силы финской армии в составе 15 дивизий, 8 пехотных и 1 кавалерийской бригад. В них насчитывалось 268 тыс. человек, 1930 орудий и минометов, 110 танков и штурмовых орудий и 248 боевых самолетов. В восточной части Финского залива, на Ладожском и Онежском озерах противник имел 33 корабля основных типов и около 100 самолетов морской авиации⁷.

Советской стороной к операции привлекались на Карельском перешейке войска правого крыла Ленинградского фронта (генерал армии, с 18 июня Маршал Советского Союза Л.А. Говоров) в составе 21-й⁸, 23-й общевойсковых и 13-й воздушной армий (ВА), сил КБФ (адмирал В.Ф. Трибуц) и Ладожская военная флотилия (контр-адмирал В.С. Чероков), а в Южной Карелии — войска левого крыла Карельского фронта (генерал армии К.А. Мерецков) в составе 7-й, 32-й общевойсковых армий и 7 ВА, Ладожская и Онежская (капитан 1 ранга Н.В. Антонов) военные флотилии.

В результате принятых мер по усилению Ленинградского и Карельского фронтов⁹ их силы и средства, привлекавшиеся к операции, состояли из 41 дивизии, 5 сбр и 4 укрепленных районов (УР) (около 450 тыс. человек, 10 тыс. орудий и минометов, свыше 800 танков и САУ и 1547 самолетов). Из состава КБФ, Ладожской и Онежской военных флотилий предусматривалось выделить 37 кораблей основных типов и 265 самолетов. Советские войска превосходили противника: в людях — в 1,7 раза, в орудиях и минометах — в 5,2, в танках и САУ —

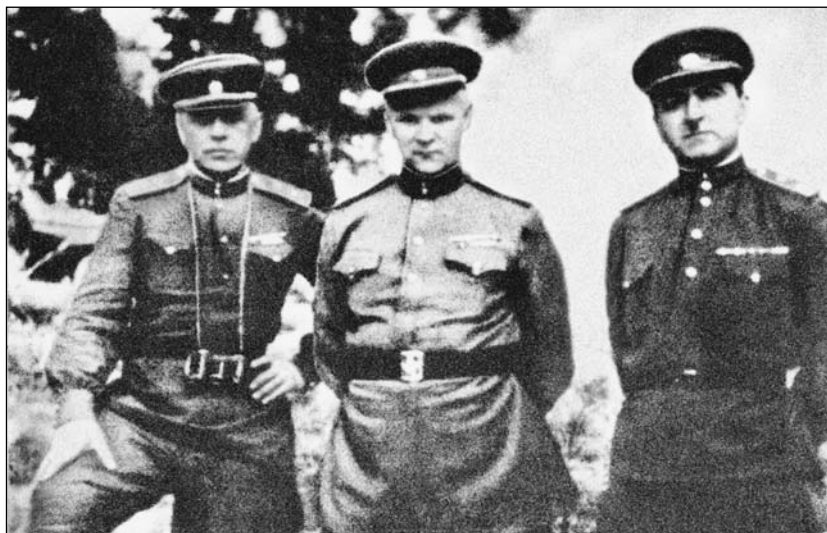
в 7,3, в самолетах — в 6,2 раза¹⁰. Создание столь большого превосходства над противником диктовалось необходимостью быстрого прорыва глубоко эшелонированной обороны и наступлением в крайне неблагоприятных условиях местности¹¹.

ПЕРВОЙ планировалось провести Выборгскую наступательную операцию. Она вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из самых скоротечных, результативных и поучительных. За 11 суток, с 10 по 20 июня 1944 года войска Ленинградского фронта при содействии КБФ и Ладожской военной флотилии прорвали мощный укрепленный район на всю его оперативную глубину и овладели Выборгом.

Этот укрепленный район, который финны создавали более двух с половиной лет, обороняли 3-й и 4-й финские армейские корпуса, объединенные 15 июня 1944 года в оперативную группу «Карельский перешеек». Всего в ее составе было шесть дивизий (пять пехотных¹², одна танковая), две бригады (пехотная и кавалерийская), два артиллерийских полка береговой охраны и другие специальные части и подразделения. В первом эшелоне оборонялись три пехотные дивизии и одна пехотная бригада, во втором — две пехотные дивизии; в резерве находились танковая дивизия и кавалерийская бригада¹³. Всего группировка насчитывала 100 тыс. человек, 960 орудий и минометов, 110 танков и свыше 200 самолетов.

Для прорыва вражеской обороны на Карельском перешейке выделялись 21-я (генерал-лейтенант Д.Н. Гусев) и 23-я (генерал-лейтенант А.И. Черепанов) общевойсковые и 13-я воздушная армии, силы КБФ и Ладожской военной флотилии (всего около 260 тыс. человек, 5,5 тыс. орудий и минометов, 628 танков и САУ, 741 самолет (с учетом авиации КБФ))¹⁴.

По замыслу командующего Ленинградским фронтом, 21-я армия в составе 30-го гвардейского, 97-го и 109-го стрелковых корпусов и 22-го укрепленного района¹⁵, действуя в полосе 22,5 км, должна была наступать в общем направлении на Выборг, прорвать первую и вторую полосы обороны противника, разгромить 4-й армейский корпус и оперативные резервы финнов и в дальнейшем, развивая главный удар в направлении на Сумма и одновременно наступая вдоль Приморской железной дороги на Койвисто, выйти к третьей полосе обороны противника.

Командующий 21-й армией генерал-лейтенант Д.Н. Гусев (в центре), член военного совета генерал-майор В.П. Мжаванадзе и командующий артиллерией генерал-майор М.С. Михалкин

23-я армия в составе 98 и 115 ск и 17 УР получила задачу прочно оборонять рубеж у Ладожского озера до Охты, а с выходом соединений 21-й армии к р. Сестре принять от нее 97 ск и расширить прорыв в сторону своего правого фланга, последовательно вводя в сражение обороняющиеся части 115 и 98 ск. Конечная цель — выйти на систему озер Суванто-ярви, Вуокси-ярви, Яряпян-ярви.

КБФ была поставлена задача до начала операции перебросить войска 21-й армии из района Ораниенбаума на Карельский перешеек. Ладожская военная флотилия должна была огнем корабельной артиллерии и демонстрацией высадки десантов содействовать наступлению 23-й армии.

На весь период Выборгской операции 21-й и 23-й армиям было выделено по 2,5—3 комплекта боеприпасов, из которых один намечалось израсходовать во время предварительного артиллерийского обстрела¹⁶. Что касалось 13 ВА, то ей ставилась задача разрушить опорные пункты финнов в полосе наступления 21-й армии, а также прикрыть войска 23-й армии.

Оперативное построение ударной группировки фронта предусматривалось в один эшелон при сильном фронтовом резерве (110 и 108 ск и четыре отдельные стрелковые дивизии).

Большое внимание на подготовительном этапе операции придавалось боевой учебе войск, о чем военный совет Ленфронта издал 3 мая 1944 года специальную директиву¹⁷. В целях достижения оперативной и тактической внезапности проводились также маскировочные и дезинформационные мероприятия¹⁸.

Одной из наиболее сложных за-

дач, которую пришлось решать в подготовительный период, являлась перегруппировка войск 21-й армии из места сосредоточения (65—115 км от линии предстоявших боевых действий) в исходный район для наступления. При этом личный состав 97 ск перевозился по железной дороге, а 30 гвардейского и 109 ск — на морских судах КБФ через Финский залив¹⁹. Выдвижение соединений и частей 21-й армии в исходное положение для перехода в наступление, а также смена оборонявшихся соединений и частей 115 ск 23-й армии производились в течение трех последних ночей перед началом наступления²⁰.

9 июня в 8 ч утра началась «увертюра» Выборгской операции — предварительное разрушение финских укреплений на всем Карельском перешейке. Десять часов без перерыва артиллерия Ленинградского фронта и КБФ наносила удары по дотам, дзотам и командным пунктам противника. Авиация нанесла три массированных удара, совершив около 1150 боевых вылетов. На каждый квадратный километр финской обороны попало от 125 до 186 т бомб. Авиацией и артиллерией были разрушены 335 инженерных сооружений, в том числе 175 на участке прорыва. «Картина разгрома, — писал финский военный историк Х. Сеппяля, — все более вырисовывалась с каждым моментом, раненые не могли эвакуироваться, люди и оружие остались погреб-

бенными в окопах, связь была прервана, и всеми овладело чувство беспомощности»²¹.

В 8 ч 20 мин по сигналу «Атака» соединения трех армейских корпусов 21-й армии перешли в наступление. Под завесой стоявшего над передним краем обороны противника огромного облака пыли и дыма пехота и танки, с ходу форсировав р. Сестру, стали успешно продвигаться вперед. Оборона была прорвана на 20-километровом фронте. Наибольших успехов добился 30 гв. ск: его 45 гв. сд генерал-майора С.М. Путилова и 63 гв. сд генерал-майора А.Ф. Щеглова продвинулись вперед на 15 км и захватили очень сильный узел сопротивления Майниту. 109 ск, наступая на приморском направлении, вышел на рубеж западнее Куроккала. Несколько хуже обстояли дела на правом фланге: наступавший здесь 97 ск отеснил противника только на 5 км.

В этот же день перешла в наступление и 23-я армия, введя в сражение свой 98 ск через брешь, пробитую 97 ск 21-й армии. Во второй половине дня этот корпус передали 23-й армии²², а 21-ю армию усилили 108 ск из резерва. Всего к исходу дня обеими армиями были освобождены 80 населенных пунктов. 13 ВА, поддерживая с воздуха наступление войск 21-й и 23-й армий, в течение дня произвела свыше 300 самолетовылетов.

Прорвав первую полосу обороны противника, войска из-за сильного сопротивления остановились перед его второй полосой. Тогда Л.А. Говоров принял решение перенести направление главного удара с центра перешейка (со Средневыборгского шоссе) на левый фланг 21-й армии в полосу Приморского шоссе, где у против-

ника было меньше сил. Целые сутки 13 июня шла скрытная перегруппировка войск. На левом фланге сосредоточили 3-й артиллерийский корпус прорыва генерал-майора артиллерии Н.Н. Жданова (до 250 орудий и минометов на 1 км фронта)²³. Сюда же выдвигался из резерва фронта 110 ск генерал-майора А.С. Грязнова. Предусматривалось усиление взаимодействия сухопутных войск с силами Балтийского флота²⁴.

14 июня в 8 ч утра после артиллерийской и авиационной подготовки начался прорыв главной полосы финской обороны на приморском направлении, что для финского командования явилось полной неожиданностью, хотя сопротивление было весьма ожесточенным. Наиболее упорные бои развернулись в полосе 109 ск у Кутерселья, где противник имел сложную систему укреплений с 23 дотами. Большое упорство и отвагу при взятии этого узла обороны проявила 72 сд генерал-майора И.И. Ястребова. Ее успеху активно содействовала штурмовая авиация 13 ВА. «Шесть часов подряд, — вспоминал главный маршал авиации А.А. Новиков, — штурмовики долбили Кутерселья. Одна волна Ил-2 сменяла другую»²⁵.

Взятие Кутерселья и прорыв второй полосы обороны в полосе 109 ск позволили командованию фронта использовать 1-ю танковую бригаду для оказания помощи 108 ск. Танкисты перерезали Приморское шоссе в районе Лемпиля, поставив противника перед угрозой полного окружения. 46 сд полковника С.Н. Борщева и 90 сд генерал-майора Н.Г. Лященко, форсировав р. Вammelсууйоки, штурмом овладели неприятель-

скими укреплениями в районе Ванхасахай и Мятсякюля, расширив тем самым участок прорыва до побережья Финского залива.

К исходу 15 июня 21-я армия прорвала вторую полосу финской обороны на фронте до 12 км и продвинулась вперед на 15 км. Для развития достигнутого успеха командующий армией Д.Н. Гусев ввел в сражение 110 ск. На кексгольмском направлении 23-я армия к этому времени вышла ко второй полосе на всем ее протяжении. В последующие дни 21-я армия вклинилась в третью полосу обороны и успешно начала ее прорыв. «Теперь, — писала английская газета «Дейли мейл», — русские прорвали на Карельском перешейке стальную, бетонированную линию, которая, как утверждали, принадлежала к числу самых сильных в мире... и полным ходом устремились к Выборгу»²⁶.

18 июня Л.А. Говорову было присвоено высокое звание Маршал Советского Союза, что стало свидетельством того, насколько высоко Верховное Главнокомандование оценило действия войск Ленинградского фронта в боях на Карельском перешейке и полководческое искусство их командующего.

Несмотря на критическое положение, финское командование пыталось остановить наступление советских войск на рубеже третьей линии обороны²⁷, однако к концу дня 19 июня 21-я армия завершила ее прорыв на 70-километровом фронте, а 20 июня Выборг был полностью освобожден.

В этот же день в восточной части Карельского перешейка 23-я армия при содействии Ладожской военной флотилии на широком фронте вышла к оборонительному рубежу противника, проходившему вдоль Вуоксинской водной системы. Этим фактически закончилась Выборгская наступательная операция правого крыла Ленинградского фронта²⁸. В ночь на 21 июня Москва салютовала победе 20-ю артиллерийскими залпами.

После окончания операции Ставка уточнила задачи войскам Ленинградского фронта. В директиве от 21 июня указывалось, что фронт главными силами должен 26—28 июня овладеть рубежом Иматра, Лаппенранта, Виройоки,

Тяжелое орудие готовится к открытию огня. Карельский перешеек

Июнь 1944 г.

Мощные удары по врагу наносят пикирующие бомбардировщики Пе-2.
Ленинградский фронт, июнь 1944 г.

Наступление продолжается. Вперед на Выборг!

наступать на Кексгольм, Элисенваара и очистить от противника Карельский перешеек северовосточнее реки и озера Вуокса²⁹. Однако сопротивление противника резко усилилось³⁰. Стало ясно, что продолжение наступления на Карельском перешейке приведет к неоправданным потерям. Ставка приказала Ленинградскому фронту с 12 июля 1944 года перейти к обороне на достигнутом рубеже.

В результате Выборгской наступательной операции в период с 21 июня по 12 июля советские войска продвинулись в глубь Карельского перешейка на 110—130 км, отодвинув линию фронта от Ленинграда более чем на 150 км и вынудив противника перебросить на Карельский перешеек значительные силы из Южной Карелии. Это изменило соотношение сил и средств в пользу левого крыла Карельского фронта и тем самым создало благоприятные предпосылки для разгрома финских войск в Южной Карелии.

КНАЧАЛУ Свирско-Петрозаводской наступательной операции войска левого крыла Карельского фронта занимали оборону по рубежу, на котором наступление противника было остановлено еще в 1941 году: 32-я армия (генерал-лейтенант Ф.Д. Гореленко) — севернее Онежского озера от озера Лахта-

ярви до Шала; 7-я армия (генерал-лейтенант А.Н. Крутиков) — на Онежско-Ладожском перешейке по р. Свирь до Мирошкиничей, далее Коковичи, Ошта. В состав 32-й армии входили четыре стрелковые дивизии (27, 176, 289 и 313-я), танковый полк, два гвардейских минометных полка, отдельный артиллерийско-пулеметный батальон и другие части, а в состав 7-й армии — 4, 37 гвардейский, 94 и 99-й стрелковые корпуса, 368-я стрелковая дивизия, три морские стрелковые бригады (3, 69 и 70-я), два укрепрайона (150-й и 160-й), две танковые бригады (29-я и 7-я гв.), 7-я артиллерийская дивизия прорыва и другие соединения и части усиления. Всего к началу операции на левом крыле Карельского фронта было сосредоточено свыше 200 тыс. человек, около 4000 орудий и минометов, более 220 танков и 850 самолетов³¹.

Этим силам Карельского фронта противостояли две финские оперативные группы войск: на перешейке между Ладожским и Онежским озерами олонечкая, а на участке западнее Беломорска и до Онежского озера — массельская. К 20 июня в их боевой состав входили пять пехотных дивизий, две пехотные бригады и две бригады береговой обороны, другие части и подразделения. Всего

финская группировка войск в Южной Карелии насчитывала 150 тыс. солдат и офицеров, около 1000 орудий и минометов и почти 200 самолетов³².

Военный совет фронта 8 июня представил свои соображения в Ставку о проведении Свирско-Петрозаводской операции. Для уточнения деталей плана командующий фронтом генерал армии К.А. Мерецков и член военного совета генерал-лейтенант Г.Ф. Штыков 9 июня были вызваны в Москву для личного доклада. 10 июня в совещании в Ставке принимали участие кроме Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина маршалы Г.К. Жуков, А.М. Василевский и генерал армии А.И. Антонов. На нем был окончательно одобрен план операции. Готовность войск к наступлению вначале определялась к 25 июня 1944 года, затем срок подготовки уменьшили на пять суток. Замысел операции состоял в том, чтобы стремительным наступлением вдоль Ладожского озера и ударом севернее Онежского окружить и уничтожить основные силы финской группы «Олонец», выйти на советско-финляндскую границу и очистить от захватчиков южную часть советской Карелии³³.

Главный удар наносила 7-я армия³⁴ из района Лодейного Поля вдоль Ладожского озера в общем направлении Олонец, Сортавала, а частью сил на Петрозаводск. Вспомогательный удар наносила 32-я армия из района северо-вос-

Высадка десанта Ладожской военной флотилией в междуречье Тулоксы и Видлицы
23 июня 1944 г.

точнее Медвежьегорска в направлении Суоярви³⁵, а частью сил также на Петрозаводск. Авиационную поддержку осуществляла 7 ВА, а в первый день операции и часть сил 13 ВА. Ладожская и Онежская военные флотилии должны были содействовать наступлению войск вдоль побережий Ладожского и Онежского озер и высадить десанты.

Оперативное построение войск левого крыла фронта — в один эшелон с выделением 127-го легкого стрелкового корпуса в общевойсковой резерв.

Поздно вечером 19 июня командующий 7-й армией получил донесение, что противник в полосе от Онежского озера до Свирьстрога начинает отводить свои войска с занимаемого плацдарма. Получив разрешение командующего фронтом, генерал-лейтенант А.Н. Крутиков приказал соединениям, расположенным на правом фланге, начать преследование врага, форсировать на его плечах Свирь в районе Подпорожья и захватить вторую полосу обороны на северном берегу. Основные действия развернулись утром 21 июня на участке между Лодейным Полем и Ладожским озером, где главная ударная группировка Карельского фронта изготовилась для перехода в решающее наступление. Ровно в 8 ч утра был произведен залп гвардейских минометов, а через 5 мин над финскими позициями появились несколько сот бомбардировщиков и штурмовиков 7 и 13 ВА. Еще через 40 мин открыли огонь 1685 орудий и минометов. Артиллерийская подготовка длилась 3 ч 32 мин³⁶. В 11 ч 45 мин 360 бомбардировщиков и штурмовиков нанесли повторный удар по финским позициям. Затем 15-минутный огневой налет произвела артиллерия. Одновременно началось форсирование Свири.

Воины 7-й армии ведут бой на окраине г. Олонца 25 июня 1944 г.

Советско-финляндская граница восстановлена

К исходу первого дня операции соединения 7-й армии на направлении главного удара успешно форсировали р. Свирь и захватили плацдарм до 16 км по фронту и 6—8 км в глубину. В этот день авиация 7 ВА произвела 642 самолетовылета, а артиллерия обрушила на врага 76,5 тыс. снарядов и 62,4 тыс. мин³⁷.

22 июня войска 7-й армии продолжали наступление. Опасаясь полного разгрома олонечкой группировки, финское командование стало поспешно отводить 8-ю и 5-ю пехотные дивизии, а также 15-ю пехотную бригаду на вторую полосу обороны и в петрозаводском направлении. Отступая, финские войска минировали и разрушали дороги, взрывали мосты, производили завалы в лесах, оставляли в тылу советских войск группы снайперов-наблюдателей с радиостанциями. Наступление войск фронта замедлилось.

Ставка ВГК в своей директиве от 23 июня выразила неудовлетворение низкими темпами продвижения и потребовала более решительных действий³⁸. В этот же день Ладожская военная флотилия при поддержке около 300 самолетов 7 ВА высадил в тыл олонечкой

группировки противника десант, а 32-я армия освободила г. Медвежьегорск и продолжила наступление на Петрозаводск.

28 июня правофланговые соединения 7-й армии и наступающие с севера вдоль Онежского озера части 32-й армии при содействии десанта, высаженного Онежской военной флотилией, освободили Петрозаводск. Кировская железная дорога была очищена от противника на всем ее протяжении. Финское командование поспешно отводило свои войска на линию Топозеро, Сямозеро.

В начале второго этапа операции К.А. Мерецков поставил 7-й и 32-й армиям задачу ускорить освобождение всей Южной Карелии и выйти к советско-финляндской государственной границе. Противник в свою очередь хотел остановить советские войска на границе 1939 года. Линия фронта в полосе 7-й армии установилась на рубеже Питкяранта—Лоймола, то есть почти там же, где закончилась «зимняя война» 1939—1940гг. До финляндской границы оставалось около 80 км. В то же время войска 32-й армии, ломая сопротивление противника, продвигались на запад. Успешно дей-

Командующий 23-й армией генерал-лейтенант А.И. Черепанов вручает медали «За оборону Ленинграда» воинам армии

Н.М. Шверник вручает маршальскую звезду Л.А. Говорову. 1944 г.

ствовали 176 и 289 сд, захватив 12 июля финский узел обороны в районе Поросозеро. В 5 ч утра 21 июля части 176-й стрелковой дивизии 32-й армии овладели Ленгонвара и вышли к государственной границе³⁹.

Чтобы не допустить перенесения боевых действий на свою территорию, финское командование перебросило крупные подкрепления из глубины страны и с северного участка фронта и 31 июля нанесло контрудар по флангам 32-й армии. Советские войска вынуждены были отойти от государственной границы и оставить г. Ленгонвара.

После тяжелых и ожесточенных боев фронт к 9 августа стабилизировался по рубежу Кудамгуба, Куолиσμα, восточнее Лоймола, Питкяранта. Свирско-Петрозаводская операция завершилась, тем самым закончилась и Выборгско-Петрозаводская стратегическая наступательная операция. Финская армия потерпела крупное поражение, была ликвидирована угроза Ленинграду с севера и северо-востока и созданы предпосылки для последующего вывода Финляндии из войны на стороне фашистской Германии⁴⁰.

За боевое мастерство, мужество и отвагу более 93 тыс. советских воинов были награждены орденами и медалями, а 78 человек удостоены звания Героя Советского Союза. 132-м соединениям и частям были присвоены почетные наименования Ленинградских, Выборгских, Свирских, Петрозаводских, 39 награждены боевыми орденами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

(ЦАМО РФ). Ф. 217. Оп. 33882. Д. 9. Л. 152.

² Северная часть Ленинградской области все еще была оккупирована финскими войсками, а линия фронта проходила в 32 км от окраин Ленинграда. Противник удерживал также и Южную Карелию, по территории которой проходила важная коммуникация — Кировская железная дорога, связывавшая Ленинград с северными портами страны.

³ ЦАМО РФ. Ф. 362. Оп. 6171. Д. 64. Л. 182.

⁴ Передний край первой полосы обороны проходил по рубежу Таппари, западный берег оз. Лемболовское, Старый Белоостров, Охта, Раяйоки. Общая протяженность — около 80 км, глубина 3—5 км. Вторая полоса протяженностью 76 км и глубиной также 3—5 км проходила в 15—25 км от переднего края первой полосы. Третья полоса протяженностью 120 км (бывшая «линия Маннергейма») проходила в 30—40 км южнее и юго-западнее Выборга по линии озер Вуоксовской водной системы через Сумма и Мурила.

⁵ К.-Г. Маннергейм даже считал, что в случае разгрома Германии он сможет, опираясь на свою оборону, добиться почетного мира.

⁶ Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Военно-исторический очерк. М.: Наука, 1984. С. 187.

⁷ Военная Энциклопедия. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. С. 318.

⁸ 21-я армия согласно директиве от 28 апреля 1944 г. была передана Ленинградскому фронту из резерва Ставки ВГК и в начале мая сосредоточилась в районе Ропши, Тайцы (юго-западнее Ленинграда).

⁹ Ленинградский фронт получил из резервов Ставки: 21-ю армию, 110-й стрелковый корпус, две отдельные стрелковые дивизии, две артиллерийские дивизии прорыва, одну пушечную артиллерийскую бригаду, два корпусных артиллерийских полка, пять дивизионов артиллерии особой мощности, два танковых и семь самоходных артиллерийских полков, одну штурмовую инженерно-саперную бригаду и другие специальные части. Кроме того, 13 ВА фронта усиливалась двумя бомбардировочными (334-й и 113-й) и одной штурмовой (281-й) авиационными дивизиями. На Карельский фронт были направлены: три стрелковых корпуса, артиллерийская дивизия прорыва, зе-

А.А. Жданов от имени Советского правительства подписывает Соглашение о перемирии с Финляндией 19 сентября 1944 г.

нитная артиллерийская дивизия, две танковые и две инженерно-саперные бригады, две бригады гвардейских минометов, три тяжелых самоходно-артиллерийских полка СУ-152, пять артиллерийских и восемь минометных полков и другие специальные части. В оперативное подчинение фронта поступила Ладожская военная флотилия.

¹⁰ История второй мировой войны 1939—1945. М.: Воениздат, 1978. Т. 9. С. 27.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 18210. Д. 1. Л. 194, 290, 295.

¹² Средний численный состав пехотной дивизии финнов достигал 12 тыс. человек.

¹³ Воен.-истор. журнал. 1974. № 6. С. 10, 11.

¹⁴ В результате сосредоточения такого количества сил и средств на правом крыле Ленинградского фронта советские войска превосходили противника по личному составу в 2,6 раза, по орудиям и минометам — в 5,7, по танкам и САУ — также в 5,7, по авиации — в 3,7 раза. На направлении главного удара превосходство советских войск было еще более значительным (см.: Ленинград в борьбе. Месяц за месяцем. 1941—1944. СПб., 1994. С. 311).

¹⁵ Здесь было сосредоточено от 60 до 80 проц. всех сил и средств, выделенных для проведения операции (см.: Воен.-истор. журнал. 1971. № 6. С. 25).

¹⁶ На участке прорыва 21-й армии плотность артиллерии составляла 200—220 орудий и минометов на 1 км фронта.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 201171. Д. 29. Л. 301.

¹⁸ В частности, Ленинградский фронт по предложению начальника штаба генерал-полковника М.М. Попова в это время сосредоточивал переправочные средства, усиливал авиационную и артиллерийскую активность на нарвском направлении, в полосе действий 2-й ударной армии. По его же указанию выход на рекогносцировку офицерам и генералам разрешался только в форме рядового и сержантского состава. (Там же. Д. 4. Л. 142).

¹⁹ Там же. Д. 196. Л. 1, 2.

²⁰ Там же. Д. 2. Л. 187.

²¹ История Ленинградского военного округа. М.: Воениздат, 1988. С. 301.

²² 12 июня 97 ск был выведен в резерв командующего фронтом.

²³ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 74. Л. 175.

²⁴ Главный маршал авиации А.А. Новиков, находившийся тогда на Ленинградском фронте в качестве представителя Ставки ВГК, позже напишет: «Я был восхищен этим смелым маневром... Понимал и меру ответственности, взятую на себя Говоровым» (см.: Новиков А.А. В небе Ленинграда. М., 1970. С. 288—289).

²⁵ Новиков А.А. Указ. соч. С. 296.

²⁶ История Ленинградского военного округа... С. 306.

²⁷ 19 июня финское правительство уполномочило начальника генерального штаба генерала пехоты А.Е. Хейнрикса обратиться к германскому военному руководству с просьбой предоставить Финляндии помощь войсками, чтобы прикрыть Выборгское направление. Однако немецкое командование вместо запрошенных шести дивизий перебросило из Эстонии в Финляндию лишь одну пехотную дивизию, бригаду штурмовых орудий и эскадрилью самолетов.

²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 70448. Д. 11. Л. 152.

²⁹ История второй мировой войны 1939—1945. М.: Воениздат, 1978. Т. 9. С. 31.

³⁰ На этот участок фронта дополнительно были переброшены 11-я и 6-я финские, а также 122-я немецкая пехотные дивизии.

³¹ Гриф секретности снят. М.: Воениздат, 1993. С. 207; Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Воен.-истор. очерк. М.: Наука, 1984. С. 191.

³² В период с 10 по 20 июня из Южной Карелии на Карельский перешеек были переброшены управление 5-го армейского корпуса, две пехотные дивизии и две пехотные бригады.

³³ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1437. Д. 1340. Л. 2—6.

³⁴ С учетом того, что 7-я армия нанесла главный удар, в ее полосе было сосредоточено 70 проц. стрелковых соединений, 83 проц. артиллерии и 94 проц. танков от общего количества привлечавшихся к операции войск. Это позволило создать существенное превосходство над противником: в людях — более чем в 2 раза, в артиллерии и танках — почти в 6 раз. На участках прорыва превосходство было еще более значительным.

³⁵ Не получив средств усиления, 32-я армия превосходила противника в 1,4 раза только в артиллерии, однако уступала в людях в 1,6 раза.

³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1510. Д. 565. Л. 47.

³⁷ Там же. Ф. 342. Оп. 5440. Д. 179. Л. 30; Ф. 340. Оп. 5397. Д. 40. Л. 71—72.

³⁸ Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 36. Л. 379—380.

³⁹ История Ленинградского военного округа. М.: Воениздат, 1988. С. 314.

⁴⁰ Военные действия финская армия прекратила с 8 ч утра 4 сентября, а войска Ленинградского и Карельского фронтов с 8 ч 5 сентября. Окончание войны Советского Союза с Финляндией было юридически закреплено Соглашением о перемирии, заключенным 19 сентября 1944 г. в Москве.

Полковник запаса М.Я. ТАРАСОВ

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ НА 65-летие журнала

Энциклопедический словарь военно-строительного комплекса МО РФ. М.: Патриот, 2004. 688 с.

Передана начальником службы расквартирования и обустройства войск МО РФ генерал-полковником А.В. Гребенюком (Москва)

Журналисты XX века: люди и судьбы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 834 с.

Передана председателем Союза журналистов Москвы, главным редактором газеты «Московский комсомолец» П.Н. Гусевым и первым секретарем Союза журналистов Москвы Л.В. Щербиной (Москва)

Новейший энциклопедический словарь. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Транзиткнига», 2004. 1424 с., ил.

Переданы полковником В.В. Ларченковым, начальником кафедры журналистики Военного университета МО РФ; первым заместителем главного редактора газеты «Транспорт России» полковником запаса Ю.В. Бурылиным; ответственным редактором газеты Московского военного округа «Красный воин» капитаном 1 ранга М.В. Хондошко (Москва)

Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Кlio. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: РОССПЭН, 2001. 224 с.

Козлов В.П. Тайны фальсификации: Пособие для преподавателей и студентов вузов. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996. 272 с.

Козлов В.П. Теоретические основы археологии. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 152 с.

Переданы членом редакционной коллегии «Военно-исторического журнала», руководителем Федерального архивного агентства, членом-корреспондентом РАН, доктором исторических наук В.П. Козловым. (Москва)

Польза. Честь. Слава. Награды России. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2004. 300 с., ил.

Екатерина II. Бабушкина азбука великому князю Александру Павловичу. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2004. 96 с.

Казани — 1000 лет. Уникальные документы, исторические реликвии и редкие издания: Каталог выставки / Сост. Л.В. Горохова, С.Р. Долгова, И.А. Мустакимов, Н.А. Шарангина / Под ред. З.Р. Валеевой. Казань: Гасыр, 2003. 120 с.

Переданы членом редакционного совета «Военно-исторического журнала», директором Российского государственного архива древних актов (РГАДА) кандидатом исторических наук М.Р. Рыженковым (Москва)

Гречишников В.Е. История и современность. Смоленск: б/и, 2004. Вып. 2. 108 с.

Гречишников В.Е. Земля моя Смоленская. Смоленск: б/и, 2004. 112 с.

Гречишников В.Е. Смоленский календарь. Имена. События. Даты. Смоленск: б/и, 2004. Вып. 6. Октябрь—декабрь. 116 с. Переданы автором. (г. Смоленск)

БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ФРОНТОВЫХ И АРМЕЙСКИХ УЗЛОВ СВЯЗИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВХОДЕ войны выявилась необходимость создания частей связи, которые не предусматривались планами мобилизационного развертывания. Так, для усиления радиосредствами активно действующих фронтов директивой Главного управления формирования и укомплектования от 1 июня 1943 года было создано 9 отдельных радиодивизионов (орд) и 5 радиорот. Фронты большого состава усиливались радиодивизионами, остальные — радиоротами.

11 ноября 1943 года директивой Главного управления связи Красной армии (ГУСКА) № 1078963 был введен оперативный расчет фронтового и армейского комплектов и частей связи, сыгравший важную роль в улучшении управления войсками фронтов и армий и действовавший с незначительными изменениями до конца войны.

В ходе войны в систему связи вносились количественные и качественные изменения. Так, организационно-штатная структура отдельного полка связи (опс) фронта (армии) уточнялась дважды, при этом численность личного состава каждый раз сокращалась. Если в 1940 году во фронтовом опс насчитывалось 799 человек, то в 1942-м — 620, а к концу войны — 590 человек. Уменьшение численности личного состава шло в основном за счет сокращения подразделений (экипажей), которые в ходе военных действий не нашли широкого применения и утратили свою практическую ценность. Например, из состава телеграфно-телефонного батальона был исключен взвод, обслуживающий телеграфные аппараты Уитстона (16 человек), а из радиобатальона — экипаж вагонной радиостанции «ВФ» (27 человек). Сокращались также подразделения обслуживания, экипажи аппаратных и радиостанций. Так, экипажи радиостанций РАТ и РАФ по довоенным штатам имели в своем составе, соответственно, 22 и 12 человек, по штатам 1945 года — 17 и 7.

Некоторые изменения в штаты вносились частными директивами ГУСКА и решениями военных советов фронтов и армий. Имели место также изменения в структуре частей связи временного характера, как, например, было с учебными ротами, введенными в состав полков связи фронта в 1942 году.

Кроме узловых частей связи, входивших во фронтовую и армейский комплекты, в составе некоторых фронтов и армий использовались отдельные роты связи, подвижные радиоузлы и ряд частей связи, не нашедших широкого применения.

Развитие организационно-штатной структуры узловых частей связи, оснащение их в достаточном количестве техникой способствовали всестороннему совершенствованию организационно-технической структуры УС КП фронта (армии), в основу которой был положен принцип объединения однотипных средств связи в отдельные элементы по видам и родам средств связи.

Основными элементами УС КП фронта (армии) в годы войны являлись: проводной узел; радиоузел; пункт сбора донесений; посадочная площадка для самолетов связи.

ПРОВОДНОЙ узел УС КП фронта включал в себя военно-телеграфную (ВТС) и Центральную телефонную станции (ЦТС) и имел, как правило, от 8 до 15 комплектов аппарата Бодо, 15—20 комплектов аппарата СТ-35 и 5—10 аппарата Морзе, а также несколько телефонных подстанций. Вся эта система потребляла в сутки до 100 кВт/ч электроэнергии.

Наиболее сложным элементом проводного узла являлась ВТС. Она состояла из кросса, аккумуляторно-генераторной станции, аппаратных телеграфа, переговорной военной связи и мастерской.

Кросс ВТС предназначался как для коммутации линий и аппаратов, так и для коммутации и распределения источников электропитания. При этом на фронтовых

узлах применялись два вида кроссов: общий и телеграфный. В первом случае на кросс заводились и телеграфные провода, и телефонные цепи, во втором — только телеграфные провода (для коммутации телефонных цепей создавался отдельный телефонный кросс на ЦТС).

Аппаратные телеграфа могли комплектоваться по двум принципам: по направлениям и по системам. Направления обеспечивали командованию и штабу удобства в использовании средствами связи, а также быстроту и четкость прохождения телеграмм. Однако этот способ построения ВТС имел и свои недостатки. При выходе из строя аппаратной связи в данном направлении прерывалась по всем каналам одновременно, усложнялась также техническая эксплуатация аппаратуры. Поэтому на многих фронтах аппаратные комплектовались по системам, т.е. в соответствии с типами телеграфной аппаратуры (обычно в одном блиндаже-аппаратной размещались 2 комплекта аппарата Бодо, либо 6—8 комплектов аппарата СТ-35 или Морзе). Опыт войны показал, что в целях создания наилучших условий для управления войсками аппаратные целесообразно комплектовать в соответствии с информационными направлениями, имея при этом в резерве одну—две аппаратные. В резервные аппаратные могли передаваться связи аппаратных, вышедших из строя.

На переговорной военной связи мог устанавливаться один комплект аппарата Бодо, а также 1—2 аппарата СТ-35 и Морзе. По требованию командования на переговорную передавалась любая связь, при этом время переключения не должно было превышать 5 мин. Здесь постоянно дежурили лучшие специалисты. В случае необходимости переговорная могла использоваться в качестве резервной аппаратной. На заключительном этапе войны переговорные пункты стали оснащаться устройствами дистанционного управ-

вления радиопередатчиками. Например, в период проведения Висло-Одерской операции переговорная 1-го Белорусского фронта обеспечивала 118 радиопереговоров.

Центральная телефонная станция УС КП фронта включала в себя телефонные станции дальней и внутренней связи. Число абонентов дальней связи ограничивалось. Абонентами этой станции могли быть: командующий, члены военного совета, начальники оперативного управления, разведывательного отдела, родов войск, узла связи и дежурный по связи. Для оборудования телефонной станции обычно выделялся один коммутатор средней емкости типа Р-20, ПК-30, реже Р-60.

Телефонная станция внутренней связи включала в себя основную станцию и несколько подстанций, которые, как правило, развертывались в местах размещения управлений (отделов).

РАДИОУЗЕЛ УС КП фронта предназначался для обеспечения командующему и штабу прямых радиосвязей с Генеральным штабом (ГШ), командующими (командирами) и штабами подчиненных и взаимодействующих объединений (соединений), а также с пунктами управления фронта. Структура радиоузла во многом определялась методами использования радиосредств. В первом периоде войны приемопередающие радиостанции использовались по методу отдельных станций (децентрализованно). Суть этого метода состояла в том, что передатчики закреплялись за определенной радиосетью (радионаправлением). Преимуществами метода организационно-технического построения радиоузла являлись простота, возможность автономного функционирования радиостанций, быстрота развертывания и малая уязвимость при артобстрелах и ударах авиации противника. Однако он имел ряд недостатков, в том числе: количество радиосетей и радионаправлений не могло превышать количества имеющихся в наличии передатчиков; для устранения взаимных помех радиостанции разносили на значительные расстояния, что замедляло прохождение корреспонденции внутри радиоузла; переговоры по радио приходилось вести непосредственно с радиостанций, а это создавало значительные неудобства для командования и офицеров штаба; передатчики по времени использовались не эффективно.

Более широкое применение нашел метод радиобюро, предусма-

тривающий централизованное применение радиосредств и широко использовавшийся в предвоенные годы на гражданских радиоцентрах. В ходе войны он стал основным на фронтовых и армейских радиоузлах.

Построение фронтового радиоузла по методу радиобюро впервые было осуществлено управлением связи Ленинградского фронта в конце 1941 года. В начале 1942 года этот метод был реализован на радиоузле Западного фронта, а к началу 1943-го стал основным для всех радиоузлов УС КП фронтов и армий.

Радиосредства, имевшиеся к тому времени на вооружении узловых частей связи, к централизованному управлению приспособлены не были, поэтому фронтовым и армейским специалистам приходилось самостоятельно оснащать устройства дистанционного управления передатчиками, что создавало большие трудности.

Для примера рассмотрим структуру радиоузла УС КП Западного фронта, включавшую в себя радиобюро; центральный пункт управления (ЦПУ); группу приемных машин; радиоэкспедицию; группы передатчиков.

Радиобюро размещалось в районе КП и соединялось с ЦПУ тремя парами воздушных телеграфных цепей, которые уплотнялись с помощью дифференциальных трансформаторов. Основным видом работы по радио являлся слуховой телеграфный обмен. Управление передатчиками осуществлялось из приемных машин. Для коммутации передатчиков на приемные машины устанавливался коммутатор манипуляционных линий. Кроме того, на ЦПУ распределялось линейное питание.

Группа приемных машин состояла из восьми аппаратных (в каждой из них от 2 до 5 приемников). Любой передатчик мог коммутироваться на любое рабочее место радиста. Использование средних точек позволяло по одной паре проводов осуществлять манипуляцию, прямую телефонную связь радиста с оператором, а также служебную связь через Р-60 с любым абонентом телефонной станции.

Одним из недостатков подобного радиоузла являлся чрезвычайно сложный путь прохождения корреспонденции. Так, из управлений (отделов) радиogramмы поступали в экспедицию военно-телеграфной станции (ВТС), откуда с посыльными отправлялись в радиобюро, оттуда — в экспедицию радиоузла по телефону или СТ-35 и, наконец, отсюда — по приемным машинам. Так же шли и при-

нимаемые радиogramмы. Впоследствии этот недостаток был устранен путем приближения радиоэкспедиции к основным отделам штаба, а нагрузка стала распределяться непосредственно по приемным машинам.

В третьем периоде войны основным режимом работы по радио в звене ГШ — фронт — армия становится буквопечатание. При этом распределение общего времени работы радиостанций РАТ к концу войны составило: в режиме БП-радио — 90 проц., в режиме ТГ-слух — 10 проц. Для обеспечения буквопечатющих связей в состав радиоузла стала включаться группа аппаратных с оконечными устройствами (Бодо или СТ-35), а также аппаратных типа «Алмаз» и «Карбид». Вначале эти аппаратные размещались в блиндажах, а с лета 1944 года, как правило, в автофургонах.

На заключительном этапе войны на фронтовых радиоузлах четко обозначились следующие элементы: передающий центр (ПдРЦ), включавший в себя 2—4 группы передатчиков; приемно-манипуляционный центр (ПМЦ), состоявший из групп приемных машин и аппаратных с оконечными устройствами, диспетчерского пункта (ДП) и аккумуляторно-генераторной станции; радиоэкспедиции; радиобюро; радиомастерской.

Наиболее совершенную по тому времени структуру имел радиоузел 1-го Белорусского фронта, развернутый 15 апреля 1945 года в районе г. Ландсберга (Берлинская операция). Передающий центр имел 4 группы передатчиков, удаленные от КП на расстояние до 2 км. На приемном центре были развернуты диспетчерский пункт, 5 приемных машин и 6 машин с оконечными устройствами.

Распределение передатчиков осуществлялось на ДП, а управление ими — из аппаратных «Радио-Бодо» и приемных машин. С диспетчерского пункта, где находилось рабочее место дежурного по радиосвязи, поддерживалась громкоговорящая связь со всеми аппаратными ПМЦ и радиоэкспедицией. Управление и служебная телефонная связь с передатчиками осуществлялась по проводным линиям.

Радиоузлы УС КП Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов строились с учетом опыта войны на Европейском ТВД. В основу их организационно-технического построения был положен комбинированный метод использования радиосредств. Так, на радиоузле Забайкальского фронта две группы передатчиков использовались централизованно, а тре-

**Начальник политотдела 18-й армии полковник Л.И. Брежнев
с начальником связи армии генерал-майором войск связи
К.Х. Муравьевым (в центре)**

Карпаты. 1944 г.

тя — по методу отдельных радиостанций, управление которыми выполнялось с рабочих мест командующего и офицеров штаба. Такой способ построения радиоузла позволил реализовать преимущества как централизованного, так и децентрализованного методов. При этом в состав фронтовых радиоузлов могло входить от 8 до 20 передатчиков и 20—30 приемников.

Что касается пункта сбора донесений (ПС), то он предназначался для приема, отправки и доставки боевых документов подвижными средствами. В него входили: экспедиция, подвижные средства связи и авиасигнальный пост, развертываемый на посадочной площадке для самолетов связи.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ структура узла связи командного пункта армии была аналогична фронтовым. На ВТС узла связи КП армии оборудовалась, как правило, одна аппаратная Бодо (1—2 комплекта), одна—две аппаратные СТ-35 (5—6 аппаратов в каждой) и одна аппаратная Морзе (на 6—8 аппаратов). Емкость Центральной телефонной станции, имевшей в своем составе телефонные станции дальней и внутренней связи с 2—3 подстанциями, составляла 100—150 номеров. На армейском радиоузле развертывалось 7—9 радиостанций типа РАФ, РСБ и РБ, а также 15—16 радиоприемников. Например, на УС КП 69-й армии в Белорусской операции было задействовано 15 телеграфных аппаратов (Бодо — 1, СТ-35 — 10 и Морзе — 4) и 9 радиостанций (РАФ — 1, РСБ — 4, SCR — 1, РБМ и РБ — 3).

Анализ документов позволяет сделать вывод, что принятые перед войной принципы организационно-технического построения полевых узлов связи фронта (армии) выдержали испытание в боевой обстановке, показали свою жизнеспособность. Вместе с тем была выявлена необходимость в совершенствовании основных элементов узла. Так, возросшее значение радио вызвало необходимость коренных изменений в организации фронтовых (армейских) радиогрупп. С увеличением количества радиосредств, развертываемых на УС, и введением централизованного метода управления передатчиками небольшие радиогруппы превратились в мощные радиоузлы, включавшие в себя передающий и приемно-манипуляционный центры.

Непрерывный рост потоков информации, передаваемой (принимаемой) по проводным средствам связи, ужесточение требований по ее прохождению обусловили необходимость совершенствования элементов проводного узла, которое осуществлялось по следующим основным направлениям: улучшение условий обмена корреспонденцией и удобства пользования средствами связи; повышение мобильности элементов.

В соответствии с довоенными взглядами на организацию и обеспечение связи в оперативно-стратегическом и оперативном звеньях управления тактика боевого применения УС КП фронта (армии) базировалась на следующих основных принципах: сосредоточение всех сил и средств полевого узла связи в районе размещения

основных отделов штаба (чаще в одном здании с ними); привязка к общегосударственной проводной сети связи; использование радиогрупп штаба только в случае выхода из строя проводных средств связи или невозможности их применения; перемещение УС совместно с органами управления.

Опыт первых же операций Великой Отечественной войны показал, что подобная тактика не может обеспечить устойчивость функционирования УС и непрерывность связи при частых перемещениях пунктов управления. Возникла необходимость коренной перестройки тактики размещения УС на местности и способов их перемещения; перевода всех средств связи на подвижную автомобильную базу (т.е. создания подвижных полевых узлов связи) и комплексного их использования. Непрерывное воздействие на пункты управления авиации противника выдвинуло на первый план задачу повышения живучести УС, что могло быть обеспечено надежной маскировкой, оснащением их инженерным оборудованием и в первую очередь путем совершенствования тактики размещения элементов УС на местности.

В начале войны УС КП фронта размещался обычно в больших населенных пунктах, на нижних этажах зданий, вместе с основными отделами штаба, а также в зданиях, расположенных по соседству. Например, УС КП Северо-Западного фронта с 27 по 30 июня 1941 года размещался в помещении районной конторы связи г. Резекне, а УС КП Южного фронта в начале войны находился в г. Лисичанске, в здании треста Лисичанскуголь, вместе с основными отделами штаба¹. Автомобильные радиостанции располагались непосредственно на пунктах управления, что позволяло радиоразведке противника вскрывать не только места расположения узлов связи, но и командных пунктов. Стремление к такому способу размещения узлов связи в начале войны объяснялось рядом причин, прежде всего тем, что все оборудование узлов было стационарным, плохо приспособленным к эксплуатации в полевых условиях, а также зависимостью проводных узлов от общегосударственной сети ПВЛС, ограниченным количеством средств связи в узловых частях и желанием обеспечить определенные удобства в пользовании связью.

Опыт первых же боевых действий показал, что такое размещение узлов связи на местности демаскирует их и делает очень уязвимыми. А поскольку с самого начала

войны узлы связи крупных штабов выделялись противником в группу наиболее важных объектов поражения, они находились под постоянным воздействием вражеской авиации и диверсионных групп, что приводило к случаям нарушения управления войсками².

Надо отметить, что недостатки в размещении крупных узлов изживались очень медленно. В приказе НКО № 0338 от 29 апреля 1942 года «О результатах проверки организации управления и связи в ряде фронтов и армий» отмечалось, что должных уроков из опыта начального периода войны по размещению узлов связи на местности и повышению их живучести командование некоторых фронтов и армий не извлекло, по-прежнему их размещение оставалось чрезвычайно скученным. «На небольшом участке концентрировались все средства связи штаба. Телеграфно-телефонные станции со всей разнообразной техникой располагаются в одном здании (Брянский, Западный, Юго-Западный фронты). Такое размещение узлов связи ставит под риск потерять управление на продолжительное время при первых же налетах авиации противника»³. Приказ потребовал рассредоточения узлов связи на местности и оборудования аппаратных в специальных укрытиях (блиндажах). Однако лишь к 1944 году основные принципы размещения фронтовых и армейских узлов связи на местности стали правилом. При этом главным критерием было эффективное использование всех средств связи — хорошо замаскированных и надежно укрытых от ударов авиации и артиллерии противника — для обеспечения управления войсками. Основные принципы размещения узлов связи предполагали:

- удобство пользования ими (быстрота доставки получаемых и отправляемых боевых документов, обеспечение прямых переговоров командованию и офицерам штаба);
- наличие удобных подъездных путей и телеграфно-телефонных магистралей (линий), проходящих вблизи места расположения узла; необходимость выноса излучающих средств за пределы пунктов управления на расстояния, обеспечивающие скрытность их размещения и высокое качество каналов связи;
- рассредоточение элементов узла связи на местности;
- возможность развертывания его с наименьшим расходом линейных средств;
- обеспечение живучести, удобство охраны и обороны.

**Группа офицеров 26-го полка связи (слева направо):
Б. Антонов, А. Лебедев, Зиновьев, Мирошников.**
Ленинградский фронт. 1943 г.

Совершенно недопустимым считалось расположение УС вблизи хорошо видимых ориентиров (ветряных мельниц, церквей, железнодорожных узлов, заводов и т.д.), которые могли чаще всего подвергаться ударам авиации противника.

В соответствии с вышеизложенными принципами элементы УС КП фронта стали размещать следующим образом⁴:

- ВТС в целях сокращения времени на прохождение корреспонденции стремились приблизить к оперативному управлению, разведывательному и шифровальному отделам (в 150—200 м от них);

- ЦТС помещалось в центре расположения основных управлений и отделов, находящихся на КП; приемно-манипуляционный центр в целях взаимодействия с проводным узлом (в вопросах перераспределения потоков информации, увязки действий по установлению и восстановлению связей и т.д.) располагали рядом с ВТС, но не ближе 150—200 м, что обуславливалось высоким уровнем помех приему, создаваемых телеграфными аппаратами;

- передающий центр выносился за пределы КП на 2—3 км и размещался 2—3 группами (по 5—6 передатчиков в каждой);

- пункты сбора донесений располагали на узле дорог, идущих к КП, в 1,5—3 км от него (за исключением экспедиции ПС, которая находилась на командном пункте);

- посадочные площадки, а их во фронте могло быть 1—2, развертывались на таком удалении от КП, чтобы его не демаскировать (т.е. в среднем на расстоянии 6—12 км). В целях повышения маскировки КП могли применяться площадки «подскока», на которые самолеты связи приземлялись временно, а затем перелетали на

основную площадку;

аппаратные развертывались в 40—70 м друг от друга, что предотвращало поражение двух соседних машин (блиндажей) одной авиабомбой.

Сложной задачей была маскировка линий связи, подходящих к УС КП. Постоянные воздушные линии связи в начале войны зачастую заканчивались опорой непосредственно у помещения, где размещался кросс. По количеству подходящих к УС линий можно было без труда не только обнаружить его месторасположение, но и определить назначение в системе управления войсками. Для устранения этого недостатка были приняты следующие меры⁵: проводные воздушные линии связи стали заканчиваться не ближе 1500 м от узла, а оттуда прокладывались кабелем; емкость линий привязки не должна была превышать 8 проводов каждая; подходы к узлу стали оборудоваться рассредоточенно в полосе до 1000 м.

БОЛЬШОЕ внимание в годы войны уделялось охране и обороне УС и их мобильности. Рассредоточение элементов узла связи на местности, вынос излучающих средств за пределы пунктов управления, а также возросшие возможности противника вызвали необходимость постоянного совершенствования системы охраны и обороны узлов связи⁶.

Планирование мероприятий по охране и обороне УС осуществлялось начальником узла связи. Так как оборона УС КП фронта (армии) входила в общую систему обороны ПУ, то план охраны и обороны УС обязательно согласовывался с комендантом штаба. Руководил обороной узла связи лично начальник узла, а в его отсутствие — дежурный по связи. Элементы узла охранялись часовыми, а в ноч-

Аппаратная Бодо узла связи Ленинградского фронта (справа налево): младший сержант В. Смирнова, старший сержант Шемранова
1943 г.

ное время и на скрытых подступах к району его размещения — нарядом дозорных из состава свободной смены⁷. Допуск на узлы связи был ограничен и осуществлялся по специальным пропускам. В аппаратные могли входить только лица, имеющие право ведения переговоров, по списку, утвержденному начальником штаба фронта (армии).

В ходе войны задачи по охране и обороне УС усложнялись. Так, в условиях высоких темпов наступательных операций заключительного этапа войны, когда в тылу наших войск оставались разбитые части противника, националистические банды, возникала необходимость усиливать оборону узлов связи стрелковыми, а иногда и танковыми подразделениями. Например, во 2-м Белорусском фронте в соответствии с распоряжением штаба от 30 декабря 1944 года каждой группе передатчиков фронтового радиоузла выделялось отделение автоматчиков⁸, а для охраны и обороны радиоузла 1-го Белорусского фронта была выделена рота танков⁹. Опыт войны показал, что надежная охрана и оборона УС КП фронта (армии) могла быть обеспечена только совместными усилиями личного состава узловых частей и стрелковых (танковых) подразделений,

димостью частого перемещения пунктов управления. Уже в начальный период войны некоторым штабам фронтов приходилось перемещаться один раз в двое суток, а то и каждый день. Например, штаб Юго-Западного фронта, находившийся к 22 июня 1941 года в Тернополе, 3 июля переместился в Проскуров, 4-го — в Житомир, а 5-го — в Святошино. При этом расстояния переходов доходили до 200 км¹². В результате исследования, проведенного автором¹³, установлено, что КП фронта на протяжении одной операции в среднем перемещался 2—3 раза на глубину 80—120 км, а в некоторых случаях число перемещений доходило до 5 и более раз. При этом продолжительность пребывания КП фронта на одном месте составляла 3—5 суток. Командные пункты армий, как правило, перемещались ежедневно на расстояние 40—60 км¹⁴.

Анализ архивных материалов и ряда работ¹⁵ показал, что непрерывность управления войсками могла быть обеспечена только при условии умелой организации перемещения ПУ и их неотъемлемой части — узлов связи. Неорганизованное перемещение УС КП Западного фронта в первых операциях начального периода войны привело к потере управления на продолжительный срок и явилось од-

вделяемых для их усиления.

Перемещение УС во фронтовых (армейских) операциях Великой Отечественной войны определялось порядком перемещения пункта управления фронта (армии).

Перед войной предполагалось, что штабы оперативных объединений, находясь на относительно больших расстояниях от линии фронта¹⁰, будут перемещаться через значительные промежутки времени. Динамичный и маневренный характер войны¹¹ многое изменил. Стремительные темпы развития операции, большая подвижность всех родов войск вызвали необхо-

дой из причин поражения войск фронта¹⁶. Неудовлетворительно было организовано перемещение УС и на других фронтах. В приказании начальника штаба Юго-Западного фронта от 17 октября 1941 года отмечалось: «В обеспечении бесперебойного управления войсками особо важное значение имеет организация перехода штабов в новые районы. Между тем опыт предшествующих операций показывает, что перемещения КП, как правило, совершаются непродуманно, неорганизованно, с потерей связи и управления. Примером тому перемещение 40-й армии 16 октября, которое было организовано крайне плохо, без предварительного оборудования узла связи, в результате чего управление войсками армии было потеряно»¹⁷.

В начале войны УС КП фронта (армии) в основном перемещались одним эшелонном с другими элементами пунктов управления. Такой порядок приводил к длительным перерывам связи. Кроме того, мобильность основных узлов связи фронта (армии) резко снижали низкая укомплектованность узловых частей связи транспортными средствами¹⁸; громоздкость полустационарного оборудования проводных узлов. Такая неподготовленность была вызвана тем, что перед войной все эти вопросы на учениях не отрабатывались.

Практика показала, что в столь сложных условиях непрерывность управления войсками могла быть обеспечена только заблаговременной подготовкой пунктов управления, т.е. заблаговременной подготовкой новых положений узлов. В сентябре 1941 года была издана директива ГУСКА № 23950, в которой отмечалось, что «непродуманная и неподготовленная заранее организация узлов связи на случай перехода КП неизбежно приводит к запаздыванию, излишней нервозности, спешке и всегда влечет за собой перерывы связи»¹⁹.

В соответствии с требованиями этого документа во фронтах и армиях были разработаны планы поэтапного перемещения и поэтапного развертывания узлов связи.

Несмотря на то что каждому фронту (армии) были присущи некоторые особенности в организации перемещения УС, последовательность и содержание проводимых при этом мероприятий у всех были примерно одинаковыми.

Планы поэтапного перемещения и поэтапного развертывания УС непрерывно совершенствовались. На заключительном этапе войны они включали в себя график поэтапного перемеще-

ния и расчет сил и средств связи на его осуществление.

Более благоприятные условия для своевременного перемещения узлов создавались при делении сил и средств узловых частей связи на два «равноценных положения», т.е. при создании двух полевых узлов связи, однако из-за недостатка сил и средств это было осуществимо только во фронтах и армиях, имевших сравнительно небольшой состав (4-й Украинский фронт, 31-я армия и др.)²⁰.

С учетом богатого опыта боевого применения УС КП фронта (армии) на Европейском ТВД было организовано перемещение узлов связи и в Маньчжурской операции. Все фронты располагали силами и средствами для создания двух положений основных УС. Так, УС КП Забайкальского фронта в исходном положении (Матат-Самон) был развернут силами 23 опс и 436 орд, тогда как следующее положение узла (Тамцак-Булак) заблаговременно разворачивалось силами 127 опс и 875 орд²¹. При перемещении КП фронта из Матат-Самона в Тамцак-Булак связи планомерно передавались с одного узла на другой. Передача всех основных связей со старого узла на новый осуществлялась между приемом двух боевых донесений, которые поступали в штабы фронтов и армий соответственно через 4 и 2—3 ч²².

Существенным недостатком в организации перемещения узлов в первом периоде Великой Отечественной войны следует считать тот факт, что некоторые командиры и начальники ставили задачу на перемещение УС без учета реальных возможностей и времени. Если, например, для развертывания УС КП фронта требовалось 2—3 суток, то нередко начальникам связи для выполнения этой задачи предоставлялось лишь несколько часов. Такое ограничение во времени чаще всего объяснялось не оперативной обстановкой, а невниманием со стороны некоторых командиров к вопросам организации связи. Директива Генерального штаба № 153281 от 5 марта 1942 года, в которой отмечались указанные недостатки, напомнила начальникам штабов об их ответственности за своевременную организацию связи²³.

Способы организации перемещения узлов связи постепенно совершенствовались, и время, необходимое для развертывания и свертывания узлов, сокращалось. Если к концу первого периода войны на развертывание УС КП фронта требовалось 2—3 суток, а для УС КП армии — 1—2 суток, то

**Приемно-манипуляционная аппаратура радиоузла
1-го Белорусского фронта
1945 г.**

на заключительном этапе это время соответственно составляло 1—1,5 суток и 12—18 ч.

Мобильность узлов связи в годы войны повышалась за счет:

улучшения тактико-технических и эксплуатационных характеристик аппаратуры связи (стационарная аппаратура, которой комплектовались узловые части связи, подвергалась различным доработкам, направленным на то, чтобы лучше приспособить ее к полевым условиям, к удобству развертывания, свертывания и транспортировки)²⁴;

создания специальных монтажных команд (на УС КП фронта, например, такая команда состояла из 15—20 человек, после развертывания узла команды могли сокращаться до 6—8 человек и выполнять роль внутриузловых команд)²⁵; целесообразного перераспределения личного состава на период развертывания (свертывания) УС²⁶;

развития организационно-штатной структуры узловых частей связи;

заблаговременной разведки средств связи на территории противника с последующим их использованием в интересах УС КП фронта (армии), для чего во фронтах и армиях создавались специальные разведывательные группы; усиления некоторых фронтов, имеющих большой состав, дополнительным комплектом узловых частей связи²⁷.

С целью повышения мобильности радиоузлов в условиях снежных заносов широко практикова-

лось переоборудование автомобильных радиостанций на санный транспорт. В некоторых объединениях для улучшения проходимости автомобилей к их передним колесам прикреплялись лыжи, а на задние надевались гусеницы. В некоторых случаях ящичные (контейнерные) варианты радиостанций были более удобны в транспортировке, чем автомобильные. Так, при выдвижении оперативной группы генерала В.Я. Колпакич в район г. Белого (зимой 1942 г.) две автомобильные радиостанции пришлось заменить на ящичный вариант и для их перевозки использовать сани. В условиях распутицы и бездорожья, а также для перемещения УС на большие расстояния могли использоваться автомобильные средства. Например, при перемещении УС КП 8-й ударной армии, а также УС КП Забайкальского фронта использовались самолеты связи²⁸.

Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны были разработаны и применялись в основном два способа перемещения УС КП фронта (армии): пошелонное перемещение с поэтапным развертыванием; деление узловых сил и средств на два равноценных полевых узла и заблаговременное развертывание УС в новом районе.

Опыт войны показал, что второй способ перемещения УС имел ряд важных преимуществ: готовность УС по отношению к органам управления была упреждающей, связь от КП всегда обеспечивалась в полном объеме; создавался резерв времени для узловых подразделе-

ний при их перемещении. С учетом этих преимуществ разрабатывалась организационно-штатная структура и тактика боевого применения узловых частей связи после войны (конец 1940 — 1950-х гг.).

Говоря о мобильности средств связи, надо отметить факты создания подвижных проводных узлов²⁹, что вызывалось стремительностью наступательных операций в третьем периоде войны и ее заключительной фазе. Высокие подвижность и маневренность войск влекли за собой и частую смену пунктов управления, ставили перед командованием и штабами более сложные задачи по обеспечению непрерывности управления. Так, если в наступательных операциях второго периода войны КП фронта перемещались 1—2 раза³⁰, то в третьем — 3—5 раз. Например, командный пункт 3-го Белорусского фронта в ходе Белорусской операции переместился 5 раз³¹.

Первый подвижный проводной узел связи был смонтирован на Ленинградском фронте еще в декабре 1941 года. Размещался он на семи автомашинах и включал в себя 10 комплектов аппаратов Бодо и 20 аппаратов СТ-35. Кроме того, в составе узла имелись телефонная станция на 200 номеров и радиобюро на 5 приемников³².

Во втором периоде войны продолжалось накопление опыта по созданию таких узлов. Летом 1943 года под Курском силами 66 опс Центрального фронта был создан подвижный проводной узел связи в составе 16 специальных машин³³. В июне этого же года силами 92 опс 31-й армии было оборудовано два подвижных армейских узла — один для КП, другой для ВПУ³⁴. К концу 1944 года почти во всех фронтах и армиях имелось по крайней мере одно положение УС КП, оборудованное на автомобильной базе, а в некоторых объединениях были созданы подвижные узлы и на два положения. Это были по тому времени совершенные в организационном и в техническом отношении узлы связи, способные развертываться и свертываться в относительно короткие сроки. Например, УС КП 31А развертывался за 1,5—2 ч.³⁵

Состав подвижных проводных узлов во всех фронтах и армиях был разным, однако некоторые основные элементы создавались почти во всех вариантах их комплектации. Как правило, в первую очередь на автомашины переводились кросс, аккумуляторно-генераторные и ЦТС.

Неуклонный рост технической оснащенности частей связи позволил к концу войны создать до-

вольно мощные, вполне отвечающие требованиям управления войсками подвижные узлы. Например, в Маньчжурской операции они применялись во всех фронтах и армиях. При этом в составе проводного узла УС КП фронта насчитывалось до 20, а УС КП армии — 5—6 специальных машин³⁶.

Тактика боевого применения подвижных проводных узлов связи фронта (армии) сводилась к следующему:

в тех случаях, когда имелся всего один комплект подвижного узла связи, он при перемещении пунктов управления выдвигался вперед и задействовался до тех пор, пока на смену ему не оборудовался полустационарный узел, после этого подвижный УС свертывался и подготавливался для выдвигания в новый район;

при наличии двух комплектов в ходе операции один из них выдвигался в новый район и обеспечивал связь вплоть до очередного перемещения пункта управления;

для развертывания узла связи в последующем районе использовался второй комплект подвижного узла. На развертывание подвижного УС КП фронта затрачивалось не более 5 ч, а УС КП армии — 3 ч, т.е. в 6—7 раз меньше, чем на развертывание полустационарных узлов³⁷. Поэтому создание подвижных проводных узлов значительно улучшило условия обеспечения связи при частых перемещениях пунктов управления и явилось качественно новым скачком в развитии полевых узлов связи.

Таким образом, узлы связи в годы минувшей войны занимали в системе связи фронта (армии) важнейшее место. При этом опыт начального периода войны показал, что роль и место полевых УС фронта и армии руководством Красной армии недооценивались, в то же время преувеличивались возможности общегосударственной сети связи, в частности ВОУ, что приводило к случаям катастрофической потери связи с рядом фронтовых и армейских объединений. Когда же связь стала устойчивой и мобильной, это сразу положительным образом сказалось и на результатах боевых операций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 48. Оп. 481. Д. 1. Л. 7.

² Архивные материалы (связь в начальном периоде войны). Л.: Военная академия связи (ВАС), 1957. С. 23.

³ ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 70. Л. 14—41.

⁴ Там же. Ф. 233. Оп. 2372. Д. 1. Л. 31.

⁵ Узлы связи штабов фронта и армии. Сб. УИОВ ГШ № 3. М., 1942. С. 29—42; Воен.-истор. журнал. 1978. № 1. С. 28—38.

⁶ Военные связисты в дни войны и мира. М., 1968. С. 37.

⁷ Проводные узлы связи фронта и армии: Информационный бюллетень штаба войск связи Сухопутных войск. № 9. М., 1976. С. 58.

⁸ Жарский А.П. и др. Сборник руководящих документов по управлению и связи в годы Великой Отечественной войны. Л.: ВАС, 1984. С. 150.

⁹ Там же.

¹⁰ Товстуха П.П., Португальский Ф.М. Управление войсками в наступлении (по опыту Великой Отечественной войны), М., 1981. С. 222.

¹¹ См.: Архивные материалы ВАС, док. № 363.

¹² Связь в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Ставка — фронт). Л.: ВАС, 1961. С. 43.

¹³ Жарский А.П. Фронтные (армейские) УС по опыту начального периода Великой Отечественной войны. Л.: ВАС, 1984. С. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 277; Булычев И.Т. Управление связью в наступлении. Киев, 1985. С. 75.

¹⁶ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. 10р. Оп. 1. Д. 14.

¹⁷ Жарский А.П. и др. Указ. соч. С. 37.

¹⁸ См.: Архивные материалы (связь в начальном периоде войны).

¹⁹ Жарский А.П. и др. Указ. соч. С. 43.

²⁰ Брежнев И.А. Некоторые вопросы управления и подготовки средств связи 31-й армии к летней наступательной операции 1943 года. Из фондов музея ВАС, док. № 1992; Жарский А.П. и др. Указ. соч. С. 44.

²¹ См.: Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. (Ставка — фронт).

²² ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12169. Д. 70. Л. 23.

²³ Жарский А.П. и др. Указ. соч. С. 143.

²⁴ См.: Гудыренко И.Н. История работы связи Юго-Западного фронта. Л.: ВАС. Ч. 1—3, 1944.

²⁵ Жарский А.П., Зайцев В.П. Фронтные и армейские узлы в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Л.: ВАС, 1985. С. 57.

²⁶ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2372. Д. 1. Л. 17—43.

²⁷ Там же.

²⁸ Военные связисты в дни войны и мира. С. 319.

²⁹ Товстуха П.П., Португальский Ф.М. Указ. соч. С. 222.

³⁰ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., 1962. Т. 1. С. 247.

³¹ Там же.

³² История развития войск связи. М.: Воениздат, 1980. С. 360.

³³ Жарский А.П., Зайцев В.П. Указ. соч. С. 43.

³⁴ Брежнев И.А. Указ. соч. С. 7.

³⁵ Там же.

³⁶ ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12191. Д. 110. Л. 23—27.

³⁷ Архивные материалы (промышленность средств связи). Л.: ВАС, 1957. С. 137.

*Подполковник запаса
А.П. ЖАРСКИЙ*

О ПОТЕРЯХ СРЕДИ ЖЕНЩИН-ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ВОЛЬНОНАЕМНОГО СОСТАВА

Уважаемая редакция!

На страницах вашего журнала не раз обсуждался вопрос о людских потерях во Второй мировой войне. Между тем широко известно, что в любых вооруженных силах всегда имелось и сегодня имеется значительное число вольнонаемного состава, т.е. служащих. Однако в печати, в том числе и в книгах, вышедших в последнее время под общей редакцией известного военного историка кандидата военных наук генерал-полковника в отставке Г.В. Кривошеева, об этом контингенте, в том числе и о его потерях в годы Великой Отечественной войны, практически ничего не говорится, хотя данная категория лиц была довольно значительна, о чем можно судить по некоторым архивным материалам. Так, согласно сведениям о численности и боевом составе войск Степного военного округа (ЦАМО РФ. Ф. 2 Ук. фр. Оп. 2795. Д. 33. Л. 40—60. Форма № 3/ОД) по состоянию на 1 июля 1943 года (Степной фронт с 9 июля того же года) в 5-й гвардейской, 27, 47, 53, 5-й гвардейской танковой и 5-й воздушной армиях состояло по штату 3499 человек вольнонаемного состава. Также в окрестностях частей и учреждениях штатная численность вольнонаемных составляла еще 2260 человек. Итого по войскам СВО — 5759 человек, т.е. 1,2 проц. общего числа военнослужащих округа — 492 652 человека.

Кроме того, при вышеупомянутых армиях имелись так называемые рабочие колонны (так в архивном документе) в количестве 8416 человек, которые, вероятнее всего, относились к Главному управлению оборонных работ (ГУОБР) НКО СССР. В этом случае общее число вольнонаемных могло достигать 14 175 человек, что составляет 2,9 проц. общего числа военнослужащих войск СВО.

С учетом двенадцати фронтовых объединений, имеющих на тот период, внутренних военных округов, центрального аппарата НКО, а также НКВМФ, войск НКВД и пограничных войск можно предположить, что в годы войны в Вооруженных Силах СССР имелось от 100 до 250 тыс. человек вольнонаемного состава. Однако в некоторых трудах эта цифра определяется в 1 млн. человек у каждой противоборствующей стороны, т.е. у СССР и нацистской Германии.

Сколько же всего вольнонаемного состава имелось в РККА и РККФ в годы Великой Отечественной войны? Учены ли потери среди них? К какой категории потерь (военнослужащих или гражданского населения) они относятся?

С уважением,

Н.Ш. ШАХМЕТОВ,
подполковник милиции в отставке
(г. Уфа)

ОТ РЕДАКЦИИ. К нам часто поступают письма читателей с просьбой рассказать о людских потерях среди женщин — военнослужащих Красной армии и лиц вольнонаемного состава во время Великой Отечественной войны. Поэтому ответить на вопросы Н.Ш. Шахметова и других читателей по данной проблеме мы попросили члена редакционного совета «Военно-исторического журнала» консультанта Военно-мемориального центра ВС РФ генерал-полковника в отставке Г.Ф. Кривошеева.

ПРИЗЫВ женщин в Красную армию, Военно-морской флот и в войска НКВД осуществлялся на основании решений Государственного комитета обороны СССР через районные и городские военные комиссариаты по согласованию с центральными и местными партийными и комсомольскими организациями. Годные к военной службе женщины в возрасте от 19 до 30 лет призывались и направлялись в войсковые части и учреждения, а в возрасте до 45 лет — в стационарные тыловые учреждения. Освобождались от призыва в армию, на флот и в войска НКВД женщины, имевшие семьи и беременные, а также работавшие на предприятиях оборонной промышленности, в органах НКВД и НКГБ, на железнодорожном и водном транспорте, студентки высших учебных заведений и техникумов.

В 1943 году в части ПВО направлялись женщины на укомплектование должностей военнослужащих не только обслуживающего состава, но и должностей боевых расчетов (разведчиков, орудийных номеров, номеров зенитных пулеметов, прожекторных станций, постов аэростатного заграждения и др.).

За время Великой Отечественной войны всего на военную службу было призвано 490 235 женщин, из них: в 1941 году — 5594 человека, в 1942-м — 235 025, в 1943-м — 194 695, в 1944-м — 51 306, в 1945-м — 3615 человек.

Из числа призванных направлено: в части ПВО — 177 065 человек, в части связи — 41 886, в части ВВС — 40 209, в женские формирования и школы — 14 460, в автомобильные части — 18 785, на курсы поваров — 28 500, в военно-санитарные части и учреждения — 41 224, в части и учреждения ВМФ — 20 889, в железнодорожные части НКПС — 7500, в части МПВО НКВД — 70 458, в другие (фронтовые, окружные и армейские) части и учреждения Красной армии — 29 259 человек.

Таблица 1
Численность военнослужащих-женщин только в Красной армии (без ВМФ) на 1 января текущего года

Годы	Всего в Красной армии	Из них в действующих фронтах
1943	348 309	239 954
1944	473 040	308 109
1945	463 503	318 980

Состоявшие по списку на 1 января 1945 года военнослужащие-женщины по составу распределялись следующим образом. Офицеров насчитывалось 70 647 человек, сержантов — 113 990, солдат — 276 809, слушателей и курсантов — 2057 человек.

Поскольку в отчетных документах (форма № 8/ОД, приказ НКО № 023 от 4 февраля 1944 г.) потери среди военнослужащих-женщин отдельной строкой не выделялись, число погибших, умерших и пропавших без вести среди них штабами всех инстанций показывалось в графах, соответствующих их воинским званиям, вместе с потерями всего личного состава. Поэтому, к большому сожалению, нам не представилась возможность определить точное число потерь среди этой категории военнослужащих.

Ко второй категории следует отнести тех, кто работал по вольному найму, как женщин, так и мужчин старших возрастов и ограниченно годных к военной службе по состоянию здоровья.

Таблица 2
Численность вольнонаемного состава (мужчин и женщин) на 1 января текущего года

Годы	Всего в Красной армии (без ВМФ)	Из них в действующих фронтах
1943	369 673	157 500
1944	459 198	212 154
1945	512 161	234 759

Так называемый вольнонаемный личный состав использовался в войсках в качестве обслуживающего персонала военно-медицинских, продовольственных (полевых хлебозаводов, пищеблоков), вещевых, банно-прачечных, ремонтных и других учреждений.

В отчетных документах потери вольнонаемного состава отдельной строкой не выделялись (форма № 8/ОД, Приказ НКО № 023 от 4 февраля 1944 г.), число погибших, умерших и пропавших без вести лиц вольнонаемного состава штабами всех инстанций показывалось в графе «рядовые». Поэтому и у нас не было возможности определить точное число потерь среди этой категории лиц.

По донесениям военных округов о количестве врученных военными комиссариатами извещений родственникам на погибших и умерших учтено в числе потерь 94 662 рабочих и служащих вольнонаемного состава. Из них: убито — 42 627 человек; умерло от ран — 10 491; умерло от болезни и в результате происшествий — 5960; пропало без вести — 32 083; умерло в плену — 3501 человек.

Эти данные не следует считать полными, поскольку некоторые военные округа не указали отдельно потери рабочих и служащих, а учли их в графе «рядовые».

Сведения о потерях вольнонаемного личного состава, находившегося в специализированных различных гражданских ведомств (железнодорожного и водного транспорта, связи, здравоохранения, гидрометеослужбы и др.) и в партизанских отрядах, в Генеральный штаб не представлялись.

Все потери этих ведомств вошли в общие людские утраты страны (26,6 млн. человек).

Генерал-полковник в отставке
Г.Ф. КРИВОШЕЕВ

ЧТОБЫ ИМЕТЬ БОЕСПОСОБНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ, НУЖНО УМЕТЬ СЧИТАТЬ И ЭКОНОМНО РАСХОДОВАТЬ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА

Начальник полевой кассы
Госбанка СССР старший
лейтенант В.М. Раев

ОБРУШИВШАЯСЯ на нашу страну в 1941 году агрессия фашистской Германии и ее сателлитов в корне изменила планы и намерения большинства граждан Советского Союза, в том числе и мои — выпускника педагогического факультета Ленинградского финансово-экономического института. Помню митинг, который состоялся у нас 23 или 24 июня. В конце его многие студенты, прежде всего комсомольские активисты, подали заявления о добровольном направлении их на фронт.

В день сдачи последнего государственного экзамена, 30 июня, едва успев получить диплом об окончании вуза, я вместе с другими добровольцами был вызван в Куйбышевский райком комсомола Ленинграда, где нам дали направления на медицинскую комиссию при райвоенкомате. Так началась моя служба в Красной армии. В свою же родную, как говорится, стихию я попал лишь в октябре, получив назначение на должность начальника финансового довольствия управления 180-й стрелковой дивизии (тогда эта должность называлась завдел-казначей) с присвоением офицерского звания техник-интендант 2 ранга. Приняв дела далеко не в идеаль-

Представляя редакции журнала фрагменты своих фронтовых воспоминаний, бывший военный финансист полковник в отставке профессор Вениамин Михайлович Раев, отметивший в сентябре 2004 года свое 84-летие, выразил некоторую озабоченность. Его одолевало сомнение: сумел ли он выполнить поставленную перед собой задачу — осветить деятельность финансовых органов в боевых условиях с помощью памятных эпизодов из личной жизни, не заслонило ли это личное то общее, что так важно для понимания сути финансовой деятельности во фронтовой обстановке. А это общее, по словам Вениамина Михайловича, содержится в простой истине: чтобы иметь боеспособные вооруженные силы, которые в случае нужды одолеют любого врага, помимо подготовки умелых, стойких и преданных бойцов и командиров, помимо наличия современной техники и вооружения нужно уметь считать и экономно расходовать денежные средства. Думается, своей цели В.М. Раев достиг. Впрочем, о том судить читателям.

ном состоянии, особенно в учете, приступил к исполнению новых обязанностей. Не имея подготовки по профилю военного финансиста, на первых порах, конечно, испытывал большие трудности.

Наиболее сложный участок работы — начисление денежного довольствия при значительном его объеме — освоил все же сравнительно быстро. Сложность заключалась в том, что кроме штаба и служб дивизии приходилось финансировать ряд частей и подразделений, не имевших самостоятельного финансового хозяйства (отдельная рота химической защиты, хлебозавод, гурт скота, банно-прачечный отряд). Но ведь я еще был должен обеспечивать учет и отчетность по материальным ценностям, поскольку заведующий делопроизводством-казначей согласно действовавшему тогда порядку числился по штату в административно-хозяйственной части (АХЧ) управления дивизии. А так как я значился вторым офицером в этой части, то мне приходилось также выполнять функции начальника в его отсутствие и по приказанию начальника штаба или командира дивизии принимать, кормить и обмундировывать прибывавшее к определенному времени пополнение (по 100—200 человек).

Вместе с тем в войсках действующей армии финансовая работа

постоянно усложнялась. В связи с тем, что у личного состава во фронтовых условиях накапливались значительные суммы наличных денежных средств, полевые органы Госбанка СССР начали осуществлять вкладные операции и безналичные расчеты. При получении денежного довольствия каждый боец или командир имел возможность часть причитающихся ему денег положить во вклад с последующим оформлением вкладной книжки. Начальник финансового органа воинской части оформлял карточку — лицевой счет в полевом банке с образцом его подписи. Через финансовый орган осуществлялся и перевод денежных средств за счет денежного довольствия.

В конце 1941 года стали выдавать денежные аттестаты семьям командного и начальствующего состава с целью выплаты им части денежного довольствия по месту их жительства через райвоенкоматы. Последние, получив означенную сумму, высылали по адресу финансового органа воинской части подтверждение о принятии аттестата к оплате. После этого и производилось удержание из денежного довольствия военнослужащего той суммы, на которую был выписан аттестат.

Для командного и начальствующего состава нашей дивизии этот вопрос имел особое значение. До

начала войны 180-я стрелковая дивизия дислоцировалась на территории Эстонии. По известным причинам организовать плановую эвакуацию семей военнослужащих не удалось, а с теми, кто сумел уехать, связь оказалась потерянной. В этих случаях оформленные на лиц командного и начальствующего состава аттестаты направлялись в Финансовое управление Красной армии, где имелась соответствующая картотека учета и принимались меры по розыску семей через районные и городские военкоматы. Были случаи, когда через денежный аттестат находились адреса потерянных семей. Тогда мы получали благодарности офицеров, нам присылали письма с признательностью и члены их семей.

Командование дивизии, несмотря на занятость боевыми действиями, уделяло большое внимание финансовым вопросам и особенно выплате денежного довольствия личному составу. Вспоминается один случай. Комиссару соединения полковому комиссару В.В. Бабицкому при посещении им отдельной химроты была заявлена жалоба о задержке выплаты денежного довольствия рядовому и сержантскому составу. Винаватым в первую очередь нужно было считать командира подразделения, который своевременно не представил раздаточную ведомость. Я же, зная о том, начальству не доложил, не решаясь обращаться к нему по такому, как мне казалось, незначительному вопросу. После этого мне было сделано соответствующее внушение. Смысл его состоял в том, что я, видимо, не вполне понимаю своей роли финансиста и сути своего влияния на политико-моральное состояние бойцов при своевременном обеспечении их денежным довольствием. Так мне внушал комиссар, а потом к нему присоединился еще и командир дивизии полковник И.И. Миссан, «кабинет» которого находился в той же землянке, что и «кабинет» комиссара, но только отгороженный плащ-палаткой. Они приказали мне докладывать о любых фактах нарушения финансовой дисциплины, а также по другим финансовым вопросам, если возникнет необходимость их личного вмешательства. Этот разговор я накрепко запомнил и сделал на будущее самые серьезные выводы.

К концу декабря 1941 года в район дислокации 180 сд прибыло много свежих войск: готовилась фронтальная операция Северо-Западного фронта по окружению в районе Демянска 16-й немецкой армии. Получив более узкий участок фронта, наша дивизия проводила оборону противника. Взаи-

модействуя с другими соединениями, она успешно выполнила поставленную задачу и, отмеченная высшим командованием, стала именоваться 28-й гвардейской, в связи с чем резко повысилось и денежное довольствие: командирам и начальствующему составу — на 25 проц., сержантскому — на 50, рядовому — в двойном размере.

В ходе успешных боев появилась еще одна функция финоргана управления дивизии — сбор и сдача в полевую кассу Госбанка СССР трофейных денег и ценностей. Надо сказать, что разведывательные органы штаба дивизии и полков, истребительный отряд и разведроты сдавали их в значительном количестве. По трофейным ценностям можно было проследить путь немецко-фашистской «грабь-армии». Какая только валюта ни попадала в наши руки! Здесь были французские франки и голландские гульден, югославские динары и греческие драхмы. И очень много, целыми пачками, оккупационные марки, обращавшиеся лишь на оккупированной территории СССР; встречались, конечно, и немецкие имперские марки, имевшие хождение на территории самой Германии. Согласно специальной инструкции трофейные ценности сдавались в полевые учреждения Госбанка через финансовые органы воинских частей.

В мае 1942 года произошли существенные изменения в деятельности финансовой службы частей и соединений действующей армии в сторону улучшения выплаты денежного довольствия. Прежде всего это связано с введением для командного и начальствующего состава расчетной книжки вместо денежного аттестата, который выдавался военнослужащим при их убытии из части. Во фронтовых условиях такой аттестат получить было сложно, а в ряде случаев — невозможно, например при эвакуации после ранения. Расчетная же книжка постоянно находилась у офицера и предъявлялась начальнику финансового органа при получении денежного довольствия. Последний отрезал имеющийся в книжке талон на определенный месяц года и возвращал книжку военнослужащему. Указанный талон оставался в качестве документа, подтверждающего факт выплаты денежного довольствия.

В августе 1942 года неожиданно закончилась моя служба в 28-й гвардейской стрелковой дивизии. После того как командиру дивизии поступила соответствующая телеграмма из отдела кадров 11-й армии, меня откомандировали в распоряжение полевого отделения Госбанка СССР № 170.

Около недели я трудился в самом полевом отделении, главным образом по оформлению вкладных книжек, под началом майора интендантской службы А.Ф. Петрова. Это занятие было неинтересным и монотонным. Поэтому я обратился по команде с просьбой дать мне самостоятельный участок работы. Петров согласился и предложил мне место начальника полевой кассы № 1729 при 127-й отдельной стрелковой бригаде. Свою работу в этой должности я начал с изучения законодательной и нормативной базы, регулировавшей деятельность полевых учреждений Госбанка СССР, которые стали формироваться с началом Великой Отечественной войны для кассово-расчетного обслуживания войск действующей армии. Мне пришлось подробно изучить утвержденное Правительством СССР и вышедшее в свет в ноябре 1941 года «Положение о вкладных операциях полевых учреждений Госбанка СССР» и другие руководящие документы. Так, в ноябре 1941 года в войска действующей армии поступила директива Главного политического управления Красной армии, обязывавшая политорганы фронтов и армий усилить разъяснительную работу по привлечению вкладов и развитию безналичных расчетов, а военный совет Северо-Западного фронта издал приказ «О привлечении вкладов военнослужащих в полевые органы Госбанка СССР».

На первом же совещании в полевом отделении, где я присутствовал, нашу полевую кассу критиковали за слабую работу по привлечению вкладов военнослужащих. Одной из причин такого неудовлетворительного положения была позиция начальника финансового отделения бригады, который не требовал развития столь важной работы от начальников финансовых органов частей, считал это дело второстепенным, не входившим в их обязанности. Он относился к такому типу служаков, которые не хотят ничего нового в работе.

Личный состав нашей полевой кассы решил взять инициативу в свои руки. Эффективным оказался изобретенный нами способ привлечения вкладов: соответствующую работу стали проводить непосредственно в частях и подразделениях бригады. Например, я и кассир Сагиров, захватив с собой бланки вкладных книжек, кодовую таблицу и гербовую печать кассы, отправились в один из дней в отдельный батальон. Представившись командиру части, мы доложили ему о цели нашего приезда и попросили помощи в ре-

**Выпускники педагогического
факультета Ленинградского
финансово-экономического
института (В.М. Раев
крайний слева во втором ряду)
1941 г.**

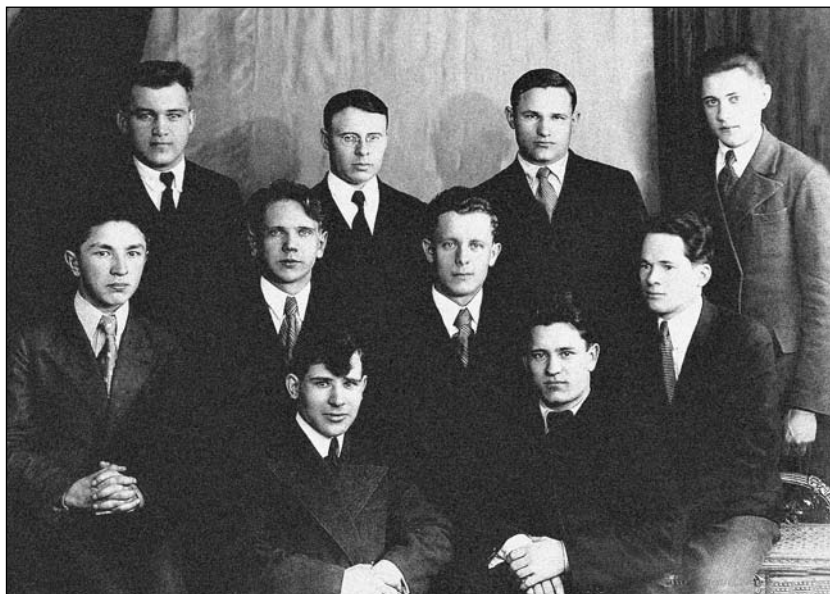
шении нашей задачи. Комбат нас поддержал, сообщив, что у личного состава накопилось много наличных денег, которые в данный момент не нужны. Кроме того, он дал указание своему заместителю по политической части не только оказать нам конкретную помощь, но и включиться вместе с нами в эту работу.

Оформив значительное количество вкладов в штабе батальона, мы вместе с замполитом побывали и в подразделениях. Путь к ним пролегал под обстрелом противника, поэтому некоторые участки пришлось преодолевать ползком.

Наши «походы» сопровождались разъяснительной работой об условиях и преимуществах вкладных операций. К ним относились: сохранность и тайна вклада; получение дохода исходя из 3 проц. годовых от суммы вклада; по вкладной книжке, оформленной полевым учреждением Госбанка, ее владелец мог получать деньги в любом полевом учреждении или сберегательной кассе на территории СССР; вкладчик мог завещать свой вклад, что на войне имело немаловажное значение, ибо никто не был застрахован от гибели или ранения.

В течение всего 1942 года, поскольку противник имел большое преимущество в авиации, наши части и подразделения часто подвергались воздушному нападению. Так, 11 ноября при передислокации тыловых подразделений бригады мы попали под бомбежку, во время которой я был тяжело ранен и отправлен в госпиталь с диагнозом: «Ушибленная рана правой височной области. Сотрясение головного мозга». Только месяц спустя я вернулся к исполнению своих служебных обязанностей.

Между тем инициативная деятельность нашей полевой кассы, приведшая к значительному росту сумм вкладов, получила одобрение и поддержку. В конце 1942 года в связи с переводом бригады в другую армию мы перешли в подчинение полевого отделения Госбанка СССР, начальником которого был майор интендантской службы Г.В. Кузькин. На совещании начальников полевых касс он поставил наш коллектив в пример. Наша инициатива имела еще одно положительное последствие — активизировалась работа в том же

направлении и всей финансовой службы бригады. Этому, можно сказать, способствовало случайное стечение обстоятельств. Начальник финансового отделения бригады получил краткосрочный отпуск по семейным обстоятельствам, и я по указанию командира стал временно исполнять его обязанностей. Воспользовавшись этим, я провел специальное совещание с начальниками финансовых органов частей бригады, где подробно информировал их о значении и сущности вкладных операций за счет выплачиваемого офицерскому составу денежного довольствия. Старший бухгалтер кассы А.Ф. Ярошевский проинструктировал их о порядке операций на оформлении лицевых счетов вкладчиков с их подписями.

Для передачи опыта работы по развитию вкладных операций и безличных расчетов я был командирован в прибывшую на фронт лыжную бригаду. Командование бригады разрешило провести совещание с финансовыми работниками. Беседовал я и с начальником политотдела, который обещал поддержку в деле привлечения вкладов.

В начале марта 1943 года я был вызван в полевое отделение Госбанка СССР. Начальник отделения майор Г. Кузькин предложил мне должность начальника полевой кассы Госбанка № 1173 при 15-й артиллерийской дивизии прорыва Главкомандования. Он мотивировал необходимость моего перевода тем, что дивизия только что прибыла с места формирования и ведет боевые действия впервые. Полевая касса Госбанка при дивизии еще не работает в полной мере, хотя объем работы будет значительно большим, чем в бригаде. «Вы же, — сказал майор

Кузькин, — зарекомендовали себя инициативным офицером с хорошими организаторскими способностями. Думаю, что за короткий срок наладите нормальную работу полевой кассы». Я согласился принять новую должность, но, как оказалось, на короткое время. Едва освоившись с ней, получил еще более ответственное назначение — стал начальником финансового отделения дивизии.

Служба в этом качестве была весьма сложной и ответственной. 15-я артиллерийская дивизия представляла собой мощное соединение. В ее составе были три артиллерийские бригады по три полка каждая, две отдельные бригады артиллерии большой мощности, части обслуживания. Всего в финансовом отделении дивизии значилось 14 лицевых счетов частей, имевших самостоятельное финансовое хозяйство. Образно говоря, соединение по своей боевой мощи полностью соответствовало распространенному тогда выражению: «Артиллерия — бог войны». Однако работа по финансированию и материальному обеспечению при имевшейся структуре была сопряжена с большими трудностями. Материальное и финансовое довольствие в дивизии производилось через полки, а командиры бригад выполняли лишь боевые управленческие функции. Предпринимались попытки командовать и финансистами, но командир дивизии этого не допускал, принимая соответствующие меры по моим докладам.

Не имея опыта работы в довольствующем финансовом органе, я не сразу сориентировался, что же в ней главное. При очередной поездке в финансовый отдел Брянского фронта я обратился за помощью к заместителю начальника

Удостовере- ние к памят- ному знаку «Политбоек Ленинграда»

**Личный
состав
полевой
кассы
Госбанка
СССР (В.М.
Раев второй
справа)
1942 г.**

отдела подполковнику Ф.К. Савчуку. «Главное в нашем деле, — сказал он, — контрольно-ревизионная работа. При этом следует самому лично проводить часть ревизий и проверок, не перепоручать их помощнику». Этому совету я и следовал.

Как выяснилось, большинство частей дивизии не ревизовалось со дня их прибытия из мест формирования. Узнав об этом, подполковник Савчук рекомендовал немедленно провести ревизии во всех подчиненных частях. Чтобы успешно выполнить эту объемную работу, а также активизировать финансовую деятельность на других участках, я попросил командование заменить моего прежнего помощника, назначив вместо него более опытного офицера — начальника финансового довольствия полка старшего лейтенанта В.М. Михайлова. Затем тщательно продумал и составил план контрольно-ревизионной работы, утвердив его у командира дивизии. Обстановка для проведения ревизии была благоприятной, так как наши части в этот период еще не вели боевых действий, готовясь к предстоящим операциям в составе Брянского фронта.

В течение месяца были проведены ревизии финансово-хозяйственной деятельности почти во всех полках, отдельных бригадах, в результате чего выявилось много, причем на довольно крупные суммы, финансовых нарушений. Был подготовлен соответствующий приказ комдива, в котором отмечались наиболее часто встречавшиеся нарушения финансового законодательства и нормативных актов с упоминанием конкретных виновников. Всех их, в том числе и нескольких командиров бригад и полков, привлекли к материальной ответственности. Этот приказ повысил авторитет финансовой службы и помог нам в дальнейшей работе.

Несмотря на то что дивизия принимала участие в боях на различных фронтах, часто меняла свою дислокацию, нам удавалось

поддерживать четкую последовательность и ритм работы финансового отделения, полевой кассы Госбанка СССР и начальников финансовых органов частей.

Финансовая деятельность, как и всякая другая, имеет определенные этапы. Начинаясь она с финансового планирования, которое было тогда ежемесячным. Особенность состояла в том, что примерно 95 проц. ассигнований в дивизии направлялись на выплаты денежного довольствия. В связи с этим части представляли в финансовое отделение дивизии два основных документа: отчет-заявку по фонду денежного довольствия и месячную заявку по прочим статьям сметы расходов Наркомата обороны СССР. Такие же, но сводные плановые документы представлялись финансовым отделением дивизии довольствующему органу фронта или армии. Следует подчеркнуть, что в ассигнованиях на выплату денежного довольствия военнослужащим отказа (недофинансирования) не было.

Особо стоит отметить выплату одного из видов денежного довольствия — полевых денег. Право на их получение возникало только при условии нахождения дивизии на фронте в пределах черты армейского тыла. Во фронтовом тылу они уже не выплачивались. За этим надо было строго следить.

Несмотря на ведение боевых действий, а наша дивизия как соединение прорыва РВГК почти всегда находилась на главных направлениях фронтов и армий, денежное довольствие выплачивалось в установленные сроки и обязательно с привлечением денежных средств личного состава во вклады и безналичные расчеты. Для решения этой задачи начальники финансового довольствия частей должны были обязательно бывать непосредственно в боевых порядках, в дивизионах и на батареях. А это было не всегда просто и опасно. Так, двое из финансовых работников во время выплаты денежного довольствия

личному составу в боевых условиях получили серьезные ранения.

Хотелось бы сказать добрые слова в адрес старшин рот и батарей. Они выплачивали денежное довольствие рядовому и сержантскому составу, получая под отчет необходимые суммы денег от начальников финансовых органов частей, а потом представляли раздаточные ведомости, оформленные установленным образом.

В годы Великой Отечественной войны постановлением Государственного комитета обороны и приказом народного комиссара обороны СССР вводились премии, стимулировавшие боевую деятельность личного состава (за сбитые самолеты и подбитые танки противника и др.). В условиях нашей дивизии важную задачу составляли сбор и сдача стреляных гильз. Система денежных премий была установлена приказом НКО СССР в мае 1942 года. В 1941—1942 гг. наши войска испытывали острый недостаток в артиллерийских снарядах. Для изготовления гильз использовалась латунь — сплав таких ценных металлов, как медь и цинк. Отступление наших войск привело к тому, что гильзы не возвращались, а это сдерживало производство снарядов. Поэтому главное командование Красной армии ввело материальное стимулирование личного состава за сбор и сдачу стреляных гильз. Указанная премия в расчете на одну гильзу в зависимости от ее калибра составляла: 37- и 45-мм — 5 рублей, 75- и 85-мм — 10 рублей, 107-, 122- и 152-мм (пушечная) — 12 рублей.

При сдаче гильз органами артиллерийского снабжения оформлялись соответствующие документы, которые потом предъявлялись отделам или управлениям

артснабжения армии или фронта. Последние определяли нам асигнования на выплату премий за счет статьи расходов «Содержание артиллерийского имущества». На основании этого и назначались бюджетные суммы для выплаты премий.

Приказом командира дивизии премии распределялись по частям пропорционально сведениям начальника артиллерийского снабжения дивизии о количестве сданных гильз по калибрам. Размер премии офицерам не мог превышать месячный оклад денежного содержания. Премии могли выплачиваться лишь военнослужащим, принимавшим непосредственное участие в организации этого дела, сборе и сдаче гильз. Сбор и сдача стреляных гильз имели не только боевой, но и экономический эффект. По данным Главного артиллерийского управления НКО СССР, сумма выплаченных премий составила лишь 16 проц. стоимости сданных стреляных гильз.

Участие финансового отделения в организации работы по выплате указанных премий не только добавляло нам хлопот, но и повышало наш авторитет среди командиров частей дивизии.

Вполне естественно, что выплаты премий за подбитые и сожженные танки противника по их количеству и суммам были небольшими. Однако надо было проявлять необходимую оперативность в оформлении и выплате этих премий, чтобы они оправдывали свое назначение. С другой стороны, следовало проявлять и осторожность, чтобы не сделать за один и тот же уничтоженный танк несколько выплат. По указанию командира дивизии был установлен порядок, при котором выплата премии производилась при подтверждении штабом дивизии реальности донесения командира части.

Важной отраслью работы финансового отделения дивизии являлся систематический финансовый контроль. Основной формой контроля в период войны оставалась ревизия финансово-хозяйственной деятельности воинских частей. Согласно Положению о финансовом контроле в Красной армии, введенному в действие накануне войны, было предусмотрено, что части, входившие в состав соединений (дивизия, бригада), должны были ревизоваться ежеквартально; части, финансировавшиеся финансовыми отделами войсковых объединений (армия, фронт), — один раз в год. В условиях подвижности частей, входивших в состав нашей дивизии, ревизии проводить ежеквартально

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Всего:	180,2	177,0	165,0	204,4	268,7	302,1
Доходы:	157,3	153,4	126,1	146,9	193,3	236,9
Расходы:	11,5	12,1	23,6	32,0	43,8	36,1
Всего:	174,4	191,4	182,8	210,4	298,6	314,4
Доходы:	56,8	83,0	108,4	125,0	150,0	150,0
Расходы:	32,6	43,4	59,3	70,0	80,0	80,0
Всего:	58,3	51,7	31,6	40,9	31,6	31,6
Всего:	5,8	14,4	14,4	14,4	14,4	14,4

Полковник В.М. Раев во время чтения лекции о развитии финансов Вооруженных Сил СССР в годы Великой Отечественной войны 1963 г.

было трудно. Но мы с моим помощником Михайловым (к тому времени уже капитаном) в целом с этой задачей справлялись. Части дивизии, как правило, ревизовались ежеквартально.

Однако практика финансирования войск в условиях боевых действий потребовала введения новых форм контроля. Так, по инициативе довольствующих финансовых органов ряда фронтов и армий стала практиковаться предварительная проверка раздаточных ведомостей до выплаты денежного довольствия личному составу. Эта инициатива была поддержана Финансовым управлением Красной армии, по указанию которого эта форма предварительного контроля с марта 1942 года стала обязательной и полностью себя оправдала. Она позволяла предотвращать переплаты и недоплаты денежного довольствия, выдавать частям реальные суммы денежных средств для его выплаты, а также обучать финансовых работников правильному его начислению.

Путем указанной предварительной проверки удавалось предотвращать выплаты сверхштатным и прикомандированным к штабам, а иногда и к частям. Выявлялись случаи начисления и выплаты им денежного довольствия, что являлось незаконным расходом. Предварительный финансовый контроль не ограничивался проверкой раздаточных ведомостей на выплату денежного довольствия. Проверялись также заявки частей на денежные средства на предстоящий месяц.

Кроме того, существовал контроль, который в современных условиях именуется текущим. Он выражался в следующем: начальник финансового довольствия части, прибывая в финансовое отделение дивизии для получения наличных денежных средств и совершения безналичных расчетов, должен был представить контрольную книжку, денежный журнал с проведенными по нему расходными операциями и с отражением остатков денежных средств в кассе части, проверенные и не проверенные раздаточные ведомости. Встречались срочные выплаты денежного довольствия (при убытии из одной части в другую, на излечение по ранению и т.д.).

Проверка и анализ указанных документов и книг учета давали возможность реально уточнить потребность в денежных средствах, в частности путем зачета их остатков.

Выдача денежных средств воинской части выражалась в оформлении денежных и расчетных чеков на имя начальника финансового органа части для получения наличных денег и оформления безналичных расчетов в полевой кассе Госбанка СССР. Последняя в свою очередь делала записи о совершенных операциях по чекам в контрольной книжке части, подтверждая их подписями ответственных лиц и приложением гербовой печати. Контрольная книжка стала выполнять роль денежного аттестата части.

Таким образом, в период войны в действующей армии сложилась система предварительного, текущего и последующего контроля. Классификация финансового контроля по последовательности его проведения является общепризнанной в современных условиях. Она нашла законодательное закрепление в Бюджетном кодексе Российской Федерации. Так что опыт финансовой деятельности, приобретенный в боевой обстановке, оказался востребованным и в мирное время. Не однажды он использовался мною в послевоенные годы во время службы в финансовом отделе Северной группы войск и в Центральном финансовом управлении Министерства обороны СССР, в преподавательской работе на военном факультете при Московском финансовом институте, в научно-исследовательской деятельности по проблемам финансирования Вооруженных сил. Помогает этот бесценный опыт и сейчас.

**Полковник в отставке
В.М. РАЕВ**

«МЫ ПРОШЛИ ЗЕМЕЛЬ НЕМАЛО, МНОГО СТРАН ОСВОБОДИЛИ»

Уважаемая редакция!

Эти строки посвященного предстоящему 60-летию Великой Победы стихотворения всплыли в моей памяти при воспоминании о редкостной даже для военной поры встрече. Состоялась она на освобожденных от фашистов землях Румынии осенью 1944 года после успешно завершившейся Ясско-Кишиневской наступательной операции, в которой принимал участие и наш 130-й гвардейский штурмовой авиационный полк в составе 2-го Украинского фронта. Я же, 22-летний гвардии старшина, был тогда бортехником боевого Ил-2.

И вот, в один из дней временного для нас затишья дежурный по части сообщил мне, что приехал... мой отец! Ушам своим не поверил. Можете себе представить повергнувшую меня в шок новость: где я и где, по моим представлениям, должен находиться мой родитель! Ведь я, досрочный в связи с началом Великой Отечественной выпускник Вольского авиационно-технического училища, попал в Румынию по воле военной судьбы, сюда привели меня фронтовые пути-дороги. А как очутился здесь, за Дунаем, железнодорожник из Туркменистана Сергей Андреевич Макаров, т.е. мой отец?

Тоже, как оказалось, по велению долга и острому желанию бороться с фашистскими оккупантами, очистить от этой нечисти родную и соседние земли. Более того, вместе с отцом ушла добровольно воевать и моя мать, Вера Александровна. Толчком им для этого послужили мои фронтовые письма. Их обоих зачислили в состав 5-й воздушной армии.

Очень радостной получилась у нас встреча с отцом. Но радостно было вдвойне и даже втройне, когда я узнал, что мать тоже находится в Румынии, всего около 100 км от расположения моего полка, и командир мой разрешил мне навестить ее.

Вот так наша семья, освобождая Европу, дошла до Победы.

С.С. МАКАРОВ

(пос. Аннау, Туркменистан)

РУССКИЙ КАЗАК-ОСВОБОДИТЕЛЬ НА ВЕНГЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Я фронтовик, мне уже за восемьдесят. Но несмотря на возраст, по-прежнему стараюсь не отрываться от патриотической и поисковой работы. Большим подспорьем для меня в этом является «Военно-исторический журнал», подшивку которого храню за 15 лет (включительно по 1990 г.), но подписываться на который в настоящее время по материальным соображениям не в состоянии.

Совсем недавно, готовясь к очередной беседе с молодежью, посвященной предстоящему 60-летию со дня Великой Победы, я просматривал июньский номер ВИЖа за 1985 год. Мое внимание привлекла небольшая публикация полковника в отставке Н.В. Савина о том, как в венгерском городе Ньиредьхазе весной 1945 года сооружали памятник в честь солдат и офицеров 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса, погибших при освобождении этого населенного пункта в октябре 1944-го. Авторы проекта прекрасного монумента, представляющего собой величественную бронзовую фигуру конного казака на высоком постаменте, — советский архитектор Е.Е. Григор и венгерский скульптор Пал Пацаи.

Обратил я внимание на эту публикацию не случайно. Ведь вместе с казаками 4-го кавкорпуса прошел по военным дорогам от Северного Кавказа до Праги (Чехословакия) и наш 134-й танковый полк, а совместно с 30-й кавалерийской дивизией этого корпуса он участвовал в освобождении того самого г. Ньиредьхазе в ходе Дебреценской операции. Сколько однополчан получили тогда увечья и сколько их погибло! Так, 23 октября 1944 года был тяжело ранен радист сержант Иван Андреевич Шиш, умерший затем в корпусном госпитале. В тот же день погиб помощник командира взвода разведки старший сержант Самей Закеевич Вафин, на следующий день в 10 км от Ньиредьхазе пал смертью храбрых начальник штаба полка подполковник Алексей Петрович Ивлиев. В последующих боях мы лишились механика-водителя сержанта Александра Ивановича Воронина, разведчика рядового Александра Котова, командира танка младшего лейтенанта Владимира Игнатьевича Трапезникова и многих других. Все они тоже покоятся в венгерской земле, за которую проливали кровь, добывая победу над фашизмом, поработившим пол-Европы. Вечная им память!

Н.Л. ДЕМЕНТЬЕВ,

бывший разведчик-автоматчик 134-го танкового полка
(г. Богучар Воронежской обл.)

Уважаемая редакция!

В ВИЖе № 4 за 2004 год в статье «Падение Прусской цитадели» утверждается, что в боях за г. Хайлигенбайль (Мамоново) 25 марта и за г. Пиллау (Балтийск) 25 апреля 1945 года отличилась 23 тбр. По другим источникам, эта танковая бригада в это время участвовала в боях за Берлин, штурмовала рейхстаг. Хотелось бы этот вопрос уточнить.

С уважением,

полковник в отставке Б.А. МОРОЗОВ

(Саперное Приозерского р-на, Ленинградской обл.)

ОТ РЕДАКЦИИ: За разъяснением мы обратились в Военно-мемориальный центр ВС РФ, сотрудники которого готовили данный материал. Вот что нам ответил руководитель авторского коллектива кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев: «В тексте статьи «Падение Прусской цитадели» допущена неточность. На самом деле в числе войск, освобождавших города Мамоново (Хайлигенбайль) и Балтийск (Пиллау), сражалась 23-я гвардейская танковая бригада (командир гвардии полковник Сергей Андреевич Козиков), а 23 тбр (не гвардейская), входившая в состав 9-го танкового корпуса, действительно принимала участие в штурме Берлина и в то время в районе Кёнигсберга не находилась».

«МЫ ДОЛЖНЫ ДИКТОВАТЬ ПРОТИВНИКУ СПОСОБЫ И ИНТЕНСИВНОСТЬ ВЕДЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ...»

Официальное принятие и эволюция военно-морской стратегии США в 1980—1991 гг.

80-е годы XX века характеризовались в целом благоприятными условиями для дальнейшего развития и официального утверждения военно-морской стратегии США. Так, ряд военно-стратегических концепций, принятых в рамках национальной военной стратегии, закрепили за ВМС одну из ведущих ролей*. По оценке министра обороны К. Уайнбергера, «логическое приложение глобальной стратегии, соединенной с потребностью защищать наши интересы в удаленных частях мира, приводит к явной необходимости в наращивании американской морской мощи... Наша первоочередная задача — установить и поддерживать военно-морское превосходство над любым возможным противником, принимая в расчет его и наших союзников»¹.

ПРОГРАММА военного строительства, изложенная в «Директивных указаниях в области военного строительства на 1984—1988 финансовые годы и вплоть до 90-х годов», предусматривала самые высокие со времен Второй мировой войны темпы наращивания морского могущества США. Эти обстоятельства командование флота умело использовало для завершения комплекса мероприятий по доработке и подготовке к официальному утверждению законодателями военно-морской стратегии.

Разработкой общих вопросов военно-морской стратегии занимался Центр стратегических исследований ВМС с вошедшей в него аналитической группой Ф. Уэста — создателями стратегии ВМС в 1970-х годах («Си Плэн 2000»). Помимо этого к выполнению частных задач подключался ряд исследовательских подразделений, целенаправленно создававшихся по решению командования флота. Так, в январе 1980 года в аппарате штаба ВМС США была учреждена группа долгосрочного планирования под руководством контр-адмирала Ч. Ларсона. Ее задачами являлись оценка ресурсных ограни-

чений, с которыми могут столкнуться ВМС в последующем развитии, и анализ альтернативных стратегий для достижения долгосрочных целей флота. В 1981 году командующий ВМС адмирал Т. Хайуорд, учитывая глобальную направленность новой национальной военной стратегии, своим решением сформировал в военно-морском колледже в Нью-порте группу стратегических исследований, основной целью работы которой стало «осмысление возможных путей одержания победы над СССР в глобальной безъядерной войне»².

Прежний опыт неудачных попыток добиться официального признания военно-морской стратегии поставил командование ВМС перед необходимостью более основательно подходить к проблеме формирования благоприятного мнения о ней в конгрессе и у руководства министерства обороны, а также среди представителей других видов вооруженных сил. Для достижения этого потребовалось ликвидировать ряд противоречий, существовавших между этими ведомствами и военно-морским министерством. В числе основных из них отмечались: несоответствие во взглядах на место военно-морской стратегии в национальной военной стратегии и роль ВМС в реализации требований ее концепций;

отсутствие единого мнения у руководителей министерства обороны и конгрессменов о целесообразности официального принятия военно-морской стратегии; несогласованность и конфронтация с министерствами других видов вооруженных сил в вопросах организации совместных боевых действий.

Кроме того, существовали разногласия среди представителей родов сил флота. Поэтому, по утверждению американского исследователя Дж. Хаттендорфа, при изложении своей позиции ВМС не могли представить единую линию, не ослабленную нерешенными противоречиями и соперничеством сообществ внутри министерства³.

В целях ликвидации выявившихся противоречий руководство флота предпринимало ряд практических действий. Например, формулировки положений, определявших место военно-морской стратегии, подбирались таким образом, чтобы исключить со стороны министерств обороны и других видов вооруженных сил обвинения флота в претензиях на ведущую роль в национальной военной стратегии, как это было в конце 1960-х годов при попытках утверждения «океанской стратегии». В заявлениях по этому поводу командующего ВМС адмирала Д. Уоткинса особо подчеркивалось, что военно-морская стратегия является составной частью (военно-морским компонентом) национальной военной стратегии, неразрывно вписывается в ее контекст, признает исключительную важность союзнических взаимосвязей и взаимодействия с другими видами вооруженных сил. В общих положениях военно-морской стратегии также отмечалось, что она «призвана прямо или косвенно оказывать поддержку операциям

* Подробнее см.: Воен.-истор. журнал. 2003. № 11. С. 40.

на сухопутных театрах военных действий, а ее успех зависит от вклада других видов вооруженных сил США и сил наших союзников»⁴. Анализ ряда документов, разработанных в 1980-е годы, также свидетельствует, что командованием флота проводились конкретные мероприятия по укреплению взаимодействия с ВВС, сухопутными войсками и береговой охраной в вопросах планирования, отработки и практического ведения совместных боевых действий. Так, в этот период был разработан и утвержден целый ряд совместных меморандумов: о соглашении с командованием ВВС и береговой охраны США (сентябрь 1982 г.); о согласовании усилий по использованию самолетов ДРЛО (дальнего радиолокационного обнаружения) «Авакс» и бомбардировщиков В-52 для решения боевых задач в море, планированию потребностей дозаправки самолетов в воздухе, включению ВВС в учения сил флота и о разделе районов обороны побережья в военное время; дополнение к меморандуму о соглашении между сухопутными войсками и ВВС (1984 г.) с указанием возможного вклада ВМС в повышение эффективности объединенных операций и др. Помимо этого были согласованы предварительные планы тактической и стратегической авиационной поддержки морских операций⁵.

В течение 1983 года велась активная работа по совершенствованию военно-морской стратегии в направлении максимального учета интересов родов ВМС и корпуса морской пехоты, согласования и выработки у их командования единого мнения⁶. Результат решения этой задачи был оценен министром ВМС Дж. Леманом, который заявил, что «никогда ранее со времен Теодора Рузвельта командование ВМС и морской пехоты не проявляло столь полного единодушия в отношении всеобъемлющей (военно-морской. — С.Т.) стратегии»⁷.

Тщательно организовывалась подготовка благоприятного для принятия стратегии ВМС общественного мнения и отношения к ней представителей законодательной и исполнительной власти США. Первая открытая публикация положений документа, где были изложены роль военно-морских сил в реализации национальной военной стратегии и основные концепции их примене-

ния, состоялась после подписания в октябре 1982 года согласованного заявления министра ВМС и начальника штаба ВМС о стратегии военно-морских сил⁸. Последующая его доработка проводилась с учетом критических замечаний и предложений, поступавших от военных специалистов. Длительные усилия разработчиков привели к созданию окончательного варианта стратегии, который был подписан адмиралом Д. Уоткинсом в мае 1984 года⁹. Содержание документа, получившего название «Морская стратегия»¹⁰, было вынесено на обсуждение законодателей с целью их подготовки к принятию официального по нему решения. Официальное утверждение военно-морской стратегии состоялось в том же году.

Последующую (1985—1986 гг.) широкую публикацию серии статей в американских газетах и журналах, в которых высокопоставленные флотские руководители знакомили с ключевыми положениями военно-морской стратегии, некоторые российские исследователи в начале 1990-х годов пытались объяснить целью «оказать давление на СССР». На этом основании ими делались спорные, на наш взгляд, выводы о том, что «Морская стратегия» имела в основном декларативный характер, а ее первоочередным предназначением было «сдерживание Советского Союза»¹¹. Еще большие сомнения вызывают попытки отдельных современных авторов охарактеризовать эту стратегию как оборонительную, имевшую цель «показать путь наиболее эффективного использования военно-морских сил Запада, если СССР вынудит его вступить в войну»¹².

Безусловно, одной из целей публичного обсуждения содержания этого документа являлась демонстрация решимости руководства США на случай развязывания военных действий против СССР, что, кстати, вполне соответствовало духу военно-политической «доктрины Рейгана». В то же время анализ содержания «Морской стратегии» и практических шагов по ее реализации не дает оснований считать эту стратегию исключительно декларативной или оборонительной. Это признавал и командующий ВМС адмирал Д. Уоткинс. Объясняя суть одной из функций стратегии — устрашения, он писал: «Рус-

ских или любого другого потенциального агрессора невозможно устрашить пустыми угрозами или риторикой. Для того чтобы устрашение стало действенным, оно должно быть подкреплено наличием боеготовых, обладающих достаточными боевыми возможностями сил и решимостью применить эти силы»¹³.

Как доктринальный документ стратегия ВМС США имела военно-политическое и военно-техническое содержание. В политической области она открыто демонстрировала глобальные устремления США к господству во всех сферах Мирового океана, полному их превосходству в вооруженных конфликтах любой интенсивности с целью устрашения и сдерживания вероятного противника, в качестве которого рассматривались СССР и его союзники. В связи с этим в содержание «Морской стратегии» вошли оценки военно-политической обстановки в мире на то время, характера советской военной стратегии, а также угрозы со стороны ВМФ СССР и стран социалистического содружества. Другим важным военно-политическим аспектом являлись более конкретные и действенные союзнические обязательства США по отношению не только к европейским странам, входившим в блок НАТО, но и к другим партнерам, среди которых особо выделялись Япония и Южная Корея.

Важно отметить, что в отличие от предыдущих вариантов, введенных, как правило, в концептуальном русле, «Морская стратегия» имела структурное содержание. Она состояла из ряда так называемых элементов, в каждом из которых излагались взгляды на те или иные положения, как, например, рассмотренные выше военно-политические аспекты. Главным же ее содержанием являлось изложение взглядов на проблемы, связанные с использованием сил флота в реализации требований общей военной стратегии и стратегии национальной безопасности США. Большое внимание в ней уделялось планам подготовки и применения ВМС в глобальной войне с Советским Союзом. Основной раздел, в котором достаточно подробно освещались эти вопросы, получил название «Ведение боевых действий».

«Морская стратегия», раскрывавшая вклад ВМС США в обеспечение действенности страте-

гии «прямого противоборства», предполагала три этапа ведения военных действий в глобальной войне, названных соответственно «устрашение или переход к боевым действиям», «захват инициативы» и «перенос операций на территорию противника». Каких-либо сроков по их продолжительности не устанавливалось, но давалось описание условий перехода к тому или иному этапу и их возможное содержание.

Считалось, к примеру, что первый этап начнется с момента, когда политическим руководством будет сделан вывод о возможности перерастания конкретной военно-политической обстановки в глобальную конфронтацию сверхдержав. На этом этапе преследовалась цель устрашения противника путем решительного использования военно-морской мощи в глобальных масштабах, проведением операций, основным содержанием которых предполагались мероприятия по наращиванию группировок в передовых районах, массовые перевозки сухопутных войск, развертывание сил американского флота, в том числе в западной части Тихого океана. Последняя из перечисленных мер, по мнению командования флота, должна была способствовать повышению ответственности политики устрашения, в том числе и предотвращению нападения на Европу. Иными словами, она недвусмысленно

показывала, что США готовы действовать на нескольких стратегических театрах.

Даже в случае, если «устрашение» не достигало своей цели, оно, по предположению американского командования, позволяло связать советские силы в Сибири и на Дальнем Востоке. При этом считалось, что активный характер развертывания американских противолодочных сил вынудит советский ВМФ в интересах защиты своих подводных лодок с баллистическими ракетами действовать в оборонительном варианте и лишит его возможности на начальном этапе осуществить массированную операцию по нарушению морских коммуникаций США. Сравнивая эти планы с вариантом военно-морской стратегии конца 1970-х годов, можно отметить, что взаимодействие 7-го флота США на дальневосточном направлении практически повторяло «Си Плэн 2000». Однако в новой военно-морской стратегии в целях оказания давления на Советский Союз Соединенные Штаты планировали использовать силы флота во всех регионах земного шара на более раннем этапе, еще до начала боевых действий на континентальных ТВД. В связи с этим командование ВМС США заявляло, что важнейшим условием достижения успеха на первом этапе и действенности стратегии в целом является быстрота в принятии решения военно-политиче-

ским руководством. Столь категоричную установку оно обосновывало немалым временем для переброски в передовые районы дополнительных сил. Помимо этого заблаговременное принятие решения президентом США на призыв резервистов обеспечивало доукомплектование состава ВМС, предназначенного для ввода в строй кораблей и судов из резерва, обеспечения морских перевозок, осуществления поисково-спасательных операций и других мероприятий.

Второй этап глобальной войны — «захват инициативы», по мнению командования американского флота, имел «жизненно важное значение» в силу нескольких причин. Во-первых, американские ВМС на этом этапе своими действиями намеревались продемонстрировать союзникам решимость США добиться победы и тем самым способствовать «укреплению единства союза». Во-вторых, не без основания считалось, что успех выполнения этой задачи может стать главной предпосылкой окончательного разгрома сил противника. Наконец, командование ВМС США было убеждено, что захват инициативы уже на этом этапе предоставит основание для прямого давления на советскую сторону в интересах прекращения военных действий на выгодных Америке условиях.

Анализ содержания целей и общих задач второго этапа позво-

ХРОНОГРАФ

1 января 1962 года введен в действие Воздушный кодекс СССР. Хотя правовые нормы этого документа не распространялись на ВВС, авиацию ДОСААФ, авиацию и воздухоплавание авиационной промышленности, многие его статьи стали основой при подготовке соответствующих руководств и наставлений.

3 января 1945 года 5-й корпус ПВО получил боевую задачу прикрывать переправы через Вислу в районах городов Магнушева и Казимежа. Для выполнения этой задачи командование корпуса выделило 80 орудий среднего и 90 малого калибра, 81 пулемет ДШК, 60 прожекторных станций и полк истребительной авиации.

6 января 1945 года премьер-министр Англии У. Черчилль обратился к Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР И.В. Сталину с просьбой оказать срочную помощь в связи с наступлением немецких войск в Арденнах. 7 января И.В. Сталин дал ответ премьер-министру Англии с сообщением об открытии в ближайшее время широких наступательных действий на советско-германском фронте.

12 января 1945 года началась Висло-Одерская стратегическая наступательная операция, осуществляемая войсками 1-го Белорусского (Маршал Советского Союза Г.К. Жуков) и 1-го Украинского (Маршал Советского Союза И.С. Конев) фронтов при содействии левого крыла 2-го Белорусского и правого крыла 4-го Украинского фронтов (закончена 3 февраля 1945 г.). Операция имела целью освобождение Польши, разгром основных сил группы армий «Центр» и выход совет-

ских войск на последний естественный рубеж перед Берлином — реки Одер и Нейсе. Одновременно предусматривалось оказание помощи англо-американским войскам, оказавшимся под угрозой полного разгрома на Западном театре военных действий. В ходе операции была освобождена почти вся Польша.

12 января 1945 года в районе Денбю, Фафара, Шидлув впервые в бой с противником вступила 200-я легкая артиллерийская бригада, сформированная в сентябре 1944 года на сандомирском плацдарме в составе 258-го и 380-го легких, а также 504-го пушечного артиллерийских полков. В январе 1945 года она входила в 4-ю танковую армию (преобразована 17 марта 1945 г. в гвардейскую) 1-го Украинского фронта. Соединение участвовало в ряде операций, 19 февраля 1945 года бригада получила почетное наименование Келецкой, а 4 июня 1945-го — Берлинской. 4 апреля 1945 года удостоена гвардейского звания и преобразована в 71-ю гвардейскую легкую артиллерийскую бригаду. Награждена рядом орденов. С начала формирования и до конца войны бригадой командовал полковник И.Н. Козубенко.

13 января 1945 года началась Инстербургско-Кёнигсбергская наступательная операция войск 3-го Белорусского фронта как часть начавшейся в тот же день Восточно-Прусской стратегической операции. Цель ее — разгром тильзитско-инстербургской группировки немецко-фашистских войск. К началу операции войска 3-го Белорусского фронта (39, 5, 28, 2-я гвардейская, 31, 11-я гвардейская армии, 2-й гвардейский и 1-й танковые корпуса, 1-я воздушная армия; командующий фронтом генерал армии И.Д. Черняховский) занимали рубеж от Сударги до Августова, вдаваясь выступом глубиной до 40 км в Восточную Пруссию на гумбинненском

Все даты приведены по новому стилю.

ляет заключить, что они имели ярко выраженный наступательно-агрессивный характер. В самих формулировках содержались выражения типа: «Мы должны диктовать противнику способы и интенсивность ведения действий... добиваться, чтобы Советам стало ясно, что мы не уступим ни одного района... вынудить их пойти на распыление сил, разгромить морскую мощь Советского Союза во всех его аспектах»¹⁴ и т.д. По замыслу авторов «Морской стратегии», в ходе военных действий группировки ВМС США должны были уничтожить силы советского ВМФ в Средиземном море, Индийском океане и других передовых районах. Однако основной целью этого этапа являлось завоевание господства в районах, находящихся в непосредственной близости от территории противника, для чего планировалось прорваться в территориальные воды СССР и разгромить его морскую мощь, включая систему обеспечения, основанную на использовании военно-морских баз¹⁵. При этом предполагалось решить ряд традиционных задач флота: поиск и уничтожение подводных лодок; борьба с авиацией и надводными кораблями; нарушение системы управления; удары по береговым объектам; минная война; специальные операции; морские десантные операции и морские перевозки.

Одним из наиболее сложных аспектов второго этапа счита-

лась противолодочная война. Для воспрепятствования выхода советских подводных лодок в Мировой океан непосредственно у их баз планировалось проведение операций противолодочными подводными лодками. Кроме того, на последующих противолодочных рубежах предполагалось использование базовой патрульной авиации, минных полей, надводных сил и стационарных гидроакустических средств обнаружения.

В борьбе с надводными кораблями решающую роль должны были сыграть авианосные ударные группы, поэтому на данном этапе они не привлекались для действий по конкретным береговым целям. Однако в силу того что в качестве главной угрозы для ударных сил флота США определялись советские самолеты-ракетоносцы, допускалась возможность участия авианосцев в операциях по уничтожению пунктов базирования и управления авиации ВМФ СССР. Важную роль в решении задачи борьбы с надводными кораблями противника на отдельных морских театрах призваны были сыграть союзники США. Например, главным участником кампании на Балтике рассматривались силы флота ФРГ, а на Черном море — Турции.

В решении задач минной войны «Морская стратегия» также предусматривала интеграцию возможностей американского и союзных флотов. В плане реализа-

ции этого пункта командованием ВМС США была развернута активная деятельность по согласованию совместных усилий как в решении задач траления мин, так и в осуществлении наступательных минных постановок. Так, руководство минно-трального командования ВМС США ежегодно посещало до 40 стран для обеспечения интеграции возможностей и организации взаимодействия в планах минной войны.

Приоритетной задачей морских десантных сил на втором этапе войны рассматривался захват плацдармов на побережье, где намечалась высадка сил второго эшелона из состава других видов вооруженных сил США или же войск союзников. Не исключался и вариант рейда по тылам противника экспедиционной бригады морской пехоты.

Целью заключительного этапа глобальной войны — «перенос операций на территорию противника» — военно-морской стратегией определялось завершение уничтожения всех флотов СССР, начатого в ходе второго этапа. При этом задачи флота США по своей сути оставались прежними, однако акцент в данном разделе стратегии делался на активизацию военных действий с переносом усилий на сухопутную часть театров. В этом плане предусматривались действия ВМС по оказанию поддержки воздушным и наземным операциям высадкой крупных морских десан-

направлении. Им противостояли войска 3-й танковой армии и часть войск 4-й армии (всего 15 дивизий) немецко-фашистской группы армий «Центр» (генерал-полковник Г. Рейнхард). Противник имел мощную систему обороны, ряд укрепленных районов, крепость Кёнигсберг). Наступление начала ударная группировка фронта (39, 5, 28-я армии, два танковых корпуса). Низкая облачность и густой туман не позволили использовать авиацию в первый день операции, и вся тяжесть подавления вражеской обороны легла на артиллерию. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. 16 января перешла в наступление 2-я гвардейская армия. В результате 6-дневных боев оборона противника на кёнигсбергском направлении была прорвана. На правом крыле 43-я армия (передана 20 января из 1-го Прибалтийского фронта) совместно с 39-й армией штурмом овладела Тильзитом и 21 января вышла к морю. 20 января в полосе 39-й армии была введена в сражение 11-я гвардейская армия, которая 21 января к исходу дня достигла р. Прегель. 26 января войска фронта подошли к внешнему оборонительному обводу Кёнигсберга, а 31-я армия вышла на рубеж западнее Мазурских озер. В результате операции с 13 по 27 января войска 3-го Белорусского фронта продвинулись на глубину до 130 км и разгромили основные силы 3-й танковой армии противника, создав условия для завершения совместно со 2-м Белорусским фронтом Восточно-Прусской операции.

14 января 1945 года началась Млавско-Эльбингская наступательная операция войск 2-го Белорусского фронта как часть Восточно-Прусской стратегической операции. Цель ее — разгром млавской группировки противника и отсечение группы армий «Центр» от остальных сил немецко-фашистской армии. Войска 2-го Белорусского фронта (50, 49, 3, 48,

2-я ударная, 65-я и 70-я армии, 5-я гвардейская танковая армия, 4-я воздушная армия, 8-й механизированный корпус, 8-й и 1-й гвардейский танковые корпуса, 3-й гвардейский кавалерийский корпус; командующий фронтом Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский) к началу операции занимали рубеж Августовский канал, р. Бобр, р. Нарев, охватывая с юго-востока всю восточно-прусскую группировку противника. Им противостояли войска 2-й армии и часть сил 4-й армии группы армий «Центр», занимавшие долговременную глубокоэшелонированную оборону с тремя оборонительными полосами, двумя укрепленными районами и рядом старинных крепостей. Советские войска превосходили противника более чем в 2,5 раза в людях, артиллерии и авиации и более чем в 4,5 раза в танках и САУ. Наступление началось на млавском направлении, войска главной группировки фронта обошли млавский УР, 19 января овладели Млавой. К этому времени войска левого крыла фронта освободили Модлин. Под угрозой окружения противник в ночь на 22 января стал отходить из района Мазурских озер в северо-западном направлении. 25 января подвижные соединения фронта, обойдя с востока Эльбинг, вышли к морю и перерезали основные сухопутные коммуникации групп армий «Центр». В то же время 50-я армия преодолела район Мазурских озер, 70-я с ходу форсировала Вислу, 26 января соединения 2-й ударной армии заняли Мариенбург. В результате операции было разгромлено около 15 вражеских дивизий, занята часть Восточной Пруссии, освобождена территория около 20 тыс. кв. км Северной Польши, блокирована с запада и юго-запада восточно-пруская группировка противника, созданы благоприятные условия для его последующего разгрома.

16 января 1919 года «верховный правитель российского

тов и воздействием ударных группировок на фланги советских войск. По замыслу разработчиков документа, такие действия должны были способствовать достижению успеха в сражении в Центральной Европе и переносу операций на территорию стран Варшавского договора.

Таким образом, с военной точки зрения основной раздел «Морской стратегии» являлся своего рода генеральным планом стратегического использования военно-морских сил, общей концепцией военных операций на океанских и морских театрах в глобальном масштабе и руководством к детальному планированию боевых действий флота во взаимодействии с другими видами вооруженных сил.

Важнейшими компонентами военно-морской стратегии 1980-х годов являлись положения, определявшие принципы использования сил флота в мирное время и в кризисных ситуациях. Прежде всего это отражало желание руководства флота закрепить за военно-морскими силами ведущую роль среди других видов вооруженных сил в решении задач мирного времени и при использовании силы в конфликтах, не достигающих глобального уровня. Поэтому в качестве дополнительных элементов «Морской стратегии», которые, по мнению авторов, также вносили важный вклад в «действенность устрашения и стабильность», были назва-

ны «присутствие ВМС в условиях мирного времени» и «ответ на кризисы».

При раскрытии содержания первого элемента подчеркивалось, что ВМС США благодаря своему постоянному присутствию во всех регионах планеты в мирное время каждодневно способствуют повышению действенности американской политики устрашения противника. В свою очередь развертывание группировок сил флота в передовых районах, как предполагалось, должно обеспечить доступ США к нефти, другим необходимым ресурсам и рынкам, а также защиту от попыток вероятного противника физически нарушить воздушные и морские коммуникации, имеющие решающее значение для экономики Соединенных Штатов и их союзников.

Вопросы, связанные с решением задачи «ответ на кризисы», в военно-морской стратегии, по признанию командования ВМС, были изложены менее детально, чем раздел, касающийся применения сил флота в глобальном военном конфликте. Тем не менее им придавалось большое значение. В обосновании выбора ВМС в качестве наиболее эффективного инструмента для решения такого рода задач приводились следующие доводы: нахождение в передовых районах и высокие скорости хода кораблей позволяют им быстро прибыть в район кризиса; группировки ВМС

придают устрашению правдоподобность и снижают вероятность запоздалого предупреждения противника о своих намерениях; ВМС постоянно находятся в высоких степенях готовности к участию в военных действиях; военно-морские силы в последнее время значительно чаще проводят операции во взаимодействии с союзниками или другими видами вооруженных сил США; группировка ВМС способна находиться в удаленном районе неопределенно длительное время, при этом ее тыловое снабжение относительно мало зависит от базирования в иностранных портах и получения прав на пролет самолетов над иностранной территорией; ВМС располагают широким диапазоном необходимых для устрашения возможностей: обеспечение присутствия; ведение наблюдения; угроза применения оружия; нанесение ударов с использованием палубной авиации или корабельной артиллерии; высадка морской пехоты; эвакуация гражданских лиц; установление блокады; предотвращение вмешательства со стороны Вооруженных сил СССР или иных государств; в качестве наиболее важного свойства признавалось обладание ВМС «уникальными возможностями для осуществления контролируемой эскалации», так как их группировки могут угрожать или демонстрировать мирные намерения, способны быстро прибыть в район кризиса

ХРОНОГРАФ

государства» адмирал А.В. Колчак заключил соглашение с представителями Антанты о координации действий белогвардейцев и интервентов, согласовании планов своих операций с директивами главного командования Антанты, передаваемыми через французского генерала М. Жанена, который возглавил все войска интервентов к востоку от Байкала. К весне 1919 года число колчаковских войск было доведено до 400 тыс. человек (из них около 30 тыс. офицеров). Согласно договоренностям Колчак стал получать от США, Великобритании, Франции, Японии оружие и боеприпасы. Иностранные поставки сразу же им оплачивались, поскольку в его распоряжении находилась половина золотого запаса России (651,5 млн. рублей). К марту 1919 года за границу было вывезено около 148 т золота. Колчак признал также все иностранные долги России, превышавшие 12 млрд. рублей.

17 января 1945 года войска 1-го Белорусского фронта и входившие в его состав войска 1-й армии Войска Польского освободили столицу Польши Варшаву.

18 января 1943 года соединения 12-го танкового корпуса, действовавшего в составе 3-й танковой армии Воронежского фронта, в ходе Острогжско-Россошанской наступательной операции соединились в районе Карпенково с частями 18-го отдельного стрелкового корпуса, расчленив тем самым окруженную вражескую группировку на две части — острогжскую (5 дивизий) и россошанскую (8 дивизий). В этой операции корпусом командовал генерал-майор танковых войск В.А. Копцов (май 1942 — март 1943 г.).

18 января 1945 года в Лондоне состоялось открытие 1-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

19 января 1975 года был введен в действие 1-й производственный комплекс Чебоксарского завода промышленных тракторов.

23 января 1915 года началась Карпатская наступательная операция русских армий Юго-Западного фронта (генерал от артиллерии Н.И. Иванов) с целью вторжения в Венгрию и вывода Австро-Венгрии из войны. Главная задача возлагалась на 8-ю армию (генерал от кавалерии А.А. Брусилов), 4 корпуса которой, сосредоточившись на участке Дукля—Балигруд, должны были наступать на Гуменне. Германское командование, узнав о подготовке операции, поспешило на помощь союзнику и в свою очередь наметило концентрическое наступление от Карпат на Львов и из Восточной Пруссии на юг с целью разгромить русские армии в Польше. 22—24 января германские и австро-венгерские войска перешли в наступление, нанося удары на Самбор и Стрый. Начавшееся почти одновременно наступление 8-й русской армии сопровождалось встречными боями в сложных горных условиях, в результате чего продвижение было незначительным, на стрыйском направлении русские войска вели упорные оборонительные бои, а на левом крыле фронта даже вынуждены были отходить. Командующий произвел перегруппировку сил, с правого на левое крыло фронта было переброшено несколько корпусов, объединенных во вновь сформированную 9-ю армию под командованием генерала от инфантерии П.А. Лечицкого. Эта армия развернулась от Болехова до румынской границы с задачей атаковать противника, наступавшего на Надворну, Станислав (Ивано-Франковск). (Образованный 1 августа 1914 г. Юго-Западный фронт состоял из 5, 4, 3, 8-й армий. В разное время кроме 9-й армии в состав фронта входили также 7-я, 11-я и Особая армии). В

и так же быстро выйти из него, они в состоянии длительное время находиться на дальности применения своего оружия, не заходя при этом в территориальные воды противника¹⁶.

Отмеченные свойства сил флота не являлись новыми для руководства США, их оно широко использовало во внешней политике и раньше, что наглядно подтверждает анализ применения видов вооруженных сил в конфликтах послевоенного периода¹⁷. Однако, на наш взгляд, столь конкретно о ведущей роли ВМС в решении подобных задач на официальном уровне было заявлено впервые.

После официального одобрения военно-морской стратегии началась практическая отработка изложенных в ней задач. Наряду с учениями сил флота и командно-штабными играми продолжались и теоретические разработки, нацеленные на поиск наиболее эффективных способов применения ВМС. Это вызывалось как необходимостью устранения критических замечаний по содержанию «Морской стратегии», так и ближайшей перспективой принятия на вооружение крылатых ракет морского базирования (КРМБ) «Томагавк». С учетом последнего обстоятельства в 1984 году военно-морской министр совместно с командующим ВМС учредил Научно-исследовательский центр наступательных боевых действий ВМС США¹⁸, в кото-

ром были начаты исследования по оптимальному использованию ударных возможностей американского флота. Это учреждение провело анализ и обобщение ранее достигнутых на учениях ВМС результатов. Итоги его работы нашли отражение в новой трактовке военно-морской стратегии, официально утвержденной в 1986 году и получившей наименование «Передовая морская стратегия». В конце того же года соответствующие ей военно-морские концепции были закреплены в военной стратегии НАТО.

Новая стратегия ВМС США сохранила ориентацию на подготовку сил флота к широкомасштабной обычной войне с Советским Союзом. В то же время в ее содержание были внесены некоторые изменения, отражавшие смещение акцентов на активизацию действия военно-морских сил США в районах, примыкающих к побережью противника. Это обстоятельство, по заявлениям американского командования, и послужило основанием к переименованию военно-морской стратегии.

Новшеством «Передовой морской стратегии» по сравнению с «Морской стратегией» первой половины 1980-х годов стало введение частных концепций применения ВМС, из которых в качестве основополагающих были представлены следующие: «передовых морских рубежей» (в военной стратегии НАТО — «пе-

редовой обороны на море»); «глубокого поражения» или «глубоких ударов» (аналогичная в стратегии НАТО); «географической эскалации» с принципом «гибкого использования сил в операциях».

Анализируя факт возврата ВМС США к концептуальному изложению положений своей стратегии, можно предположить, что в данном случае основной причиной стало стремление их командования в максимальной степени адаптировать «Передовую морскую стратегию» к содержанию соответствующих концепций национальной военной стратегии, еще больше закрепить за военно-морскими силами ведущую роль в реализации каждой из них, а также добиться согласованности с новыми концептуальными положениями применения сухопутных и военно-воздушных сил США и их союзников по НАТО¹⁹.

К примеру, концепция «передовых морских рубежей» предусматривала: создание угрозы Советскому Союзу со всех морских направлений за счет развертывания прежде всего авианосных и ракетных ударных соединений, многоцелевых атомных подводных лодок в передовых морских и океанских районах; блокирование ВМФ СССР в прибрежных водах и воспрепятствование его развертыванию в океанских зонах; разгром основных сил советского флота с началом военных действий в районах, непосредственно примыкающих к террито-

середине марта Ставка изменила план кампании 1915 года, поставив Юго-Западному фронту задачу наступать на Будапешт. Почти весь март в полосе 8-й армии шли непрерывные бои, противник пытался деблокировать крепость Перемышль (Пшемьсль), однако 22 числа после 4-месячной осады русскими войсками австро-венгерский гарнизон крепости капитулировал (120 тыс. человек и свыше 900 орудий). Высвободившиеся войска 11-й армии были распределены между 8-й и 3-й армиями, которым была поставлена задача прорвать оборону в центре австро-венгерских войск и выйти во фланг и тыл противника, действующего против 9-й армии. Однако в ходе нового наступления войска 8-й и 3-й армий сумели продвинуться лишь на 20 км. Кровавопрлитные бои в Карпатах продолжались до 24 апреля. Большие потери, усталость личного состава, весенняя распутица вынудили Н.И. Иванова отказать директиву о закреплении войск на достигнутых рубежах. В результате операции обе стороны не достигли поставленных целей, но она отвлекла значительные силы противника и позволила Англии и Франции активизировать военные действия, в частности на Балканском полуострове.

25 января 1955 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией.

25 января 1958 года в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1957 года, приказом министра обороны СССР учреждена медаль «За безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» 1, 2 и 3-й степени.

26 января 1945 года войска 2-го Белорусского фронта вышли к Эльбингу на берегу Балтийского моря и отсеки восточно-прусскую группировку противника от центральных районов Германии.

27 января 1945 года 1575-й полк малокалиберной зенитной артиллерии (МЗА) в составе пяти дивизионов прибыл в Будапешт для участия в воздушной блокаде окруженной группировки врага. В ночь на 28 января зенитчики полка уничтожили 5 фашистских самолетов. Всего в период боев за Будапешт с 27 января по 7 февраля ими сбито 29 самолетов противника и один планер.

28 января 1945 года войска 1-го Прибалтийского фронта освободили город и порт Клайпеду, завершив освобождение Литвы от немецко-фашистских захватчиков.

29 января 1945 года войска 1-го Белорусского фронта перешли границу Германии западнее и северо-западнее Познани.

В январе 1995 года отдельный десантно-штурмовой батальон отдельной Киркенесской Краснознаменной бригады морской пехоты (СФ) прибыл на территорию Чеченской Республики для участия в наведении конституционного порядка. Морские пехотинцы штурмовали Грозный, уничтожали группы бандитов в районе Шали. За отвагу и мужество более 1200 военнослужащих награждены орденами и медалями, 6 человек удостоены звания Героя Российской Федерации. При исполнении воинского долга 68 морских пехотинцев погибли, 252 получили ранения. С сентября 1999 по июнь 2000 года батальонная тактическая группа морской пехоты выполняла боевые задания в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе. Четверо военнослужащих удостоены звания Героя Российской Федерации (3 посмертно). В расположении бригады установлен памятник морским пехотинцам, павшим в Чечне.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ;
А.В. ОСТРОВСКИМ*

рии СССР, в Норвежском, Баренцевом, Японском и Охотском морях, т. е. до выхода их на рубежи Гренландия — Исландия — Великобритания (на Атлантике) и Алеутские — Курильские — Японские острова (на Тихом океане).

При выполнении этой задачи наряду с проведением операций против ударных группировок советского ВМФ новой стратегией предусматривались активные действия по поиску и уничтожению советских подводных лодок, вооруженных баллистическими ракетами. Несмотря на то что подобные действия американских противолодочных сил в значительной мере усиливали риск эскалации военного конфликта с перспективой перерастания его во всеобщую ядерную войну, командование ВМС США придерживалось твердой точки зрения. Им утверждалось, что «Советы придают большое значение соотношению ядерных сил накануне того момента, когда готовится применение ядерного оружия», а с потерей СССР морской составляющей ядерного потенциала возможность принятия его руководством решения на применение ядерного оружия уменьшится.

В концепциях «глубокого поражения» и «географической эскалации» с принципом «гибкого использования сил в операциях» излагались взгляды на возможные варианты применения ВМС США в целях реализации одноименных концепций национальной военной стратегии.

Так, концепция «глубокого поражения» предусматривала согласованные по месту и времени боевые действия ВМС совместно с другими видами вооруженных сил с целью поражения сухопутных группировок противника на всю глубину их оперативного построения. Следует отметить, что «Морской стратегией» подобные крупномасштабные операции предусматривались лишь на третьем этапе, т. е. с переносом операций на территорию противника. В «Передовой морской стратегии» активные действия ударных сил флота против береговых объектов в рамках воздушных наступательных операций были включены в содержание уже второго этапа, чему во многом способствовало возрастание ударных возможностей ВМС с принятием на их оснащение крылатых ракет «Томагавк».

Возможности военно-морских сил по реализации данной стра-

тегии были продемонстрированы в апреле 1986 года в операции «Эльдорадо Каньон», в ходе которой две американские авианосные ударные группы, осуществив скрытное форсированное развертывание из Тирренского моря в южную часть Ионического моря, совместно с ВВС нанесли ряд массированных ударов с двух различных направлений по объектам на территории Ливии.

Наиболее основательная проверка действенности положений военно-морской стратегии в реальных условиях боевой обстановки была проведена в Персидском заливе в 1991 году. Анализ содержания и характера действий ВМС США в ходе операций «Щит пустыни» и «Буря в пустыне» позволяет отметить, что эти операции явились уменьшенной копией реальных планов применения сил американского флота в глобальной войне, изложенных в основном разделе «Передовой морской стратегии». Отличия заключались лишь в масштабах применения сил флота, которые соответствовали региональному характеру войны в зоне Персидского залива.

Так, действия военно-морских сил в период проведения операции «Щит пустыни» отражали содержание этапа «устрашение или переход к боевым действиям» глобальной войны, в ходе которого предусматривалось наращивание передовых группировок и развертывание основных сил флота в районе боевых действий, призыв резервистов и ввод в строй кораблей резерва, мобилизация судов гражданских ведомств и организация массовых морских перевозок, а также некоторые другие мероприятия подготовки к широкомасштабным боевым действиям. В свою очередь, применение ВМС в операции «Буря в пустыне» соответствовало содержанию последующих этапов военно-морской стратегии — «захват инициативы» и «перенос операций на территорию противника» (за исключением противолодочных действий ввиду отсутствия у Ирака подводных лодок).

Требования концепции «глубокого поражения» наиболее полно были реализованы в ходе воздушной кампании, в рамках которой, используя географические условия, группировки ВМС США наносили удары как самолетами палубной авиации, так и крылатыми ракетами «Тома-

гавк». Это был первый случай применения КРМБ в боевых условиях. Удары нанесли по всей территории Ирака из районов Красного, Средиземного морей и Персидского залива. Тем самым удалось на практике продемонстрировать способность военно-морских сил одновременно действовать с нескольких направлений, на что в «Передовой морской стратегии» обращалось особое внимание.

Примечательным является также то, что при нанесении ударов по Ираку на начальных участках траекторий полета КРМБ «Томагавк» использовались полетные задания (цифровые карты местности), ранее подготовленные для их применения из тех же районов по объектам на территории Советского Союза²⁰. В действиях против береговых объектов применялись и линейные корабли. Для выдачи целеуказания в реальном масштабе времени и отслеживания результатов стрельбы использовались беспилотные летательные аппараты, что значительно повысило эффективность артиллерийского огня.

В докладе министра обороны Р. Чейни конгрессу США об итогах войны в зоне Персидского залива дана высокая оценка вклада ВМС в достижение успеха многонациональных сил (МНС)²¹. Характеризуя их действия, он заявил: «Конфликт в Персидском заливе показал, что господство на море является ключом к успешному наращиванию сил и подтвердил значение превосходства на море для укрепления ведущей роли США в мире»²². Эти заявления стали подтверждением ведущей роли ВМС в реализации требований национальной военной стратегии и действенности основных положений «Передовой морской стратегии».

Анализируя результаты применения различных образцов вооружения в зоне Персидского залива в 1991 году, глава военного ведомства США особо высоко оценил эффективность КРМБ. Включение их в первый эшелон оперативно-тактического построения первого массированного удара по Ираку способствовало успешному преодолению ПВО противника ударными эшелонами тактической и палубной авиации. В дальнейшем ракеты эпизодически использовались для поражения важнейших объектов с высокой степенью защищенности, расположенных в глубине терри-

тории противника²³. Комментируя эти факты, Р. Чейни отметил: «Одним из уроков войны в Ираке является то, что мы должны разрабатывать и производить системы оружия, которые сводят потери личного состава к абсолютному минимуму, т. е. такие, как крылатые ракеты «Томагавк»²⁴.

Выводы и уроки из опыта войны в зоне Персидского залива нашли свое отражение в корректировке военно-морских стратегических концепций и развитии сил флота в 1990-х годах. Однако в наибольшей степени на изменение военно-морской стратегии США в этот период повлияли военно-политические факторы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Report of the Secretary of Defense Caspar W. Weinberger to the Congress on the FY 1984 Authorization Request and FY 1983—1987 Defense Programs (thereafter Annual Report FY 1983). Washington D. C.: U.S. GPO, February 8, 1982. P. III, 19.

² NPS-56-90-005 Case Studies in Strategic Planning / Ed. by James J. Tritton. Monterey, CA: Naval Postgraduate School, 1990. March. P. 48.

³ Hattendorf, John B. The Evolution of Maritime Strategy: 1977 to 1987 // Naval War College Review. 1988. N 3 (Fall). P. 17.

⁴ Уоткинс Д. Военно-морская стратегия / Пер. с англ. // Военно-морская стратегия США. М.: ГШ, 1989. С. 6—8.

⁵ См.: Уоткинс Д. Указ. соч. С. 8.

⁶ См.: Сулягин И.В. Изменения в США взглядов на роль военно-морских сил в решении задач внешней политики (1975—1990 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 164.

⁷ Леман Дж. Программа строительства 600 кораблей для США / Пер. с англ. // Военно-морская стратегия США. М.: ГШ, 1989. С. 61.

⁸ См.: Келли П., Доннел Х. Взгляды на боевое применение амфибийно-десантных сил / Пер. с англ. // Военно-морская стратегия США. М.: ГШ, 1989. С. 39—40; Hattendorf, John B. Op. cit. P. 19—20.

⁹ Hattendorf, John B. Op. cit. P. 21.

¹⁰ В американской военно-научной литературе это название (в отличие от названий других стратегий) принято писать с заглавной буквы с тем, чтобы обозначить разницу с понятием «морская стратегия», близким к понятию «морская политика государства» (см.: Англо-русский словарь-справочник по военным стратегиям и международной безопасности. Нью-Йорк: ООН, 1992. С. 273—274).

¹¹ См.: Сулягин И.В. Указ. соч. С. 164—165, 169.

¹² См.: Гроув Э. Стратегия и структура военно-морских сил в изменившемся мире // Военная мысль. 1993. № 1. С. 57.

¹³ Цит. по.: Уоткинс Д. Указ. соч. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 21—24

¹⁵ Там же. С. 22.

¹⁶ Ширина территориальных вод большинства государств не превышает 12 морских миль (около 21 км).

¹⁷ В период 1946—1982 гг. США более 200 раз направляли группировки своих вооруженных сил в кризисные точки планеты, и примерно в 80 проц. основным компонентом этих сил были ВМС. Для сравнения: ВВС использовались примерно в 50 проц., а сухопутные войска в 20 проц. случаев (см.: Уоткинс Д. Указ. соч. С. 16).

¹⁸ В ряде изданий носит название «Ударный университет».

¹⁹ В первую очередь, это относилось к концепциям «воздушно-наземной операции (сражения)» США и «борьбы со вторыми эшелонами (резервами)» НАТО, которые западные военные специалисты в 1980-е годы иногда называли концепциями «глубоких ударов» или «глубокого поражения» (см.: Сидоров В. Ведение операций с применением обычных средств поражения // Зарубежное военное обозрение. 1986. № 1. С. 8—9).

²⁰ См.: Современное вооружение в войне. М.: РАР и АН, 1993. С. 258.

²¹ В частности, отмечалось, что в ходе операции «Щит пустыни» морским путем было переброслено около 95 проц. всех грузов, при этом ВМС обеспечили надежное прикрытие морских коммуникаций непосредственно в Персидском заливе. В воздушной кампании самолеты только палубной авиации совершили более 1000 вылетов, всего за войну морская авиация совершила 20 600 боевых вылетов (см.: Война в Персидском заливе. Итоговый доклад министра обороны Конгрессу США. В 2 ч. / Пер. с англ. М.: ГШ ВМФ, 1994. Ч. 1. С. 263—296).

²² См.: Война в Персидском заливе... Ч. I. С. 285—286.

²³ В первых массированных ударах за два дня с кораблей были выпущены 216 ракет. Всего в военных действиях были применены 288 КРМБ (по другим данным — 297) с эффективностью около 80 проц. Единственной системой оружия, использовавшейся для нанесения ударов по Багдаду в дневное время, были КРМБ. (см.: Война в Персидском заливе... Ч. I. С. 178, 186, 231).

²⁴ См.: Современное вооружение в войне... С. 48.

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ состоялась пресс-конференция по итогам археологических раскопок на Кронверке Петропавловской крепости в 2004 году. Северо-Западная археологическая экспедиция Центра региональных исследований и музейных технологий НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета при поддержке и содействии Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи и Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры правительства Санкт-Петербурга уже в течение 7 полевых сезонов ведет планомерное изучение северо-восточного участка территории Кронверка Петропавловской крепости.

За эти годы был сделан ряд принципиальных открытий, особенно актуальных в связи с отмеченным недавно юбилеем города. Исследовавшийся участок заселялся и осваивался людьми еще в допетровское время. Удалось расчистить подполье дома, погибшего во время очередного наводнения и относящегося к одному из селений, отмеченных документами «на Фомине острове». Уникальным археологическим объектом и военно-историческим памятником являются остатки лагеря армии Петра I. Выявлены фрагменты четырех временных жилищ первых строителей и защитников Петербурга. С одним из них связано групповое захоронение четырех человек. Антропологический анализ не оставляет сомнения, что это молодые солдаты, скончавшиеся зимой 1703/04 года из-за тяжелых условий службы. Несомненно, что при реконструкции заднего двора Кронверка необходимо произвести перезахоронение с подобающими воинскими почестями этих людей. Это мероприятие имеет, безусловно, общегородское значение.

В текущем полевом сезоне наконец удалось выйти на участок внешнего склона вала Петровской эпохи. Была расчищена оригинальная деревянная конструкция крепления подошвы вала с внешней стороны, в результате чего получены важные сведения о габаритах укреплений, их виде и характере строительства. Поспешность возведения этих сооружений не вызывает сомнений, что вполне увязывается с обстоятельствами Северной войны в то время (1706—1708 гг.).

Одним из архитектурно-исторических объектов, которые хранит земля Кронверка, является комплекс зданий Инженерного дома — главного имперского учреждения, ведавшего строительными работами, преимущественно военными. Фундамент его восточной стены прослежен на 18 с лишним метров. Инженерный дом, простоявший около века (имели место перестройки), был разобран при строительстве Арсенала (ныне здание ВИМАИВ и ВС).

Археологическое изучение Кронверка принесло целый ряд дополнительных сведений, относящихся к прошлому Санкт-Петербурга. Продолжение исследований этого важного элемента раннегородской структуры имеет весьма существенное значение для углубления познаний в истории города.

Капитан 1 ранга
С.Л. ТАШЛЫКОВ

«ПОКА ВЫ НАД НАМИ, В НАС НИКТО НЕ СТРЕЛЯЕТ»

К.А. Шипачев у боевого вертолета
Афганистан, 1987 г.

Предлагаемая читателям публикация является одной из первых, подробно рассказывающих о подготовке и выполнении боевых задач экипажами вертолетов во время пребывания в Афганистане Ограниченного контингента советских войск, о сложностях работы летного состава в экстремальных условиях, которые известны автору по личному опыту. В армейской авиации К.А. Шипачев прошел путь от командира экипажа боевого вертолета до начальника штаба — первого заместителя начальника авиации военного округа. Он окончил Военно-воздушную академию имени Ю.А. Гагарина и Военную академию Генерального штаба, в которой и преподает в настоящее время. Кроме Афганистана воевал и в других горячих точках. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Мужества, Александра Невского 3-й степени.

Опыт применения армейской авиации (боевых вертолетов) в Афганистане

В КАЛЕНДАРЕ моей старой записной книжки дата 18 мая 1986 года обведена жирным кругом. Именно в этот день мы, летчики и техники эскадрильи боевых вертолетов майора Сергея Прохарева* 276-го отдельного вертолетного полка, дислоцировавшегося в поселке Боровуха Полоцкого района Витебской области, убыли в афганский город Джелалабад**. В состав эскадрильи входило и мое звено — четыре экипажа вертолетов Ми-24, командиром которого я был назначен незадолго до этого.

Мне было тогда 24 года, и среди командиров звеньев я был самым молодым. Рядовые летчики и техники эскадрильи — в основном мои ровесники, средний возраст — немногим больше двадцати. Подразделение было достаточно хорошо подготовлено: выполнены все зачетные полеты экипажами, парами, звеньями, летно-тактические упражнения днем и ночью; многие летчики осваивали их практически в составе полка. Несмотря на кажущуюся незрелость большинства офицеров, их налет

составлял 350—500 часов. Сам я тогда имел общий налет 750 часов и уже сдал проверку на присвоение квалификации военный летчик 1-го класса***.

На аэродром назначения мы прибыли не сразу. Сначала транспортный самолет доставил нас в город Каган, где нам пришлось еще две недели на вертолетах местного боевого вертолетного полка под руководством опытных инструкторов армейской авиации (АА) осваивать премудрости полетов в горно-пустынной местности. Там мы еще раз выполнили полеты на потолок (максимальную высоту), осваивали посадки на высокогорные площадки до 2000 метров и более над уровнем моря, стреляли из разных видов бортового оружия с различных высот, применяя всевозможные виды маневра, бросали бомбы, производили пуски управляемых ракет. Здесь же нас впервые ознакомили с закрытой для всех информацией о боевых потерях летного состава, учили грамотным действиям в экстремальных ситуациях.

Хотя многих офицеров и тревожила встреча с предстоявшей войной, но большинство, в том числе и молодежь, рвались в бой, ведь мы поступали в военные училища, чтобы защищать Родину, и были готовы отдать за нее свои жизни. В том, что мы защищаем дружественную нам Республику Афганистан, а значит, южные рубежи нашей страны от исламского экстремизма и терроризма, поддерживаемого некоторыми западными странами, у нас тогда не было никаких сомнений, как, впрочем, нет у меня их и сейчас. Наконец наша подготовка завершилась, и эскадрилью транспортным самолетом перебросили на аэродром базирования Джелалабад, где она вошла в состав 335-го отдельного боевого вертолетного

* Фамилии участников реальных боевых событий, кроме автора публикации, изменены.

** Для командира эскадрильи и его заместителей это была вторая командировка в Афганистан.

*** Классификация летного состава на боевых вертолетах (самолетах) такова: военный летчик 3-го класса подготовлен к боевым действиям днем в простых метеоусловиях; военный летчик 2-го класса — к боевым действиям днем в простых и сложных метеоусловиях и ночью в простых метеоусловиях; военный летчик 1-го класса — к боевым действиям днем и ночью в простых и сложных метеоусловиях; военный летчик-снайпер может вести боевые действия в дневное и ночное время в простых и сложных метеоусловиях, способен поразить все цели на «отлично» (эта квалификация, которой удостоился и автор публикации, присваивается приказом министра обороны РФ по результатам контрольных проверок).

полка ВВС 40-й армии. Аэродром был расположен на южной окраине города (длина полосы — 1600 м, превышение над уровнем моря — 500 м, курс посадки — 310°, позывной — «Омар») и обеспечивал прием всех вертолетов и самолетов типа Ан-26, Ан-12.

По прибытии к новому месту базирования нас познакомили с экипажами, которые нам предстояло заменить, и разместили вместе с ними в их комнатах. Сразу же началась дополнительная подготовка: изучались район предстоявших боевых действий, разведывательные данные, осваивались полеты в новых условиях.

Как того требовала боевая обстановка, каждый летчик получил пистолет, бронированный защитный шлем (ЗШ) и автомат АКСУ, тогда еще малоизвестный. Кроме того, всем экипажам выдавались специальные комплекты НАЗ-И, которые включали жилет со специальными карманами для четырех магазинов к автомату, пистолета и магазинов к нему, портативной аварийной радиостанции, сигнальных ракет, индивидуальной аптечки и двух гранат. Пластиковая кобура для автомата крепилась к бедру, а фляжка с водой — к поясному ремню. При необходимости мы брали на борт вертолета ручной пулемет и ящик с гранатами. По этому поводу я шутил: «Приземлившись на территории небольшого враждебного государства, если бы наш экипаж подбил в его небе, мы с летчиком-оператором могли бы устроить там крупный вооруженный конфликт».

25 июня 1986 года моему звену доверили первое серьезное задание: сопровождение колонны, следовавшей из Кабула в Джелабад. Общее время полета — два часа на высоте 4500 м. Тогда летали на большой высоте. Считалось, что в этом случае противодействие ПВО противника будет меньше, и это действительно было так, пока душманам не поставили новые для того времени переносные зенитные ракетные комплексы (ПЗРК) «Стингер».

Первый боевой вылет проходил штатно. Мы с моим ведомым Андреем Грязевым, набрав максимальную высоту, вышли в указанный район. Сменив другие экипажи, выполнявшие до этого ту же задачу, установили связь с командиром колонны и приступили к сопровождению двигавшейся техники. Барражируя над колонной, мы вели наблюдение, готовые в слу-

чае обстрела поддержать ее огнем. По мере выработки топлива нас сменяли в воздухе очередные экипажи.

Сам по себе полет на сопровождение являлся несложным, но здесь имелись и свои особенности. Вертолеты Ми-24 оснащены кислородным оборудованием для полетов на высотах более 2000 м, однако летчики предпочитали его не использовать. Считалось вполне нормальным провести в разреженном воздухе полтора — два часа на высоте 4500 м, а по мере выработки топлива и облегчения вертолета — выше 5000 м. Я даже видел в этом некоторый шик. Только мой друг и подчиненный, штурман звена Валерий Мешаков, жаловался, что в полете голова устает от тяжелого бронированного ЗШ.

Первое время нас, как еще малоопытных, использовали для выполнения несложных задач: сопровождения колонн, прикрытия в воздухе взлета и посадки транспортных самолетов с пассажирами на борту. Кроме того, мы выполняли и очередные тренировочные полеты на применение различных средств поражения и совершенствование техники пилотирования. Летали и ночью.

Оплошностей, скажу откровенно, допускали немало. Так, 2 июля, прикрывая взлет самолета командующего 40-й армией, я настолько увлекся сопровождением, что, выполнив энергичный разгон скорости — горку, обогнал перешедшую в набор высоты машину, за что получил серьезный нагоний от командира полка. На следующий день после очередного сопровождения колонны совершил посадку, забыв запросить на то разрешение по радио. Видно, еще сказывалось волнение при выполнении полетов и вчерашний командирский выговор. В мирных условиях за это могли отстранить от полетов, но здесь существовали несколько иные понятия, что, впрочем, было вполне обоснованным. Экипаж, в первую очередь, разумеется, меня, слегка пожурили.

Командир эскадрильи, его заместители и другие летчики, для которых эта война была не первой, охотно делились с нами секретами летного мастерства на конкретных примерах. Когда требовалось вылетать на особо опасные задания, наш комэск Сергей Васильевич Прохарев и замполит Василий Картавин любили повто-

рять крылатую фразу — «В бой идут одни старики». Они лично выполняли самые опасные полеты.

Но вот очередь дошла и до нас. 30 июля в районе населенного пункта Асадабад наше звено осуществляло авиационную поддержку мотострелкового батальона, который вел тяжелые бои с несколькими бандами общей численностью до 420 душманов. Одновременно с нами действовали и штурмовики Су-25. В тот день пришлось сделать три вылета общей продолжительностью четыре часа. Каждый экипаж израсходовал до 40 неуправляемых ракет и 50 снарядов к пушке. Работали по отдельным целям в районе высоты 1515. На цели нас наводили командир рот. Но, видимо, взаимодействие было недостаточно отработано, да и опыта, чтобы поразить все требуемые объекты, нам пока не хватало. Мотострелки были недовольны результатами, и мы, впрочем, тоже. Однако в последующие дни совместными усилиями экипажей и пехоты бандиты были уничтожены и частично рассеяны. Батальон вернулся на базу, как нам сообщили, без потерь.

Досаждала жара — 35, а то и все 40° в тени. Но несмотря на такие температуры, вертолеты, созданные в КБ Миля и приспособленные в основном для работы в районе с умеренным климатом, успешно выдерживали все нагрузки и практически не реагировали на экстремальные условия. Они были оборудованы кондиционерами с автоматическим поддержанием заданной температуры в кабине, и условия для экипажа в полете были вполне комфортными.

Хотя летали мы далеко не каждый день, все равно большинство экипажей были загружены, можно сказать, до предела: кто занимался обслуживанием техники, кто теоретической подготовкой. Часть летчиков несла боевое дежурство. Дежурные пары (звенья) назначались для перевозки больных и раненых, поиска и эвакуации сбитых экипажей, для поддержки групп спецназа или войск, ведших систематические боевые действия, для охраны района аэродрома ночью и т.п. Сроки вылета таких групп из готовности № 3 не должны были превышать 30, а из готовности № 2 — 15 минут. Конкретную задачу командиру группы могли поставить по телефону или даже по радио, после взлета. Естественно, о возможных предстоящих задачах такие груп-

пы ориентировались в ходе предварительной подготовки.

Распорядок дня вертолетного полка был размерен и довольно суров. Экипажи должны были быть готовыми к выполнению любых задач с рассветом. В связи с этим за полчаса до начала светлого времени, а это в зависимости от времени года 4 ч 30 мин — 5 ч 30 мин, одним из заместителей командира полка давались предполетные указания. Задачи на следующий день ставил командир полка в 18 ч 00 мин в присутствии всего летного состава. Здесь же проходил разбор выполненных к этому времени полетов за день, доводились разведывательные данные и различные указания. Особое внимание уделялось анализу действий экипажей: при высадке десантов в горах, нанесении ударов по наземным целям, действиям в воздухе после боевых повреждений. Соответствующие навыки у летчиков своего звена я старался довести до автоматизма. Каждый случай боевого повреждения вертолета, о котором нас подробно информировали на занятиях, старался примерить к себе и оценить, как бы наш экипаж сработал в подобной ситуации.

Вся дневная круговерть завершалась, когда крайние (летчики никогда не говорят «последние») экипажи производили посадку. Иногда это случалось перед самым заходом солнца. Некоторые же барражировали в районе всю ночь, сменяясь в воздухе каждые два часа. К выполнению боевых задач ночью экипажи нашего звена приступили в августе, поднимаясь в воздух отдельными парами. Основной целью таких полетов являлось патрулирование района аэродрома в радиусе до 50 км на высотах 1500—4000 м. Первая пара взлетала с заходом солнца и сменялась другой по мере выработки топлива, и так — до рассвета. Особое внимание при этом уделялось технике пилотирования, контролю за своим положением с помощью радиотехнических средств и световых ориентиров, которых, учитывая положение в Афганистане, было совсем немного; активно отрабатывалась посадка на аэродром по посадочным огням без использования наземного прожектора. Впоследствии опыт экипажей так возрос, что в лунную ночь нам удавалось производить заход и посадку по приборам без включения руководите-

К.А. Шипачев — старший преподаватель Военной академии Генерального штаба ВС РФ
2002 г.

лем полетов прожектора, без использования летчиком инфракрасного оборудования и бортовых фар, что, впрочем, было делом довольно рискованным и являлось нарушением инструкции.

Большую сложность представляли и ночные полеты строем. Ведомый в этом случае выполнял полет на дистанции 150 и интервале 100 м, ориентируясь только по 3—4 небольшим лампочкам строевых огней ведущего. Аэронавигационные огни мы не включали, так как они были видны с земли и демаскировали вертолеты. Конечно же, благоговорно сказывалась соответствующая подготовка, полученная ранее в родном полку в Белоруссии. Благодаря ей мы быстрее освоили сложнейший вид техники пилотирования в боевых условиях. До сих пор я считаю полеты строем ночью самым сложным видом подготовки экипажей вертолетов.

В одно из наших обычных ночных дежурств, когда мы находились у себя в модуле в ожидании команды на взлет, сразу же после захода солнца раздались рев и страшные взрывы. Вообще-то, к подобной какофонии мы уже привыкли, но тут снаряды, казалось, рвались прямо под окнами. Не дожидаясь сигнала с командного пункта, я дал команду экипажам: «По вертолетам!». Быстро похватив автоматы и ЗШ, мы выскочили наружу и увидели, как душманские реактивные снаряды рвались

прямо на взлетной полосе и между стоянками вертолетов, которые находились в 50—100 м от нашего жилья. Пригибаясь, мы побежали к своим Ми-24. Заняв место в спасительной бронированной кабине, я сразу приступил к запуску двигателей. Успел почувствовать бортовому технику, который был обязан контролировать процесс запуска снаружи. Почти лежа на земле, он жестами подавал нам установленные в таких случаях сигналы.

Обстрел аэродрома еще продолжался, когда наша пара быстро вырулила на полосу и произвела взлет. Набрав безопасную высоту и получив доклад от ведомого Андрея Грязева «349-й справа на месте», я осмотрелся. Внизу темно, видны только отдельные огоньки да пожар на стоянке от разрывов реактивных снарядов. Душманы, услышав рокот вертолетов, прекратили обстрел, но командный пункт по радио дал нам приказ на их уничтожение.

Мы приступили к выполнению задачи. Связались с одной из 15 застав, обеспечивавших безопасность аэродрома, и запросили у них информацию. Оттуда подтвердили, что засекли точку пуска ракет, но достать ее своим огнем не смогли. Затем трассирующей очередью из крупнокалиберного пулемета заставка указала нужное направление, сообщив дальность до цели. Не теряя связи с командиром охранения, наша пара произвела сброс двух осветительных бомб САБ-250 с таким расчетом, чтобы они загорелись на земле, обозначив цель, после чего заставка еще раз сориентировала нас, теперь относительно горевших на земле факелов бомб. Мы приступили к поражению душманов. Выполнив 3 боевых захода в одном полете и 5 заходов в следующем, сменив вертолеты на другие, наша пара израсходовала 6 бомб, 160 неуправляемых ракет и два боекомплекта к пушкам. Банда была уничтожена. Этот боевой вылет получился более эффективным, чем предыдущие, во многом благодаря точным ориентирам и целеуказанию и, конечно же, добросовестной и тщательной предварительной подготовке к полетам в ночных условиях.

Преуспели, можно сказать, до нашего появления и душманы: как потом выяснилось, в результате обстрела аэродрома 18 реактивными снарядами был поврежден

один вертолет и ранены два военнослужащих полка. Такие обстрелы производились регулярно.

В Афганистане нам пришлось принимать участие не только в систематических боевых действиях, но и в отдельных операциях, выполняя вылеты почти со всех аэродромов. Так, для участия в операции «Западная», проводившейся с 19 по 26 августа недалеко от западной границы Демократической Республики Афганистан, нам пришлось выполнить перелет с посадками на аэродромах Кабул, Кандагар, Шинданд, Герат. За семь дней участия в этой операции налет нашего экипажа составил более 20 часов. Группировкой армейской авиации только 21 августа было высажено около 1000 человек десанта с обеспечением его действий.

Очередная задача нам была поставлена 4 сентября. Мы должны были сопровождать подразделения 66-й бригады специального назначения, выдвигавшиеся в район предгорий. Там планировались действия по ликвидации отдельных укрепленных районов душманов и складов с вооружением. Взлет и набор высоты производились всем звеном, как обычно. Связались с командиром 1-го батальона и сопровождали колонну до самых предгорий. Больше всего нас удивила и развеселила просьба командира по радио: «Ребята, вы там сверху посмотрите, есть ли на дороге мины». Я просто не знал, что и ответить.

Мы уже собирались завершать сопровождение, когда с КП поступила команда поддержать огнем разведывательную роту, ранее выдвинувшуюся в горы. Получив точные координаты, я дал команду звену на разворот, и мы вошли в ущелье, где держали оборону разведчики. Быстро установив связь с командиром роты, я попросил обозначить себя установленными дымовыми сигналами. Увидев дым и получив от командира целеуказание, приступили к уничтожению противника.

Отдельные группы бандитов находились на высоте 1000 м на склонах ущелья, мы же выше их метров на 500—800, выполняя групповой полет практически между облаками при видимости не более 3—4 км, да еще в дождливую погоду. Естественно, эффективность работы авиации в таких условиях невысока, что, видимо, понял и командир разведчиков. После того как мы выпустили не

В часы досуга
Аэродром Герат, август 1986 г.

более 20 неуправляемых снарядов, он дал нам команду уходить. Однако вертолетчикам не хотелось оставлять отважных парней в беде. Экипажи звена образовали некое подобие круга, хотя при густой облачности сделать это было довольно трудно. Прикрывая друг друга, мы продолжали наносить удары.

Через считанные минуты по радио раздался тревожный голос командира разведчиков: «348-й! По вам произвели пуск ПЗРК!».

Сразу прореагировать на предупреждение мы, естественно, не смогли, но последующую угрозу уже улавливали сами. После моей команды «Включить АСО»**** экипажи обеспечили себя гарантированной защитой. Как потом сообщили разведчики, по нам производились пуски ПЗРК американского производства «Ред Ай».

В свободные между вылетами часы мы в звене и эскадрилье обсуждали тактику наших действий. Учитывая опыт применения штурмовой авиации в период Великой Отечественной войны, старались активно использовать маневр «круг» при нанесении ударов по наземным целям. Суть его заключалась в том, что, подходя к заданной цели, ведущий группы из 3—6 вертолетов наносит первый удар и, выполняя вираж, заходит в хвост крайнему ведомому, таким образом все экипажи замыкают круг и прикрывают друг друга. В этом случае практически исключен неожиданный обстрел вертолетов. Весь район находится под контролем с воздуха. Уничтожая

**** АСО — автоматическая система отстрела тепловых ловушек для создания помех ПЗРК.

основную цель, экипажи в любой момент могут нанести поражение объектам, находящимся в другом направлении. Если состав группы более 6 вертолетов, то в этом случае целесообразно замыкать два круга на дистанции между ними 500—2000 м в зависимости от тактической обстановки. Однако следует учесть, что такая тактика применима только в особых условиях: когда нет сильного противодействия войсковой ПВО противника.

В то же время мы не слепо копировали действия летчиков Великой Отечественной, отработывая и применяя новые приемы. Например, перемещали круг или вслед за передвигавшимися войсками, или в случае значительного изменения координат объекта поражения. Чтобы ввести противника в заблуждение относительно количества наших вертолетов, практиковали полеты с различными дистанциями между ведущими и ведомыми в одном боевом порядке и различными пеленгами в строю. Так, первый ведомый мог идти на дистанции 500—1000 м и справа от ведущего, а крайний — на дистанции 100—500 м и слева, и наоборот. Учитывая, что душманы боялись открыто атаковать боевые вертолеты и стремились стрелять незаметно или пускать ракету в замыкающего, это часто спутывало их планы.

Одной из типичных задач была эвакуация разведгрупп спецназа. Обычно группы выходили в район самостоятельно. Ночью они выполняли задачи, поэтому мы вылетали в заданную точку и произво-

дили их эвакуацию днем, после соответствующего запроса по радио.

9 сентября нам поставили очередную задачу: обеспечить эвакуацию десятерых спецназовцев из района их действий. Первыми взлетели два Ми-8, следом мы с ведомым на наших Ми-24. Группа пришла в заданный район, транспортные вертолеты успешно забрали 10 разведчиков и произвели взлет. Мы уже собиралась лечь на обратный курс, когда один из экипажей «восьмерок», пересекая неглубокое ущелье, тянувшееся вдоль русла реки на плоскогорье, сообщил в эфир: «Обнаружили караван, захожу на посадку, будем высылать досмотровую группу». Тут и я увидел этот караван, шедший скорее всего из Пакистана в сторону Черной горы. Я подумал: или наши спецназовцы действительно отчаянные ребята, или ведущий «восьмерок» не совсем понимает, что делает. Оказалось, что то и другое. Караван состоял приблизительно из 300 груженых верблюдов и лошадей, которые растянулись в ущелье на расстоянии почти 2 км. Сопровождали его почти столько же людей.

На КП тоже поздно сориентировались и выдали команду на запрет посадки лишь после того, как досмотровая группа уже начала проверку всех этих людей и груза на наличие оружия. Проверка в столь непростой ситуации была только обозначена, и гордые пуштуны, ощутив это, не противостояли отчаянному спецназу в досмотре каравана. Мы, похоже, расстались с ними, довольные друг другом.

При проведении разбора чрезвычайного происшествия справедливо отмечалось, что любое неосторожное действие с нашей стороны могло привести к серьезным жертвам, в первую очередь нашим. На этом же разборе до нас довели развединформацию о том, что за границей Афганистана готовятся 200 женщин и детей старшего возраста для совершения террористических актов в отношении мирного населения ДРА. Впоследствии эта информация была подтверждена реальными терактами.

На войне, конечно, случается всякое, но одним из самых удручающих фактов считаю случайный обстрел своих. Такой эпизод, к сожалению, произошел и с нашим звеном. Выполняя полет на досмотр караванов, наша группа (четыре «восьмерки» и четыре «двад-

Фотография на память

Джелалабад, 1987 г.

цатьчетверки») обнаружила колонну из 20 старых грузовиков. Старший группы, командир эскадрильи Ми-8 подполковник Райлянов (ныне полковник, Герой Советского Союза), дал мне команду остановить колонну для досмотра. В этом случае мы действовали однозначно – давали очередь из пушки на безопасном расстоянии впереди колонны. Так сделали и на этот раз.

Колонна остановилась, но лишь только транспортные вертолеты стали заходить на посадку для высадки досмотровых групп, она снова двинулась вперед, увеличивая скорость. Мне вновь поступила команда остановить колонну, и я опять произвел очередь. Повторилась та же история. После этого с КП приказали бить по головной машине. Подстраховавшись, интуитивно подозревая какую-то ошибку, постарался действовать как можно аккуратнее: двигатель машины был поврежден, а водитель легко ранен. К сожалению, в ходе досмотра выяснилось, что мы стреляли по союзникам-афганцам. И хотя вина всецело лежала на командире афганской войсковой колонны, который не согласовал маршрут движения, не остановился по нашему требованию и не связался с нами по радио, мы долго переживали этот инцидент.

Одной из задач, которые армейской авиации часто приходилось выполнять в Афганистане, были вылеты на обеспечение постов.

Цель полета заключалась в сопровождении и прикрытии транспортных вертолетов, доставлявших людей, боеприпасы, продукты и почту на заставы. Они находились, как правило, на высотах 800–1200 м, окружавших наш аэродром. Выполняя полет, транспортный вертолет заходил на такую небольшую по размерам площадку, что на ней иногда даже нельзя было поставить три колеса. В полувисячем положении, когда вертолет опирался на одно колесо, выгружался весь груз, и мы уходили на следующий пост. Вертолеты прикрытия в это время барражировали на уровне высоты площадки, осматривая окрестности на предмет присутствия душманов и находясь в готовности немедленно нанести удар. 24 сентября мы выполнили четыре таких полета общей продолжительностью около трех часов.

Задачи, решавшиеся армейской авиацией, делились на сложные и простые по своему исполнению. Опасность же при выполнении всех видов задач для экипажей как боевых, так и транспортных вертолетов была одинаково высокой. Случалось даже наоборот: при выполнении самых сложных задач экипажи концентрировались, командование принимало серьезные обеспечивающие меры, в результате чего потери снижались, но обычные, казалось самые простые задачи, сопровождавшиеся зачастую притуплением бдительности, и мы иногда несли неоправданные потери. За два месяца, прошедших с момента нашего прибытия в Афганистан, мы получили значительный боевой опыт. Практически все экипажи, в том числе и те, где командирами были молодые летчики, выполняли весь перечень стоявших перед полком задач. Взлетая на поддержку сухопутных войск, мы старались грамотно и полностью использовать имевшееся вооружение, оставляя по совету опытных воздушных бойцов 20 проц. снарядов на случай непредвиденных ситуаций. Однако азарт и желание поразить больше целей нередко заставляли пренебрегать осторожностью и расходовать весь боекомплект.

Запомнилась такая деталь. Когда мы после выполнения задачи по прикрытию или поддержке наземных войск уходили на свой аэродром, с земли зачастую поступала просьба: «Ребята, не улетайте! Пока вы над нами, в нас никто

не стреляет». И это действительно было так: боевые вертолеты постоянно доказывали эффективность их применения в бою, особенно как средство непосредственной огневой поддержки войск.

Между тем разведка уже две недели сообщала, что в Афганистан скрытно доставили партию новейших ПЗРК «Стингер», а в одной из приграничных стран западными инструкторами готовятся группы наемников для применения этих ракет. Однако, радуясь своим боевым успехам, мы иногда забывали о необходимости осторожности, что приводило к гибели и людей, и боевых машин, как это случилось, например, 25 сентября****. Именно этот случай заставил командование полка тщательно проанализировать ситуацию и изменить тактику боевых действий. Большинство задач мы стали выполнять на предельно малых высотах — от 5 до 10 м. Это дало свои результаты: эффективность применения армейской авиации возросла, а потери снизились.

Октябрьские дни с 3 по 11 были заполнены ставшей уже обычной боевой работой. Летали каждый день, выполняя все основные задачи. После короткого отдыха с 12 по 28 октября снова включились в ту же работу. Так, 29 октября наше звено произвело 4 полета; 30 и 31-го — 5 полетов, прикрывая от нападений автоколонны; 1, 2 и 3 ноября дежурили ночью, выполнив 6 полетов; в один из ночных вылетов уничтожили группу душманов, обстреливавших реактивными снарядами мирных жителей города Джелалабада. Особенно насыщенным был праздничный день 7 ноября, когда в светлое время мы 4 раза поднимались на поиск и уничтожение караванов с оружием, а ночью прикрывали аэродром с воздуха. 3 вылета пришлось на 8 ноября, когда удалось засечь координаты нескольких радиостанций иностранных наемников, ведших переговоры на английском языке.

26 ноября по приказу вышестоящего командования меня и моего

штурмана Валерия Мешкова откомандировали в Кабул для освоения новых видов полетов на корректировку огня артиллерии. Выбор пал именно на нас в связи с тем, что еще в родном полку в Белоруссии нам пришлось осваивать эти полеты на первых специально оборудованных машинах. До этого летчикам в Афганистане не доводилось использовать свои знания и имевшуюся аппаратуру для решения таких задач.

Работали мы под руководством одного из офицеров управления ракетных войск и артиллерии Анатолия Яковлевича Карпенюка, выполнили около 10 исследовательских полетов на реальную корректировку огня; каждый полет разбирался отдельно. Было накоплено много материалов для анализа. Неожиданным выводом было то, что летчикам, летавшим на корректировку ранее, просто не хватало специальных знаний и навыков для решения этой на первый взгляд простой задачи. По результатам этих полетов А.Я. Карпенюк подготовил решение вышестоящего командования о том, чтобы в 1987 году организовать специальные курсы для обучения летчиков, выполняющих полеты на корректировку огня артиллерии. Инструкторами для практической подготовки экипажей было решено назначить меня и моего штурмана, а в качестве специалистов по теории были определены педагоги из Ленинградской артиллерийской академии.

Полеты в Кабуле представляли собой определенную сложность и вместе с тем интерес. Это было связано с тем, что гражданский аэродром жил своей мирной жизнью. Взлетали и садились самолеты и вертолеты, перевозившие пассажиров как по всему Афганистану, так и за границу. В то же время рядом активно работала и боевая авиация. Так, после посадки «Боинга-707» из Индии производила взлет четверка Су-25, а следом могла садиться группа из 16 вертолетов и военно-транспортный Ил-76 из Ташкента. Вся эта суeta днем и ночью управлялась международной группой руководства полетами, основную часть которой составляли наши и афганские офицеры. Взлеты и посадки военных самолетов прикрывались боевыми вертолетами или штурмовиками, которые сопровождали их до определенной высоты. Несмотря на это, душманам иногда удавалось сбить самолет

или вертолет, но от возмездия они, как правило, не уходили.

Всего за время пребывания в Афганистане армейская авиация участвовала в 416 крупномасштабных операциях, вела систематические боевые действия. Вертолетами были перевезены сотни тысяч тонн грузов, спасены жизни тысяч солдат и офицеров. Боевые вертолеты уничтожили бесчисленное множество огневых точек, крепостей и укрепрайонов. Можно с уверенностью сказать, что без поддержки войск транспортными и боевыми вертолетами ведение таких широкомасштабных действий в горах было бы невозможно.

Однако были и потери: за годы афганской войны десятки вертолетчиков погибли, мы потеряли 333 машины. Впрочем, в ходе войны во Вьетнаме американская армия потеряла 2600 вертолетов. Так что цифры убедительно говорят о превосходстве нашей летной школы и достижениях «Милевской фирмы», хотя более глубокий анализ фактов свидетельствует о том, что наши потери могли бы быть меньше, поскольку некоторые из этих утрат произошли по причине недостаточной обученности личного состава, а часть из них — из-за громоздкой системы управления авиацией, сложности организации взаимодействия армейской авиации, подчиненной в то время ВВС, с сухопутными войсками.

Сразу после вывода войск из Афганистана, в феврале 1989 года, руководство Министерства обороны СССР, проанализировав результаты боевого применения армейской авиации, пришло к единодушному мнению: в целях повышения эффективности применения наземных войск, уменьшения потерь военнослужащих и экипажей вертолетов, централизации управления и организации тесного взаимодействия с войсками армейская авиация должна войти в состав Сухопутных войск. Такая структура подчиненности армейской авиации давно была принята в армиях всех развитых стран мира. Поэтому на основании директивы Генерального штаба уже в 1990 году армейская авиация была передана в Сухопутные войска в качестве рода войск, были сформированы отделы авиации общевойсковых армий, управления авиации военных округов и командование авиации в главкомате СВ.

Полковник К.А. ШИПАЧЕВ

**** 25 сентября 1986 г. группа из восьми транспортных и боевых вертолетов, израсходовавшая весь боекомплект и не имевшая возможности даже защититься, снижалась на аэродром посадки с высоты 4500 м. Это позволило банде душманов, находившейся в засаде примерно в 4 км от взлетно-посадочной полосы, безнаказанно произвести 8 пусков ПЗРК «Стингер», поразив два вертолета.

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ БАЗИРОВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В 1921–1941 гг.

ИСТОРИЯ базирования ВМФ в общем и Балтийского флота в частности остается темой, еще сравнительно мало разработанной современными отечественными историками. Проблема затронута лишь в немногочисленных исторических работах, да и то поверхностно. Это объясняется, во-первых, недостаточным пониманием роли и значения военно-морских баз в деятельности Балтийского флота, в обеспечении ими безопасности северо-запада страны; во-вторых, закрытостью до недавнего времени источников по этой теме.

Балтийский флот в 1920-е годы имел ограниченные условия базирования. Он находился в Кронштадте (главный военный порт — ГВП) и Ленинградском военном порту (центрального подчинения), который занимался в основном обеспечением капитального ремонта кораблей флота. Существенными недостатками, особенно Кронштадта, являлись довольно близкое расположение к границам иностранных государств и отсутствие естественных закрытых и защищенных гаваней. В этот период из-за тяжелого экономического положения в стране было осуществлено только восстановление корабельного состава, частично береговой обороны и военных портов.

В 1930-е годы в ГВП в интересах улучшения базирования БФ развернулось строительство баз торпедных катеров и подводных лодок. К этому времени береговая база рассматривалась как комплекс пункта базирования и подразделений тыла для обеспечения отдельной части или соединения катеров (подводных лодок). База должна была быть оборудована гаванью, эллингом, мастерскими, складами, служебными зданиями, казармой и иметь подразделения по всем службам.

В 1931 году было принято решение о строительстве военного порта в городе Ораниенбауме. В

ноябре 1934 года как отделение ГВП БФ он вступил в строй и в дальнейшем продолжал совершенствоваться, обеспечивая базирование бригады подводных лодок (16 ед.), бригады траления и заграждения (13 ед.) и крейсера «Аврора». Исследовались места и для строительства более крупных пунктов базирования. В 1932 году начались работы по строительству новой базы в Лужской губе Финского залива. В 1938 году в Ручьях предполагалось базирование крейсеров, а через год — линкоров, что диктовалось принятием в 1938 году третьей программы судостроения — создания большого океанского флота. В базе Ручьи планировалось разместить главные силы БФ; численность личного состава всех кораблей — более 27 тыс. человек (вместе с военнослужащими штабов, береговых частей, вспомогательного флота и вольнонаемными до 34 тыс.). Эта база должна была стать для Балтийского флота «вторым Кронштадтом». Однако в начале Великой Отечественной войны почти готовую базу пришлось уничтожить.

Кроме баз торпедных катеров и подводных лодок, Ораниенбаумского военного порта и базы Ручьи в 1930-е годы были развернуты работы в г. Кронштадте и других местах, что в целом также способствовало улучшению базирования Балтийского флота.

В 1920-е годы береговая оборона БФ была несовершенной. Это объяснялось отсутствием необходимой материальной базы и тем обстоятельством, что у советского военного руководства не было единых взглядов на ее место и роль в системе вооруженных сил. Поэтому имелись различные точки зрения на проблему ее строительства. Только в 1930 году береговая оборона была полностью передана флоту.

Количественный рост и обновление материальной части береговой артиллерии, а также фор-

мирование новых частей позволили к 1939 году создать на БФ 3 укрепленных района: Северный, Южный и Западный — общей численностью 93 орудия, усиленные ВВС, ПВО и кораблями охраны водного района. К июню 1941 года на БФ уже имелись Кронштадтский, Выборгский и Гогландский сектора обороны в составе Кронштадтской военно-морской базы; Ирбенский, Эзельский и Либавский сектора обороны в составе Прибалтийской базы; сектор береговой обороны военно-морской базы Ханко; береговая оборона главной базы с передовым сектором на о. Даго. В целом береговая оборона БФ насчитывала 446 орудий (всего в рассматриваемый период ВМФ имелось 641 орудие).

ОСЕНЬ 1939 и зима следующего года имели ряд особенностей. В результате внешнеполитической деятельности советского руководства флот получил возможность создания баз в Прибалтике на условиях аренды. В Таллин перебазировались четыре дивизиона подводных лодок, один лидер, три эскадренных миноносца, дивизион сторожевых катеров, две плавучие базы подводных лодок и несколько других вспомогательных судов; в Палдиски — дивизион подводных лодок с плавучей базой для них, в Либаву — дивизион подводных лодок, крейсер «Киров» и два эскадренных миноносца.

Вместе с тем с началом Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. авиации и силам Балтийского флота, базировавшимся на аэродромы и порты Эстонии и Латвии, пришлось решать боевые задачи: поддержка армии, нарушение коммуникаций противника, охрана побережья и военных баз. Кроме того, война и одновременное перебазирование стали серьезной проверкой в работе всех военных портов и органов тыла БФ.

Негативное влияние на размещение сил флота в Прибалтике

оказывали: отсутствие опыта в освоении баз и их большое взаиморасстояние; маломощность вспомогательного флота; неготовность баз для размещения быстро увеличивавшегося числа боевых кораблей в них; отсутствие плановости в выполнении организационных мероприятий; увеличение численности формирований и низкий уровень их обеспеченности боевым и другим имуществом; нехватка подготовленных кадров.

Следует отметить, что использование в ходе Советско-финляндской войны судоремонтных предприятий прибалтийских государств для ремонта советских военных кораблей способствовало решению поставленных перед БФ боевых задач. Командование Балтийского флота уже с началом зимы смогло воспользоваться преимуществами базирования кораблей в незамерзающих портах прибалтийских стран, что во многом облегчало их боевое применение.

После размещения части БФ в Прибалтике и завершения Советско-финляндской войны началось оборудование новых районов базирования, осложнявшееся условиями договора. Исследование источников показало, что намеренная медлительность на пути реализации договоренностей между СССР и прибалтийскими странами была обусловлена стремлением эстонских властей вести игру одновременно с несколькими партнерами, причем часто шедшими диаметрально противоположными курсами (Германия, Англия, Франция, скандинавские страны, СССР).

Работы по созданию военно-морской базы на острове Ханко развернулись более организованно, с учетом единого командования базы и условий аренды полуострова. Она стала единственной военно-морской базой в ВМФ, имевшей к началу Великой Отечественной войны подготовленную в инженерном отношении оборону с сухопутного направления.

ЛЕТОМ 1940 года с вхождением Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР военно-стратегическая обстановка на Балтийском море существенно изменилась. БФ получил открытый выход в море и возможность организации более разветвленной системы базирования. Операционная зона БФ расширилась более чем в десять раз, а протяженность морской границы СССР увеличилась на 1740 км.

В связи с этим потребовались

работы по освоению новых районов базирования и территориальных вод, которые форсированными темпами и начались с июля 1940 года. Поскольку строительство в новых районах базирования требовало огромных капитальных затрат, военно-политическое руководство страны приняло решение совершенствовать старые базовые сооружения и объекты русского флота, уделив главное внимание созданию береговой обороны военно-морских баз, особенно на островах Моонзундского архипелага. Однако из-за нехватки средств и ограниченности сроков к началу войны часть объектов остались незавершенными.

В развитии базирования Балтийского флота в 1921—1941 гг. с некоторой долей условности можно выделить четыре этапа. Первый из них (1921—1928 г.) — восстановление корабельного состава, береговой обороны и военных портов. Для него характерны поиски наиболее рациональных подходов к стратегическому использованию флота и определению его оптимального состава. Второй этап (1929—сентябрь 1939 г.) — усиление Балтийского флота и основных районов его базирования. В условиях улучшения экономического положения в стране в пределах юго-восточной части Финского залива развивались имевшиеся, а также строились новые пункты базирования и объекты береговой обороны. Следующий этап (октябрь 1939 — январь 1940 г.) — базирование БФ в условиях военного конфликта. Были осуществлены перебазирование, размещение и освоение Балтийским флотом новых баз в Прибалтике, осложненные Советско-финляндской войной. Четвертый этап (февраль 1940 — июнь 1941 г.) — развертывание в новых районах военно-морских баз и береговой обороны, которое к началу войны завершить не удалось.

В 1920—1930-е годы некоторые отечественные исследователи обращались к исследуемой теме, чтобы с учетом опыта Первой мировой и Гражданской войн определить подходы к созданию базовой и оборонительной инфраструктуры создававшегося РККФ. Затрагивались проблемы значения морских баз для флота, описывались требования, предъявлявшиеся к месторасположению, оборонноспособности, оборудованию военных портов¹.

Теории базирования сил флота в предвоенный период был посвя-

щен вышедший накануне войны труд военного инженера П.А. Кузнецова². Надо полагать, что предпосылками его появления стали многочисленные трудности, с которыми столкнулось руководство НК ВМФ и флотов в период базового строительства. Работа П.А. Кузнецова предназначалась в первую очередь для командного и начальствующего состава портов, баз и особенно для лиц, работавших в области проектирования и постройки баз флота. В книге подробно рассматриваются задачи и классификация баз. Гидротехнические сооружения, судоремонтные средства, средства обороны, охраны и другие объекты охарактеризованы в общих чертах. Акватории базы уделено несколько большее внимание, так как этот участок имел существенное значение для хозяйственников. В работе не затронуты важнейшие вопросы складского и казарменного хозяйств базы и различного вспомогательного оборудования. К тому же она также носит отвлеченный характер по отношению к Балтийскому театру, его военным портам и береговой обороне.

Несомненный интерес вызывают работы В.Е. Ляхницкого, М.А. Петрова, К.С. Радько, Б.М. Смирнова, В.В. Яковлева³, где подробно описываются назначение, классификация и устройство приморских крепостей (военных портов), фортификационных элементов береговой обороны, минно-артиллерийских позиций Балтийского морского театра. Однако весь этот материал основывается на дореволюционном опыте (канун Первой мировой войны) и представлен на примерах зарубежных приморских крепостей, военных портов и береговой обороны.

В ходе Великой Отечественной войны всестороннему анализу подверглись практически все стороны деятельности Военно-морского флота и его обеспечивающих элементов. В силу понятных причин каких-либо исследований не проводилось. Отделом по обобщению и изучению опыта войны Главного морского штаба (ГМШ) ВМФ СССР были изданы лишь несколько сборников с обобщением боевой деятельности ВМФ СССР, где нашли отражение и вопросы, касавшиеся базирования флота. Правда, имелась очень солидная, но закрытая работа, где деятельности главного военного порта (военных портов) БФ посвящалась целая глава — «Советско-финляндская война

1939—1940 гг. на море»⁴. В основе этого исследования — огромный документальный материал, собранный Исторической комиссией ВМФ в 1940 году. В соответствии с утвержденной структурой издания этот труд вышел в свет в двух частях с отдельным альбомом карт. Первая часть (в трех книгах) целиком посвящена деятельности БФ и Ладожской военной флотилии, а вторая — боевым действиям Северного флота.

Сотрудниками Исторической комиссии ВМФ был подготовлен к изданию ряд других монографий⁵. Но они так и не были изданы, остались в виде рукописей в архиве исторического отдела ГМШ ВМФ. Для всех этих монографий характерна достаточная степень объективности и достоверности при описании просчетов и недостатков, допущенных командованием БФ в этот период.

В ОБШИРНОЙ исторической литературе послевоенных лет боевой деятельности БФ в обороне дальних и ближних подступов к Ленинграду посвящен целый ряд исследований⁶ (брошюры Г.В. Падалки носит популярный характер и не может претендовать на серьезное историческое исследование). Книга В.И. Ачкасова и Б.А. Вайнера явилась первой основательной военно-исторической работой, в которой освещалась боевая деятельность Балтийского флота от начала и до конца войны. Серьезное внимание в ней было уделено проблемам обороны Либавы, Таллина, Ханко, Моонзундских островов и Ленинграда. Значительный интерес представляет и труд А.Н. Мушниковой о деятельности флота в боях на дальних и ближних подступах к Ленинграду.

Помимо шеститомной работы «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.» и однотомного издания «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг.»⁷ издан также ряд книг, в которых освещается боевая деятельность Балтийского флота в отдельных операциях⁸ или рассматривается боевое использование некоторых родов ВМФ⁹. Боевая деятельность флота в той или иной степени исследуется в ряде работ о действиях Советской армии в оборонительных и наступательных операциях в Прибалтике и под Ленинградом¹⁰. Вопросы развития военно-морского искусства при решении флотом различного рода боевых задач рассмотрены и в других исследованиях¹¹.

Хотя данные работы внесли за-

метный вклад в советскую военную историографию, но военно-морским базам и их береговой обороне в отличие от флота должного внимания в них не уделено. Исключением может служить книга Ю.Г. Перечнева «Советская береговая артиллерия. История развития и боевого применения 1921—1945 гг.». В первой главе автор рассмотрел и проанализировал состояние береговой артиллерии после окончания Гражданской войны, ее восстановление и перевооружение, а также взгляды на ее боевое применение. Однако развитие береговой обороны БФ в межвоенный период освещено поверхностно, так как проблема рассмотрена в масштабе ВМФ.

В мемуарах и сборниках воспоминаний¹² освещены боевые действия Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны. Авторы воссоздали атмосферу войны, ее будней, критически осмысливая свой боевой путь. Тем не менее данные о военно-морских базах накануне войны присутствуют далеко не во всех воспоминаниях. Заслуживают внимания прежде всего рассуждения об обороне баз народного комиссара ВМФ Н.Г. Кузнецова в книге «Накануне». Он пишет, что по этому вопросу перед войной существовало два мнения. Первое сводилось к тому, что для организации круговой обороны военно-морских баз и других важнейших приморских пунктов следовало сосредоточивать сухопутные войска, передав в их распоряжение береговые батареи. Сторонники другой точки зрения, основываясь на опыте Первой мировой войны, предлагали создавать береговую оборону как полноценный род сил флота, органически входящий в него и постоянно готовый вести борьбу во взаимодействии с корабельными соединениями. Для этого в береговую оборону надлежало включить еще морскую пехоту, зенитные средства, сухопутную артиллерию, стрелковые и танковые части. Однако автор не развил мысль о практическом претворении в жизнь данного решения. Известно, что организационно состав береговой обороны наших флотов был определен, но к началу войны полностью сформировать ее не успели. Поэтому она была представлена в основном береговыми и зенитными батареями.

О серьезных просчетах в организации обороны военно-морских баз с суши Н.Г. Кузнецов упомина-

ет в книге «На флотах боевая тревога». Сухопутные и военно-морские силы к июню 1941 года не были объединены в военно-морских базах наших флотов, что отрицательно сказалось на ходе боевых действий в первые месяцы войны. К сожалению, Н.Г. Кузнецов в своих трудах не раскрыл всех проблем, касающихся состояния военно-морских баз БФ, не провел всестороннего анализа их роли в деле обеспечения сил и средств флота.

В воспоминаниях генерал-лейтенанта С.И. Кабанова «На дальних подступах» охарактеризована организация обороны военно-морских баз в Прибалтике. В период 1939—1940 гг. автор занимал должность коменданта береговой обороны Балтийского района, с марта 1941 года — командира военно-морской базы Ханко. В работе С.И. Кабанова описывается состояние базы к началу войны, в также во время обороны Ханко. Однако им почти не освещен вопрос о развитии береговой обороны Финского залива в 1921—1939 гг.

Крупным вкладом в историю флота стали труды Адмирала Флота Советского Союза С.Г. Горшкова¹³. К сожалению, вопросы сбалакирования флота рассмотрены в них только с точки зрения соотношения различных компонентов боевого потенциала, а проблемы соотношения обеспечивающего компонента (в том числе военно-морские базы) и ударных сил флота не исследовались.

В КОНЦЕ 1980 — начале 1990-х годов был снят гриф секретности с ряда работ и архивных документов. Следует отметить трехтомный труд исторического отделения военно-морского научного отдела Главного штаба ВМФ «Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»¹⁴. В первом томе характеризуется состояние Советских военно-морских сил накануне войны, в том числе базовое строительство и обеспечение сил ВМФ СССР.

Диссертация В.С. Шломина¹⁵ стала первым научным исследованием, в котором на основе архивных источников, постановлений партии и правительства освещены деятельность военно-политического руководства страны по подготовке тыла Советского ВМФ к войне и мероприятия по обеспечению его работы на Европейском театре. Многогранная деятельность тыла ВМФ и воевавших флотов заняла центральное место в этой фунда-

ментальной работе, поэтому формирование системы базирования на Балтийском театре было ограничено фрагментарной оценкой возможностей судоремонтных предприятий по восстановлению боевой готовности сил БФ накануне войны.

Количество публикаций, посвященных строительству ВМФ, значительно возросло в преддверии 300-летнего юбилея отечественного флота. В фундаментальном труде А.А. Раздолгина и Ю.А. Скоринова¹⁶ на основе архивных материалов подробно рассматривается история зарождения, становления и дальнейшего развития Кронштадтской крепости. Схемы, чертежи, фотографии делают книгу интересной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей. К сожалению, межвоенный период (1921—1941 гг.) рассмотрен бегло. Отметим, что книга В.Я. Крестьянинова¹⁷ несколько восполнила данный пробел.

В труде «Тыл флота: история развития»¹⁸ были исследованы вопросы развития тыла отечественного ВМФ как организационной структуры, а также деятельности центральных органов по совершенствованию системы базирования в масштабе всего флота. Вместе с тем проблемы развития Балтийского театра освещены фрагментарно.

Общие вопросы боевой деятельности отечественного ВМФ были в значительной мере переработаны с учетом новейших достижений исторической науки в трудах В.П. Зимонина, В.А. Золотарева, И.А. Козлова и В.С. Шломина¹⁹, Б.И. Родионова, Н.Ю. Березовского и В.Ю. Грибовского²⁰. Особое место занимает труд, выполненный авторским коллективом под руководством Б.С. Богданова²¹.

Наиболее близкой к исследуемой проблеме является работа П.В. Петрова²², где в первой главе рассматривается вопрос развития БФ в 1918—1939 гг. Автор делает вывод, что БФ, практически не развивавшийся в 1920-е годы и представлявший собой сугубо «прибрежный» флот, значительно вырос за годы первых пятилеток в количественном и качественном отношениях. В то же время подчеркивается, что на качестве боевой подготовки Балтийского флота сказались политические репрессии, развернувшиеся в 1937—1938 гг. В работе подробно показана боевая подготовка во всех крупных соединениях БФ накануне Советско-финляндской

войны. Автор подчеркивает, что в большинстве случаев подготовка личного состава в соединениях находилась на низком уровне, командный состав обладал недостаточными навыками в управлении кораблями, освоение новой материальной части шло чрезвычайно медленными темпами, а аварийность в частях БФ росла с угрожающей быстротой. Несмотря на проведенные в 1939 году многочисленные учения, как считает автор, ситуация в этой области не изменилась: неудовлетворительное боевое управление соединениями и дивизионами кораблей, совершенно неотработанное взаимодействие различных сил флота, неупорядоченная работа штабов и низкая организация морской разведки. Таким образом, в 1939 году БФ оказался неподготовленным к ведению боевых действий с Финляндией. Однако в своей работе П.В. Петров не уделит должного внимания вопросам базирования (военные порты, базы и т.д.).

В труде В.А. Золотарева и В.С. Шломина²³ впервые на основе рассекреченных архивных материалов показаны возрождение, становление и развитие отечественного ВМФ, разрушенного Первой мировой и Гражданской войнами. Здесь представлен анализ состояния флота перед Великой Отечественной войной, где наряду с вопросами состава ВМФ, организации тыла флота и его обеспечения, кораблестроения, вооружения раскрыта проблема базирования. Правда, она рассматривается в масштабе всего ВМФ.

Вопросы базирования Балтийского флота в межвоенный период нашли отражение в публикациях ряда авторов на страницах периодических изданий «Гангут», «Тайфун», «Морской сборник»²⁴, но они немногочисленны.

В последнее время во флотской и военной периодической печати рядом авторов²⁵ была предпринята попытка рассмотреть исторические аспекты формирования системы базирования Балтийского флота, однако эти работы носят отвлеченный характер и не освещают межвоенный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гаврилов Б.М. Требования к базированию // Морской сборник. 1936. № 7; 1938. № 7. С. 17, 21; Новицкий В.Б. Вопросы базирования // Морской сборник. 1931. № 8. С. 12—31; Ордынский О.Н. Основы боевой органи-

зации морского тыла. Задачи и методы службы тыла // Морской сборник. 1933. № 8. С. 20—32; Оленев П.В. Вопросы организации базирования // Морской сборник. 1931. № 12. С. 63—72; он же Оборудование баз для подлодок // Морской сборник. 1934. № 9. С. 16—31; Питерский Н.А. Защита портов и водных путей от воздушных нападений. Л.: Воениздат, 1933; Мобилизатор А.Б. Начальники «тыла» и «модернизация» портов // Морской сборник. 1925. № 8. С. 39—44; Смородин А.Н. Тактические требования к позициям и оборудованию береговых батарей крупного калибра для использования своих преимуществ при борьбе с современным флотом // Морской сборник. 1926. № 3. С. 36—43.

² Кузнецов П.А. Базы флота и техническая эксплуатация их оборудования. М.; Л.: Госвоенмориздат НК ВМФ СССР, 1941.

³ Ляхницкий В.Е. Морские сооружения. Л.: Лениздат, 1926; Морские порты. Л.: Лениздат, 1938; он же. Порт, его устройство и работа. Л.: Лениздат, 1928; Николаев Л.П. Организация и боевая деятельность береговой обороны. М.; Л.: Воениздат, 1930; Ермаков Н.Г. Оборона берегов и как флот помогает сухопутным войскам. М.; Л.: Воениздат, 1928; Петров М.А. Морская оборона берегов в опыте последних войн России. Л.: Воениздат, 1927; Радько К.С. организация базирования ВМФ. М.; Л.: Госвоенмориздат НК ВМФ СССР, 1940; Смирнов Б.М. Тактико-технические требования к ВМФ. М.: Воениздат, 1937; Яковлев В.В. Приморские крепости. Л.: Военно-морская академия РККА, 1926.

⁴ Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море. Ч. 1. М.; Л.: Госвоенмориздат НК ВМФ СССР, 1945—1946.

⁵ Чубриков К.Ф. Блокадные операции КБФ на советско-финляндской войне 1939—1940 гг.; Быков И.Н. Действия кораблей и авиации КБФ против береговых батарей и содействие огнем флоту армии в Финском заливе 1939—1940 гг.; Юзерский Н.Ю. Военные действия на Ладожском озере в течение советско-финляндской войны 1939—1940 гг. (см.: Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. р-1529, Оп. 1. Д. 16, 17, 75, 76, 77, 78, 80, 82).

⁶ Падалка Г.В. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1949; Анкасов В.И., Вайнер Б.А. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1957; Мушников А.Н. Балтийцы в боях за Ленинград. М.: Воениздат, 1955.

⁷ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 1—6. М.: Воениздат, 1962—1964; Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история. 2-е изд. М.: Воениздат, 1970.

⁸ Дмитриев В.И. Салют, Ленинград. М.: Воениздат, 1959; Мельников П.Е. Заплы с берега. М.: Воениздат, 1971; Бочкарев П.В. Разгром немецкого десанта у острова Сухо. Л.: Лениздат, 1949.

⁹ Камалов Х.Х. Морская пехота в боях за Родину. М.: Воениздат, 1966; Жданов Н.Н. Огненный щит Ленинграда. М.: Воениздат, 1965; Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. История развития и боевого применения 1921—1945 гг. М.: Наука, 1976.

¹⁰ Сб. материалов по истории военно-

го искусства в Великой Отечественной войне. Вып. V. Т. I—IV. М.: Воениздат, 1955; Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. статей. М.: Воениздат, 1956; Боевые действия Советской Армии в Великой Отечественной войне. Т. I—II. М.: Воениздат, 1958; Вторая мировая война 1939—1945 гг. М.: Воениздат, 1958; Боевой путь Советских Вооруженных Сил. М.: Воениздат, 1960; Битва за Ленинград 1941—1944 гг. М.: Воениздат, 1964; Оборона Ленинграда в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1959; Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Кн. I—III. Рига: Рижское книжное изд-во, 1966—1969.

¹¹ Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Под ред. К.А. Сталбо. М.: Воениздат, 1963; История военно-морского искусства. М.: Воениздат, 1969; Боевой путь Советского Военно-морского флота. 3-е изд. М.: Воениздат, 1974; Действия Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне. Сб. статей. М.: Воениздат, 1956; Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941—1944 гг. М.: Воениздат, 1973; Козлов И.А., Шломин В.С. Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда. Л.: Лениздат, 1976; Балтийский флот. Ист. очерк. М.: Воениздат, 1960; Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М.: Воениздат, 1989; Боевая летопись Военно-морского флота 1941—1942. М.: Воениздат, 1983.

¹² Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М.: Воениздат, 1962; Оборона Ленинграда 1941—1944 гг. Воспоминания и дневники участников. Л.: Лениздат, 1968; В огненном кольце. Воспоминания участников обороны города Ленина и разгром немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом. М.: Воениздат, 1963; Мы из Кронштадта. Сб. воспоминаний и очерков о Кронштадте в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1975; Мельников П.Е. На берегах Балтики. Калининград: Калининградское книжное изд-во, 1980; Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат, 1966; он же. На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971; он же. Курсом к победе. М.: Воениздат, 1975; он же. На далеком меридиане. М.: Наука, 1988; он же. Жизнь, отданная флоту. В сб. Флагианы. М.: Воениздат, 1991; Пантелеев Ю.А. Морской фронт. М.: Воениздат, 1965; он же. Полвека на флоте. М.: Воениздат, 1974; Гангут. 1941. Сб. воспоминаний. Л.: Лениздат, 1974; Таллин в огне. Сб. воспоминаний участников обороны Таллина и Моонзундского архипелага. Таллин: Ээсти Раамат, 1970; Воюет Балтика. Воспоминания военных моряков. Л.: Лениздат, 1964; Грищенко П.Д. Мои друзья — подводники. Л.: Лениздат, 1965; Виноградов Ю.А. Ключи залива. М.: Воениздат, 1964; Дмитриев В.И. Атакуют подводники. М.: Воениздат, 1970; Ладинский Ю.В. На фарватерах Балтики. М.: Воениздат, 1973; Смирнов Н.К. Матросы защищают Родину. М.: Политиздат, 1962; Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1961; Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград: Калининградское

книжное изд-во, 1968; он же. Подводники Балтики атакуют. Л.: Лениздат, 1963; Кабанов С.И. На дальних подступах. М.: Воениздат, 1971; Они сражались на Балтике. Сб. очерков. Л.: Лениздат, 1968; Иванов П.Н. Крылья над морем. М.: Воениздат, 1974.

¹³ Горшков С.Г. Военно-Морской Флот (История, проблемы современности). М.: Воениздат, 1973; он же. Морская мощь государства. 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1979.

¹⁴ Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне. В 3 т. М.: Изд. ГШ ВМФ, 1962.

¹⁵ Шломин В.С. Тыл ВМФ СССР в предвоенный период и в период Великой Отечественной войны: Дис. ... д-ра военно-морских наук. Л.: Военная академия тыла и транспорта, 1968.

¹⁶ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, 1988.

¹⁷ Крестьянинов В.Я. Кронштадт — крепость, город, порт. СПб.: Полигон, 2002.

¹⁸ Тыл флота: история развития / Под ред. И.Г. Махонина. М.: Воениздат, 1992.

¹⁹ Зимонин В.П., Золотарев В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. История флота государства Российского. В 2 т. М.: Терра, 1996.

²⁰ Родионов Б.М., Березовский Н.Ю., Грибовский Б.Ю. Три века Российского флота. В 3 т. СПб.: LOGOS, 1996.

²¹ Главный военный порт России. От Санкт-Петербургского военного порта до тыла Ленинградской ВМБ (К истории развития системы обеспечения сил флота). Военно-научный труд / Под ред. Б.Е. Богданова. СПб.: ЦКП ВМФ, 1999.

²² Петров П.В. Краснознаменный Балтийский флот в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2000.

²³ Золотарев В.А., Шломин В.С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. В 2 кн. М., СПб.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Издательство «Полигон»», 2004.

²⁴ Яценко В.К. В пламени Гражданской. Из истории Краснознаменной Ленинградской ВМБ // Советский моряк. 1991. 14 мая; он же. Пункты базирования кораблей и судов ВМФ // Морской сборник. 1999. № 12. С. 12—13; Бархатов А.Б. Балтийский порт // Нева. 1993. № 12. С. 282—284; он же. Кронштадт — щит Балтики. История и современность // Морская газета. 1995. 11 фев.; Селезнев И.К. Эх, Либава, Либава... // Советский моряк. 1992. 17 дек.; Петров П.В. Освоение Прибалтики: КБФ в Эстонии и Латвии (октябрь 1939 — февраль 1940 г.) // Тайфун, Военно-технический альманах. 2000. № 3, 4. С. 14—17, 8—14.

²⁵ Михайлов Ю.Г. Обеспечение сил ВМФ должно быть комплексным // Морской сборник. 2000. № 2. С. 21—24; он же. Военные порты России вчера и сегодня // Морской сборник. 2001. № 3. С. 23—31; Фоминых Ю.В. Военно-морские базы и пункты базирования // Морской сборник. 1999. № 12. С. 16—17; Косаченко М.С. О целесообразной структуре системы базирования тылового и технического обеспечения ВМФ // Морской сборник. 2000. № 5. С. 79—80.

Полковник В.М. КУРМЫШОВ

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

АКАДЕМИЯ военных наук совместно с руководящим составом Министерства обороны РФ в первой половине 2005 года планирует проведение военно-научной конференции «Уроки и выводы Великой Отечественной войны и перспективы развития современной военной науки и военного искусства».

Предполагается с высоты накопленных за 60 лет исторических знаний и фактов проанализировать опыт Великой Отечественной войны и, опираясь на него, главное внимание уделить вскрытию закономерностей и перспектив развития характера войн будущего, путей дальнейшего совершенствования строительства, подготовки и боевого применения Вооруженных сил.

В ходе конференции планируется обсудить следующие основные вопросы:

всемирно-историческое значение Победы во Второй мировой войне, достигнутой совместными усилиями Советского Союза, США, Великобритании, Франции и других стран антигитлеровской коалиции; уроки и выводы для предотвращения войн, вооруженных конфликтов и сотрудничества между народами в интересах обеспечения международной безопасности в современных условиях;

решающая роль советского народа и его Вооруженных сил в достижении победы над фашистской Германией и милитаристской Японией;

соотношение политики и военной стратегии; война и вооруженная борьба; рациональное сочетание политико-дипломатических, экономических, информационных и военно-стратегических усилий в интересах обеспечения оборонной безопасности страны; уроки 1939—1940 гг. для предотвращения современных военных угроз и поддержания должной боевой и мобилизационной готовности Вооруженных сил и других войск;

экономическая мощь, единство армии и народа, слаженная работа тыла страны и Вооруженных сил — важнейший фактор обеспечения победы;

борьба за военно-техническое превосходство в ходе войны; вклад оборонной промышленности и науки в дело достижения победы над врагом; проблемы оснащения Вооруженных сил и других войск современным вооружением;

важнейшие закономерности и тенденции развития военного искусства; развитие способов стратегического применения Вооруженных сил в период Великой Отечественной войны;

опыт войны и современные способы боевого применения общевойсковых объединений (соединений), ВВС и войск ПВО в крупномасштабной войне, в локальных войнах и антитеррористических операциях;

опыт войны и направленность развития и боевого применения ВМФ в будущих войнах;

развитие системы военного управления в период Великой Отечественной войны и основные направления ее совершенствования в современных условиях;

опыт войны и проблемы оперативного (боевого) обеспечения в современных операциях (разведка, инженерное обеспечение, защита войск от ОМП, маскировка, информационное противоборство, радиоэлектронная борьба, охранение и др.);

значение морального духа войск в боевой обстановке; направленность воспитания личного состава и пути морально-психологического обеспечения войск в современных операциях;

опыт войны и пути максимального приближения оперативной и боевой подготовки к условиям боевой действительности будущих войн и конфликтов; основные направления совершенствования системы военной службы и подготовки офицерских кадров в военно-учебных заведениях; необходимость обеспечения единства требований боевых и общевоинских уставов;

проблемы утверждения исторической правды о войне; актуальные задачи патриотического воспитания молодежи и личного состава Вооруженных сил; проблемы духовной безопасности народов России; пути преодоления фальсификации военной истории в исторической литературе и в деятельности СМИ.

ПЕРЕХОД К ВСЕСОСЛОВНОЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ И ДЕБАТЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ РОССИИ

МИРОВАЯ и отечественная практика военного дела свидетельствуют, что эволюция военной организации подвержена определенным тенденциям, которые обуславливают необходимость следования им и в процессе современного реформирования вооруженных сил.

Важнейшее направление такого развития связано с изменением системы комплектования армии и флота. Рекрутские наборы в XVIII—XIX вв. сменились в передовых странах всеобщей воинской повинностью населения. Вторая половина XX — начало XXI века выявили потребность перехода к профессиональной (контрактной) армии. Причем значительные преобразования в военной сфере не ограничиваются изменениями в вооруженных силах, а сопровождаются структурными переменами во всем силовом блоке государственного механизма, в различных областях общественной и государственной жизни. Вот почему судьба многих реформаторских проектов всегда зависела от позиции высших законосовещательных (законодательных) органов власти.

Таким органом в XIX веке в России являлся Государственный совет¹.

Представляет значительный интерес законотворческий процесс подготовки в Военном министерстве, а затем рассмотрения в Госсовете проекта Устава о всеобщей воинской повинности, определившего новый качественный уровень развития военного дела в России.

КНАЧАЛУ 1870-х годов рекрутская повинность была самой тяжелой для населения (ее несли лишь податная часть россиян: крестьяне, ремесленники, мещане). Военная служба отнимала значительную часть человеческой жизни. Известный военный деятель, авторитетный в общественных кругах член Госсовета, адмирал Н.С. Мордвинов с горечью писал о трудностях рекрутских наборов. Многие молодые люди старались скрыться, их родные брались под стражу, заковывались «в железы», поступали «с ними, как со злодеями». Кто побогаче, пытался откупиться, бедные, не имея средств и надежды на освобождение, калечили себя². Госсовет пытался регламентировать условия военной службы рекрутов. В первую очередь это делалось путем расширения социальной базы последних. К исполнению рекрутских обязанностей были привлечены евреи (1827), население западных губерний, военных поселений, лица духовного звания (1831), украинские казаки (1832), жители Царства Польского (1834).

В Госсовете шла и систематизация правового законодательства, связанного с рекрутской повинностью. Но принятый в 1831 году новый рекрутский устав был обречен в течение многих лет дополняться и совершенствоваться. В целях дальнейшего развития законодательной рекрутской практики при Втором отделении Собственной его императорского величества канцелярии в 1834—1862 гг. функционировал особый рекрутский комитет (в первые годы им руководил М.М. Сперанский). Он оказывал правовую помощь Госсовету в совершенствовании условий и организации рекрутских наборов (апробировался жеребьевый порядок; регламентировалась деятельность губернаторов, рекрутских присутствий, лиц, участвовавших в наборах и осуществлявших надзор за ними; рассматривались вопросы борьбы с уклонистами и пр.). В то же время в первой половине XIX века армия продолжала оставаться местом исправления преступников, порочных людей, бродяг. В этой связи можно сделать вывод, что деятельность

государственных структур не имела никакой связи с деятельностью по качественному комплектованию армии и флота. В то же время законодательная тематика Госсовета в названной области обширна (за период с 1826 по 1855 г. им подготовлено более 200 решений и заключений по рекрутским делам, утвержденным Николаем I).

В последующий александровский период военные события в Европе, преобразования в социально-экономических отношениях российского общества, вооруженных силах, рост численности армии и флота обусловили необходимость дальнейшего совершенствования рекрутской системы. Деятельность Госсовета в данном контексте во второй половине 1850—1860-х годов была направлена на облегчение рекрутской повинности для населения, ограждение войск от некачественного пополнения, правовое регулирование рекрутских наборов в западных регионах империи, пересмотр рекрутского устава. Учрежденная в 1862 году особая комиссия по пересмотру устава (председатель — член Госсовета Н.И. Бахтин) подготовила определенные изменения в императорские манифесты по рекрутским наборам. Отметим, что в 1868 году был введен институт военных заместителей (поступали на службу по контракту)³, просуществовавший в российской армии до 1873 года.

КАРДИНАЛЬНЫМ изменениям в системе комплектования вооруженных сил России способствовало в начале 1870-х годов осложнение международной обстановки в Европе. Член Госсовета, бывший глава МВД П.А. Валуев летом 1870 года стал свидетелем быстрой мобилизации прусской армии и последующего молниеносного разгрома Франции. Увиденное оказало на него огромное впечатление, навело на мысль о необходимости радикальных изменений в военной организации России, которые предотвратили бы возможность подобной катастрофы.

По приезду на Родину П.А. Валуев не только поддержал деятельность Военного министерства по изменению рекрутского устава, но

еще и высказался в беседе с Д.А. Милютиным за введение всеобщей воинской повинности в России. Одобряя П.А. Валуева, глава военного ведомства в целях успеха посоветовал последнему взять на себя инициативу такого предложения и изложить свои мысли в письме Александру II⁴.

Несколько дней спустя П.А. Валуев передал Д.А. Милютину свою записку «Мысли невоенного о наших военных силах». В ней целесообразность введения всеобщей воинской повинности обосновывалась событиями в Западной Европе, успехами германской армии (ее огромной численностью, которая достигалась в момент развертывания войск в военное время; четкостью действий военных и гражданских властей во время мобилизации; прохождением значительной частью населения школы воинской службы и пр.)⁵. 5 октября 1870 года Д.А. Милютин передал эту записку Александру II, а через день получил ее обратно со следующей резолюцией: «Совершенно совпадает и с твоими и моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут приводиться в исполнение по мере возможности»⁶. Таким образом, впервые поставившим прямо вопрос о введении всеобщей воинской повинности был П.А. Валуев.

В последующий период начинается системная работа военного ведомства в тесном контакте с государственными структурами, в том числе с Госсоветом, по подготовке перехода к новому порядку комплектования вооруженных сил. В плане, составленном Д.А. Милютиным и принятом императором, предлагалась следующая задача: на основе воинской повинности и сокращения сроков службы значительно увеличить возможность развертывания армии в случае войны⁷.

19 января 1873 года Д.А. Милютин направил в Госсовет обширную записку, подробно освещавшую ход и результаты работы созданных по указанию императора двух межведомственных комиссий (председатель — начальник Главного штаба генерал от инфантерии Ф.Л. Гейден)⁸, подготовивших проекты Устава о воинской повинности и Положения о государственном ополчении. Соответствующие материалы министр разослал для обсуждения отдельным главам ведомств и главноуправляющим, чьи интересы в той или иной мере соприкисались с предстоящей реформой⁹.

Для предварительного рассмотрения представленных проектов Александр II распорядился учредить Особое присутствие о воинской повинности¹⁰, первое заседание которого состоялось 2 апреля

1873 года. Началось оно с рассмотрения «самых оснований» законоположений («общее чтение проекта»). Такое обсуждение было необходимо, так как из ведомств поступили многочисленные замечания. С основополагающими началами не были согласны главноуправляющий государственным коннозаводством генерал-адъютант Р.Е. Гринвальд (высказывался против сокращения сроков службы, обосновывая позицию слабым развитием образования в стране, «опасностью» привлечения в войска в качестве нижних чинов лиц привилегированных сословий), руководители МИДа (его глава А.М. Горчаков выступал за постепенность введения положений о новой воинской повинности, сохранение выкупа). Прочие главы ведомств (в первую очередь министр народного просвещения Д.А. Толстой, представивший многочисленные изменения и дополнения) в своих предложениях не шли вразрез с основными построениями проекта устава, но настаивали на удовлетворении своих наработок¹¹.

МНОГОЧИСЛЕННОСТЬ предложений, подковерная борьба высших сановников, их личные интересы, возможность влиять на самого императора в решении военных вопросов предопределили непростой характер госсоветовских прений. Здесь многое зависело от активной роли руководства Военного министерства, в первую очередь Д.А. Милютина, его умения полемизировать с опытными оппонентами, благосклонности к реформаторским начинаниям Александра II, личной позиции и мастерства в ведении заседаний председателя Госсовета великого князя Константина Николаевича.

Основания для полного одобрения Госсоветом «главных начал» новой системы комплектования состояли в следующем: защита Отечества — священная обязанность каждого русского подданного; поступление на действительную военную службу решается жребием; замещения или откуп от службы не допускаются; 15-летний срок службы в армии делится на 6-летнее пребывание в рядах войск и нахождение в остальное время в запасе; не подлежащие поступлению в армию лица по вынужденному жребию зачисляются в состав гособолонки, которое создается в чрезвычайных военных обстоятельствах особыми императорскими манифестами. Только таким путем считалось возможно поднять военную службу «на ту высоту, на которой она стоит в других просвещенных государствах»¹².

Принятые «главные начала» активно защищались и аргументировались в процессе обсуждения в

Особом присутствии о воинской повинности и на общем собрании Госсовета великим князем Константином Николаевичем, Д.А. Милютиным, их поддерживавшими членами Госсовета Б.П. Мансуровым, Д.А. Оболенским, А.В. Головинным, К.В. Чевкиным, С.Н. Урусовым, П.А. Валуевым и др. Ответом критикам новой системы воинской повинности стали положения Госсовета о том, что Россия имеет «общее развитие военных сил с Западом» и нуждается в многочисленных людских резервах для возможного развертывания в чрезвычайных случаях, обуславливающих необходимость сокращения сроков службы; что для полной подготовки солдат пехоты требуется пять лагерных сборов, чему отвечает 6-летний срок службы; и что не словесное происхождение, а образовательный уровень должен находиться в основе льготного исчисления ратного процесса¹³.

Оппоненты милютинскому варианту реформирования системы комплектования в ходе обсуждения не сумели организовать в сплоченную группу. Лидерами оппозиции стали министр народного просвещения Д.А. Толстой, начальник Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии, шеф жандармов П.А. Шувалов. Их поддерживали по отдельным вопросам А.Е. Тимашев, К.И. Пален, А.М. Горчаков. Всех этих людей объединяли сословно-корпоративные интересы в армии; желание не допустить в офицерский корпус иных сословий, кроме дворянства, создать для «благородных сословий» особое, привилегированное положение в воинских частях, неприязнь к проводимой либерально-государственной политике Д.А. Милютина и великого князя Константина Николаевича.

СЛЕДУЕТ особо остановиться на позиции авторитетных военных чинов — членов Госсовета. Уже 2 апреля 1873 года генерал-фельдмаршалы А.И. Барятинский и Ф.Ф. Берг высказались за перенос начала призыва новобранцев с 1 ноября на 1 октября, обосновывая свое мнение нехваткой времени для обучения молодых солдат в войсках. С ними не согласился К.В. Чевкин, П.А. Валуев, М.Х. Рейтерн, считая позицию А.И. Барятинского и Ф.Ф. Берга узковедомственной, далекой от интересов казны. По расчетам первых, новобранцы не могли добираться в свои воинские части раньше второй половины декабря. Праздничные дни, холода, отсутствие казарменных помещений, содержание на казенный счет отодвигали начало их обучения на январь. К тому же следовало учитывать и крестьянские интересы: сроки поле-

вых работ, позднее возвращение сельчан с промыслов¹⁴.

Оставшись по итогам голосования в одиночестве генерал-фельдмаршалы перестали участвовать в прениях, а А.И. Барятинский начал пропускать и сами заседания Особого присутствия о воинской повинности¹⁵.

В ходе следующего обсуждения, 4 апреля, главноуправляющий 2-м отделением императорской канцелярии С.Н. Урусов предложил упразднить временные отпуска¹⁶ нижних чинов в связи с сокращением общих сроков службы (в противном случае требовались солидные расходы казны, существовала неопределенность в гражданском обустройстве солдат, падала их «нравственность»). Поддержав выступавшего, собравшиеся посчитали возможным предоставить военному министру право увольнять по своему усмотрению нижних чинов той или иной части до истечения 6-летнего срока службы с зачислением их прямо в запас¹⁷.

В конце заседания позиции вновь разошлись. А.М. Горчаков, А.И. Левшин, А.В. Адлерберг, А.Е. Тимашев и другие выступили против сохранения за военными чинами их гражданских должностей в случае призыва в армию. Остальные не поддержали сторонников А.М. Горчакова, более всех ратовавшего за такое ущемление прав солдат¹⁸.

Наиболее дискуссионными оказались статьи устава, регламентировавшие льготы по образованию. Они стали рассматриваться 14 апреля. Предусматривались разнообразные льготы как в отношении призыва на службу, так и по ее прохождению в войсках. При этом интересы образования соблюдались на всех ее ступенях службы, даже для лиц, поступавших в армию по жребию. Решением большинства членов Особого присутствия о воинской повинности учебные заведения относительно льгот в этой области распределялись на четыре категории (разряда): начальные народные школы (4 года действительной службы); уездные и городские училища, прогимназии (3 года); гимназии и реальные училища (2 года); университеты и высшие специальные заведения (1 год). Распределение было произведено в соответствии с объемом учебного курса и «предназначением самих заведений для различных специальностей», т.е. степенью их государственной потребности, нужды в специалистах¹⁹.

В то же время оппозиция приняла в этот день активную атаку на милютинский проект. Первым перешел в наступление П.А. Шувалов, предложивший выделить лиц, получивших образование, в особые учебные части, рас-

положив их в нескольких наиболее крупных городах, чтобы обеспечить особый надзор за ними правительственных органов. Обосновывалось это отсутствием благоприятных условий службы для образованных людей в частях, разбросанных по разным уголкам России, опасностью распространения с их стороны революционных идей среди нижних чинов. К мнению П.А. Шувалова присоединились А.Е. Тимашев, К.И. Пален, Д.А. Толстой, отчасти П.А. Валуев.

В СОЗДАВШЕМСЯ положении великий князь Константин Николаевич и Д.А. Милютин были вынуждены искать компромисс. В день очередного заседания 18 апреля они пригласили П.А. Шувалова, госсекретаря Д.М. Сольского и совместными усилиями нашли выход. Согласно выработанному ими положению молодые люди с образованием зачислялись в воинские части, дислоцировавшиеся в губернских и иных «значительных» городах в условиях казарменного расположения. Вне времени лагерных сборов они сводились в отдельные команды при штабах полков, бригад и дивизий²⁰. При обсуждении все их поддержали.

Целый ряд поправок был внесен Д.А. Толстым. Среди них отметим: а) предоставление отсрочек от службы в учебных заведениях тем учащимся, которые получают удостоверение от своего начальства об успешном освоении учебного курса; б) разрешение вольноопределяющимся из числа студентов университетов отбывать воинскую повинность в период пребывания в университете; в) разбивка учебных заведений по разрядам для определения сроков несения военной службы их питомцами с максимальным учетом позиции Министерства народного просвещения.

Основные замечания Д.А. Толстого были отклонены. Лишь его предложение о делении учебных заведений по разрядам члены Особого присутствия о воинской повинности признали уважительным. Д.А. Толстому следовало представить к осени 1873 года свои соображения по распределению заведений относительно военной службы²¹.

При обсуждении остальных разделов проекта на последующих заседаниях наиболее горячие споры происходили по вопросам отбывания воинской повинности вольноопределяющимися. Эта категория молодых людей получила право по желанию поступать на службу ранее достижения призывного возраста и на более сокращенные сроки. Здесь правительство преследовало две цели: облегчить «образованным классам» отбывание воинской повинности и обес-

печить армию и флот достаточным количеством офицеров.

Рассмотрение вопроса о службе вольноопределяющихся вновь натолкнулось на проблему образования. Д.А. Толстой настаивал в целях обеспечения высокого качественного уровня офицерского состава предоставить право поступать в войска лицам, окончившим не менее шести классов гимназии или реального училища. Принц П.Г. Ольденбургский и председатель Комитета министров П.Н. Игнатьев, выступая против предполагавшегося в ведомственном проекте допуска в вольноопределяющиеся окончивших учебные заведения третьего разряда, предлагали компромиссное решение: разрешить поступление в войска в составе этой категории военнослужащих лицам, окончившим курс в прогимназии или в первых четырех классах гимназии и реального училища.

Д.А. Милютин и великий князь Константин Николаевич отстаивали министерский вариант решения вопроса, позволявший поступать вольноопределяющимися лицам, окончившим заведения первых трех разрядов. Они также были озабочены невысоким образовательным уровнем идущих в армию, но шли на послабление ради полного укомплектования армии и флота офицерами. К тому же практика показывала, что воспитанники прогимназий и уездных училищ служили не хуже своих более образованных товарищей, о чем свидетельствовали многочисленные лестные характеристики командного состава войск в их адрес. Требовалось лишь установить специальный экзамен на знания и разработать в ближайшее время соответствующими ведомствами программу таких испытаний для вольноопределяющихся третьего разряда²².

Однако и здесь не обошлось без попыток дополнить проект. Министр юстиции К.И. Пален доказывал, что вольноопределяющиеся вправе сами выбрать место своей службы, включая округ, где они и их родители имели постоянное место жительства. Д.А. Милютин не видел особого вреда в таком подходе, но, по его мнению, нельзя было лишать Военное министерство права устанавливать пределы выбора вольноопределяющимися частей войск (в случаях, например, переизбытка кадров в том или ином округе, передислокации войск и т.д.). В результате ведомственная линия вновь оказалась поддержана большинством²³.

ПОТЕРПЕВ поражение в ходе работы Особого присутствия о воинской повинности, руководители оппозиции присту-

пили к новому противостоянию с авторами и сторонниками проекта устава. 26 ноября 1873 года Д.А. Толстой представил на имя Александра II записку, где пытался разъяснить спорные пункты этого документа и выдвигал ряд новых положений о льготах по образованию и условиям поступления на службу вольноопределяющимися. Назовем некоторые из них. Это установление лишь двух льгот (исключив промежуточные) по образованию: для окончивших начальную школу (3—4 года действительной службы) и для окончивших как минимум шесть классов среднего учебного заведения; предоставление высшего льготного положения для вольноопределяющихся; введение отсрочек по образованию только учащимся средних учебных заведений (студенты же должны отбывать воинскую повинность в период пребывания в университете)²⁴.

По указанию великого князя Константина Николаевича записка была разослана членам Госсовета.

Оппоненты пытались непосредственно влиять на Александра II, о чем свидетельствуют дневниковые записи Д.А. Милютин и великого князя Константина Николаевича²⁵.

На начавшемся общем собрании Госсовета по обсуждению Устава о воинской повинности 3 декабря Д.А. Толстой, реализуя положения своей записки, при поддержке П.А. Шувалова выступил против проектных льгот по образованию. С его точки зрения, чем больше будет дано льгот участвовавшим в жеребьевке, тем меньшее число лиц пойдет вольноопределяющимися в армию. Поэтому, считал Д.А. Толстой, сроки службы чинов по жребию должны отличаться большой протяженностью, они (даже из студенческой среды) могли бы назначаться на черные работы в войсках. А офицерские звания им следовало присваивать только за «особые отличия и военные подвиги».

В свою очередь Д.А. Милютин отвечал, что лица с гимназическим образованием часто не желают продолжать военную службу, увольняются, находя престижные места на гражданке. Пример юнкерских училищ показывал, что молодые люди с меньшим образовательным уровнем служат честнее и долгие сроки²⁶.

В конце заседания Д.А. Толстой смирился с позицией большинства членов Госсовета и даже вступил с Д.А. Милутиным в предварительные переговоры, стремясь отстоять остальную часть своих наборок к уставу. В роли посредника выступал П.А. Валуев, который вместе с П.А. Шуваловым вел переговоры с военным министром.

Примирительный процесс привел к взаимным уступкам уже на втором заседании, проходившем 11 декабря. Со своей стороны Д.А. Милютин согласился, что вольноопределяющиеся третьего разряда в случае производства их в офицеры получают права на личное дворянство лишь по истечении трех лет службы в офицерском звании²⁷.

Однако в конце заседания в полемику вступила «тяжелая артиллерия» милютинских противников в лице члена Госсовета К.П. Победоносцева, открыто поставившего вопрос о дворянских привилегиях в армии. «Перед будущим армии бледнеет все прочее, даже интересы образования», — заявил он. Дух армии, по его мнению, составляет дворянский корпус, и надо вооруженные силы защитить «от толпы проходивцев», которые понизят этот дух. К.П. Победоносцев поставил вопрос о производстве в офицеры вольноопределяющихся третьего разряда лишь при условии принадлежности их к дворянскому сословию, однако большой поддержки, кроме С.Г. Строганова, П.А. Шувалова, С.Н. Урусова, не получил²⁸. В последующих выступлениях К.П. Победоносцев пытался изменить некоторые законоположения, предусматривавшие отдачу в солдаты лиц с революционными устремлениями, пересмотреть вопрос об отбывании воинской повинности евреями. Но Госсовет с ним вновь не согласился²⁹.

В то же время представлять дебаты только в черно-белой двухполюсной интерпретации позиций было бы не совсем верно. Документы свидетельствуют, что по целому ряду вопросов отдельные представители противоположных сторон голосовали солидарно. Так, великий князь Константин Николаевич и П.А. Шувалов действовали согласно по вопросам службы в армии еврейского населения, А.В. Головин и Д.А. Толстой поддерживали друг друга, считая возможным отбывание воинской повинности студентами в период обучения в университетах³⁰.

В целом же по всем основным спорным пунктам восторжествовала точка зрения Военного министерства, поддержанная большинством Особого присутствия о воинской повинности.

В ЗАВЕРШЕНИИ анализа уставных положений о воинской повинности отметим некоторые условия и причины успеха милютинско-константиновской позиции в прохождении судьбоносного для вооруженных сил законопроекта о новой системе комплектования: а) принятие Устава о всеобщей воинской повинности 1874 года стало послед-

ним аккордом преобразовательного процесса в военном ведомстве периода Александра II; наступлению консервативной волны в различных областях социально-экономической, политической жизни, в том числе и в военной сфере, начавшемуся еще до эпохи царя-миротворца (Александра III) инициаторы преобразований попытались противопоставить неизрасходуемый резерв реформаторских идей; сложная военно-политическая обстановка в Европе и объективные потребности приведения военной организации в соответствие с зарубежными образцами способствовали предпринятым начинаниям; б) позитивному результату содействовала позиция Госсовета, в первую очередь его председателя — великого князя Константина Николаевича, на продолжение изменений в государственной системе страны (значительная часть голосовавших не посмела перечить представителю императорской семьи); в) реформированию системы комплектования в Госсовете не мешали влиятельные военные круги (в том числе А.И. Барятинский, активно выступавший против милютинской системы управления); главе военного ведомства противопоставили свои амбиции крупные гражданские чины и руководители ряда инстанций, непосредственно не соприкасавшиеся с организацией военного дела, с армией и флотом, что обеспечило успешное противоборство с ними.

По окончании последнего, четвертого общего собрания Госсовета 17 декабря 1873 года великого князя Константина Николаевича «со всех сторон поздравляли с благополучным окончанием дела и с мастерским председательствованием», что принесло ему немало приятных минут³¹.

1 января 1874 года рассмотренный Госсоветом Устав о воинской повинности был утвержден Александром II, а также подписан специальный манифест по этому поводу.

Благотворное влияние нового устава на дальнейшее развитие вооруженных сил общеизвестно. Вместе с тем последствия нового закона оказались не во всем однозначными. Отметим лишь некоторые из них.

Существовала преемственная связь в наличии разнообразных льгот по семейному положению между уставами 1831 и 1874 года, что естественным образом облегчало хозяйственное положение многочисленных крестьянских семейств страны. По подсчетам военного историка генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, 48 проц. молодых людей освобо-

ждалось от ежегодного призыва в армию и на флот по семейным обстоятельствам (для примера назовем Францию — 0 проц., Германию — 2 проц.)³².

Распределен социально справедливо, насколько это было возможно, тяготы воинской повинности в мирное время среди населения, Госсовет и военное ведомство обозначили значительно слабее социальный аспект в военный период. Получалась, к примеру, такая своеобразная ситуация. Молодой парень, отслужив действительную службу, зачисляется в запас. Через годы, уже будучи главой большого семейства, он (вплоть до 40 лет) вновь призывался в военные условия в войска, тем самым дважды «жертвуя» собой на благо Отчизны. Его сын же мог попасть молодым в ополчение по удачному жребью и в чрезвычайный период его «бронировал» закон. В годы Первой мировой войны такие правовые казусы способствовали социальной напряженности в российской деревне.

Освобождение почти половины ежегодного призыва по семейному положению от несения службы привело к значительному снижению требований воинских присутствий к физической годности новобранцев. При наличии значительного числа здоровых людей, определяемых в ополчение, воинские части стали получать все большее число лиц с физическими недостатками.

Обеспечив потребности различных отраслей государственной и общественной жизни в грамотных людях различными льготами по образованию, устав, с одной стороны, отказался от словесных и имущественных привилегий, а с другой — способствовал проявлению новой «белой кости» в лице представителей интеллигенции. Образовательный уровень офицерского состава повысился в значительной степени так и не удалось³³.

ПОСЛЕ принятия Устава в среде Госсовета и руководства Военного министерства возникло опасение, что его практическая реализация будет затруднена действиями группы П.А. Шувалова. Член Госсовета Д.А. Оболенский, а вслед за ним и Д.А. Милютин высказали великому князю Константину Николаевичу мысль о создании постоянного органа под руководством последнего с целью наблюдения за осуществлением нового закона на практике³⁴.

1 января 1874 года на имя председателя Госсовета великого князя Константина Николаевича был направлен императорский рескрипт с выражением искренней признательности за его «теплое участие» в рассмотрении воп-

росов воинской повинности³⁵. В течение следующего дня Константин Николаевич представил Александру II доклад «О необходимости сохранения при Госсовете Особого присутствия о воинской повинности», в котором обозначил основные приоритеты его функционирования³⁶. Окончательную точку в этом вопросе поставили 4 января заседания Совета министров, одоббившее константиновское предложение, а также повеление императора о начале постоянного функционирования при Госсовете на правах департамента Особого присутствия о воинской повинности³⁷.

Практика оправдала такое решение. Уже первый призыв по новым правилам 1874 года прошел быстро и организованно. С одинаковым успехом были исполнены и последующие призывы³⁸. Присутствие выполнило поставленную перед ним задачу, рассмотрев около 200 проектов в процессе доработки законодательной базы новой системы комплектования армии и флота. Новый император Александр III в 1881 году повелел завершить работу Особого присутствия о воинской повинности, а неоконченные дела передать в департамент законов Госсовета³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный совет России (1810—1917 гг.) — высшее законосовещательное учреждение, с 1906 г. — верхняя законодательная палата парламента. Обсуждаемые в его департаментах законопроекты выносились на общее собрание и после утверждения императором получали силу закона. Состоял из назначенных царем высших сановников. Министры являлись членами Госсовета по должности. С 1906 г. получил законодательную инициативу, и уже половина его членов стала избираться общественными кругами.

² Российский государственный военный-исторический архив (РГВИА). Ф. 154. Оп. 1. Д. 74. Л. 20—22.

³ Военные заместители — нанимаемые казной на добровольной (контрактной) основе в ряды армии и флота как отслужившие свой срок нижние чины, так и гражданские лица, не имевшие рекрутской практики.

⁴ См.: Дневник Д.А. Милютин. В 4 т. М.: Типография журнала «Пограничник», 1947. Т. 1. С. 39.

⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 169. Пап. 22. Д. 45. Л. 1—11.

⁶ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. М.: АН СССР, 1961. Т. 1. С. 46.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 345. Л. 23—31.

⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 226. Оп. 1. Д. 72. Л. 1; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М.: МГУ, 1952. С. 306—314.

⁹ ОР РГБ. Ф. 169. Оп. 1. Карт. 24. Д. 42.

Л. 1—4; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1246. Оп. XVI т. 1874. Д. 1. Ч. 2. Л. 1—945.

¹⁰ Особое присутствие о воинской повинности состояло из председателя — великого князя Константина Николаевича и членов: председателей и членов департаментов законов и государственной экономики, а также отдельных членов Госсовета: наследника престола великого князя Александра Александровича; великих князей Михаила Николаевича и Николая Николаевича, принца Петра Георгиевича Ольденбургского; генерал-фельдмаршалов: А.И. Барятинского и Ф.Ф. Берга; генерал-адъютантов П.Н. Игнатьева, А.А. Суворова, В.К. Ливена; П.А. Валуева; министров: императорского двора, военного, финансов, внутренних и иностранных дел, юстиции, народного просвещения, управляющего морским министерством (см.: Отчет по делопроизводству Госсовета за 1873 г. СПб.: Типография 2-го отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1875. С. 73).

¹¹ РГИА. Ф. 1246. Оп. XVI т., 1874. Д. 1. Ч. 2. Л. 412—862; там же. Ч. 3. Л. 1—2.

¹² Отчет по делопроизводству Госсовета за 1873 г. С. 78—79.

¹³ Там же. С. 79—92.

¹⁴ РГИА. Ф. 1246. Оп. XVI т., 1874. Д. 1. Ч. 3. Л. 17—25.

¹⁵ Дневник Д.А. Милютин. Т. 1. С. 81.

¹⁶ Временные (бессрочные) отпуска — практиковавшиеся в XIX столетии увольнение нижних чинов до окончания общего срока службы с целью создания обученного людского запаса.

¹⁷ РГИА. Ф. 1246. Оп. XVI т., 1874. Д. 1. Ч. 3. Л. 29—34.

¹⁸ Там же. Л. 49—53.

¹⁹ Там же. Л. 160.

²⁰ Там же. Л. 105—115, 145—146; ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 103. Л. 45—47.

²¹ РГИА. Ф. 1246. Оп. XVI т., 1874. Д. 1. Ч. 3. Л. 136—144, 161—174.

²² Там же. Л. 227—250.

²³ Там же. Л. 250—254.

²⁴ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 80. Л. 90—123.

²⁵ Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 50—51.

²⁶ Дневник Д.А. Милютин. Т. 1. С. 107—108.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 285. Л. 1—5.

²⁸ *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 329.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 285. Л. 6—10.

³⁰ Там же. Л. 20—22.

³¹ Там же. Л. 12—13; ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 70.

³² ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 70.

³³ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. С. 32—35.

³⁴ Там же. С. 36—47.

³⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 79—81.

³⁶ Крупные заслуги Д.А. Милютин в деле проведения военной реформы были официально признаны в рескрипте Александра II от 11 января 1874 г. (см.: *Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. М.: Изд-во Кушмерев И.Н. и К°, 1900. С. 501).

³⁷ ОР РГБ. Ф. 169. Пап. 23. Д. 14. Л. 1—2.

³⁸ Государственный совет. 1801—1901. СПб.: Изд-во Гостипография, 1901. С. 120.

³⁹ Министерство внутренних дел. 1802—1902. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1901. С. 139.

⁴⁰ Государственная канцелярия. 1810—1910. СПб.: Изд-во Гостипографии, 1910. С. 34.

ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО — ЛЮДИ

Обложка книги

В 1974 году в нашей стране была основана книжная серия «Богатство наследия России». Недавно она пополнилась книгой под тем же названием*. Ее автор — участник Великой Отечественной войны, лауреат Государственной премии СССР генерал-полковник в отставке И.М. Голушко. Он прошел трудный и вместе с тем почетный, особенно для молодежи, жизненный путь, поэтому ему есть что сказать читателям.

Книга И.М. Голушко — это не просто история нашей страны со времен собирания Руси и до наших дней, но и размышление о прошлом, настоящем и немного о будущем. Такая связь закономерна, ибо что есть сегодня, становится вчерашним, прошедшим, а то, что может быть завтра, ощущается уже сегодня. Автор как бы пропускает через свое мировоззрение все многообразие отечественных исторических событий, а также тех, к которым сам был причастен, и сетует, что новое поколение плохо использует богатый исторический опыт, великое наследие России и Советского Союза.

В то же время читатель найдет в книге интересные, ранее мало известные исторические факты, в том числе касающиеся организации

службы Тыла в послевоенное время, а также массу данных по экономике как до, так и после Октябрьской революции.

Надо отметить весьма удачную структуру книги, особенно ее III и IV глав. Как военный специалист высокого класса автор убедительно показал зависимость боевой готовности видов и родов войск от уровня развития экономики страны и их материально-технического обеспечения. Иван Макарович выстроил стройную цепочку связи экономики страны с Вооруженными силами, показал места их соприкосновения, возможные разрывы этой цепочки и способы их устранения на практике.

Особое достоинство его труда, на мой взгляд, состоит в исследовании истории военных реформ и их значения для укрепления военной мощи государства. К сожалению, реформирование армии и флота не всегда приводило к намеченным результатам, и автор показывает причины этого. Не обошел вниманием И.М. Голушко и события последнего десятилетия в нашей стране.

В послесловии к книге автор вспоминает отдельных военных деятелей, с кем ему приходилось встречаться и служить, руководителей центрального аппарата Министерства обороны, показывает формы и методы взаимодействия Генерального штаба с экономическими органами страны.

*Полковник в отставке
П.И. ВЕЩИКОВ*

ПЕРВЫЙ БРОСОК НА ЮГ

ОД ТАКИМ названием в серии «Военно-историческая библиотека» сравнительно недавно вышла в свет новая книга** российского историка, посвященная двум наиболее значительным военным кампаниям XVIII—XIX вв. — русским походам в Крым и Среднюю Азию. Книга состоит из двух повестей. Первая «Битва со степью» посвящена в основном периоду правления Анны Иоанновны, когда не только

начали возрождаться армия и флот, но и делались настойчивые попытки укрепить влияние России и ее границы, особенно на юге, где все сильнее ощущалось противоборство между двумя империями — Российской и Османской. При этом для первой рубеж XVII—XVIII вв. стал временем роста, для второй — временем заката. Россия, постепенно наращивая на юге свои силы, стремилась подчинить Крым, что означало бы выход к Черному морю. Автор довольно подробно рассказывает об истории вопроса, о вооруженных силах сторон, о деятельности графа Б.-К. Миниха по укреплению южных рубежей России и его походах на Азов и Бахчисарай.

Все события рассмотрены в контексте с геополитическим положением страны и международной ситуацией, при этом дается подробный анализ состояния русской армии во второй четверти XVIII столетия, рассматривается состав различных родов войск, подготовка и обучение солдат и офицеров, вооружение. Автор также большое внимание уделяет военным реформам Б.-К. Миниха, вычленяет их сильные и слабые стороны. Следует заметить, что, за исключением дореволюционного историка А.К. Байова, в отечественной литературе практически не предпринималось попыток дать комплексный анализ состояния армии в это время, так что работа А.А. Михайлова успешно восполняет данный пробел. Крайне интересны также приводимые автором сведения о состоянии вооруженных сил Османской империи, о попытках их европеизации, предпринятых при помощи европейских военных специалистов. В заслугу автору надо поставить и то, что в обзоре военных действий он достаточно подробно рассматривает как действия сухопутных войск, так и русского флота на Черном море, тем самым представляя обстановку на театрах военных действий в целом. И хотя действия эти были, как известно, не столь успешны и принесли огромные человеческие потери, Михайлову удалось показать, что они являлись прологом к последующим блистательным победам Румянцева и Суворова. Главное же, что автор открыл перед современным читателем почти не-

Суперобложка книги

известную, но увлекательную, богатую событиями, страницу отечественной истории.

То же самое можно сказать и о второй части книги — повести «Битва с пустыней». А.А. Михайлов представляет читателю глубокую ретроспективу отношений России с государствами Средней Азии, показывает политические и экономические причины, побудившие российское правительство начать наступление на земли Бухарского, Кокандского и Хивинского ханств. Автором подробно рассмотрены военные действия в 1852—1875 гг., показано, как русская армия постепенно, ценой жестоких ошибок овладела специфической «борьбы с пустыней».

Наряду со служебными документами в книге широко используются мемуары современников, позволяющие увидеть события тех давних лет глазами их очевидцев и участников.

К сожалению, автор не касается событий, последовавших за Хивинским походом 1875 года. Впрочем, они вполне могут стать темой самостоятельного исследования. Среди недостатков книги следует отметить, что в первую ее часть почему-то попали иллюстрации, посвященные событиям начала XIX века, а никак не первой четверти XVIII (портреты П.И. Багратиона, М.А. Милорадовича и др.). Тем не менее книга А.А. Михайлова вносит заметный вклад в освещение малоизвестных страниц российской истории, тех «неизвестных войн», которые вела империя на протяжении многих десятков лет и политико-экономическое значение которых было в конечном итоге весьма велико.

Полковник С.Н. КОВАЛЕВ

* Голушко И.М. Богатство наследия России. М.: Типография «Россельхозакадемии», 2004. 300 с.

** Михайлов А.А. Первый бросок на юг. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. 429 с., ил.

АКАДЕМИЯ ЮНЫХ ВОЕНМОРОВ

Факты и иллюстрации для этой публикации взяты из книги, посвященной 60-летию Великой Победы и переданной в дар редакции журнала председателем Центрального совета ветеранов Соловецкой школы юнг — участников Великой Отечественной войны и юнг Военно-морского флота РФ и СНГ. В основу книги (составитель и редактор Ю.К. Комаров, консультанты вице-адмирал запаса А.А. Побожий и капитан 1 ранга в отставке Н.В. Осокин) легли воспоминания бывших наставников и питомцев уникального военно-морского заведения. Содействовали же изданию этого примечательного труда администрация Архангельской области, Главный штаб ВМФ, командование Северного флота, сотрудники Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника, пресс-служба Архангельского областного собрания депутатов, руководство АКБ «Славянский банк».*

СОЛОВЕЦКАЯ школа юнг открылась в 1942 году и сразу же стала заветной для добровольцев-подростков, чьи деды, отцы, старшие братья сражались на фронтах Великой Отечественной. Первым ее начальником (июль 1942 — март 1943 г.) был Николай Иванович Иванов. При нем закладывалась материально-техническая основа школы, начиналось формирование ее командно-преподавательского состава. Эта работа успешно продолжалась и совершенствовалась в период, когда школу юнг возглавлял Николай Юрьевич Авраамов (март 1943 — май 1944 г.). Кадровый флотский офицер, окончивший в дореволюционное время Морской корпус и пользовавшийся у подчиненных непререкаемым авторитетом, он в октябре 1917-го был избран командой эсминца «Лейтенант Ильин» командиром корабля. Безмерно любили и уважали своего «батю» воспитанники школы юнг.

С почтением относились юные военморы и к бессменному комиссару Соловецкой «флотской обители» Сергею Сергеевичу Шахову — чуткому, доброжелательному и требовательному наставнику. Став в январе 1943 года заместителем начальника школы по политчасти, Шахов добивался, чтобы необычное военно-учебное заведение стало

своеобразной «ребячьей академией» для подготовки подростков к службе на кораблях.

Воспоминаниями капитана 1 ранга запаса С.С. Шахова, умершего в 1997 году, и открывается мемуарная часть книги. За ними следуют очерки юнг различных наборов, представителем первого из которых являлся Виталий Григорьевич Гузанов, после окончания школы служивший рулевым и сигнальщиком на морских тральщиках Северного флота. Впоследствии капитан 1 ранга в отставке В.Г. Гузанов стал известным сценаристом, редактором и режиссером документального кино, в 1968—1972 гг. возглавлял киностудию Министерства обороны СССР, с 1980 по 1988 год был литературным консультантом Союза писателей РСФСР. Он автор многих популярных книг.

Воспитанник Соловецкой школы юнг первого набора Борис Васильевич Анфимов тоже после учебы продолжил службу на Северном флоте, служил в экипаже эсминца «Громкий». Об этом незабываемом этапе своей жизни он вспоминал так: «С первых дней мне была поручена служба времени на корабле. Во всех отсеках, каютах и рубках находились часы с недельным заводом. Раз в неделю в одно и то же время я должен был их заводить и устанавливать точное время по личному хронометру. Я должен был также проводить через каждые четыре часа метеонаблюдения и заносить данные в журнал».

* Соловецкие юнги. М.: Гуманитарный центр «Монолит», 2004. 408 с., ил.

В составляющих основу книги воспоминаниях бывших юнг, преисполненных гордостью за Отечество, Военно-морской флот, нынешнее поколение молодых патриотов найдет достойный пример для подражания.

Н.И. Иванов

Н.Ю. Авраамов

С.С. Шахов

В.С. Пикуль

В.Г. Гузанов

Группа юнг-ветеранов в день 40-летия Победы

Москвичи-ветераны первого набора Соловецкой школы юнг

Торжественное открытие Музея боевой славы воспитанников Соловецкой школы юнг в московской школе № 349

Бывшие
питомцы
Соловецкой
школы юнг в день
ее 60-летия

Москвичи-
ветераны школы
юнг второго
набора

Москвичи-
ветераны школы
юнг третьего
набора

Почетный караул у памятника в честь
воспитанников Соловецкой школы юнг

К.А. КУЗНЕЦОВ

КАДЕТСКИЕ ГОДЫ

Воспоминания В.М. Догадина

В.М. Догадин

«Прощайте, господа кадеты»

ПЕРЕИДЯ в 5-й класс, мы остались все в той же 2-й роте, а в 1-ю опять перевели только 1-е отделение нашего класса. Мы им завидовали, так как в 1-й роте переведенные получали некоторые преимущества: во-первых, воспитатели обязаны были кадет 1-й роты называть не на «ты», а на «вы», во-вторых, хотя и полулегально, но они имели право курить, впрочем, только в уборной; в-третьих, строевые занятия у них проводились с настоящими ружьями системы Бердана.

Пребывание в 1900/01 учебном году сопровождалось некоторыми событиями.

Наш директор генерал-лейтенант Ф.М. Самоцвет в этом году отмечал 35-летие своей службы в корпусе. Мне, как первому ученику старшего класса в роте, было поручено произнести краткое приветствие от лица кадет 2-й роты в тот момент, когда он после службы в церкви в полной парадной форме войдет в столовую. На мое приветствие Самоцвет ответил мне поклоном, затем поздоровался с ротой.

В том же году исполнилось 75 лет со дня основания нашего Неплюевского кадетского корпуса. В связи с этим в церкви проходило торжественное богослужение, которое совершал архиерей. Преподаватель П.П. Мей, оказавшись в церкви возле меня, подарил мне просфору, поздравил с юбилейным праздником и пожелал приехать на празднование столетнего юбилея в 1925 году в чине полковника.

Когда в 1916 году я получил чин подполковника, а в 1917-м уже выслужил на полковника, мне казалось, что пожелание моего учителя было довольно скромным, так как к 1925-му я мог быть и генералом.

Однако дальнейшие исторические события не только лишили меня возможности стать генералом, но даже и полковника я не успел получить, да, вероятно, и к лучшему...

Тогда же к нам в Оренбург для инспектирования обоих кадетских корпусов приезжал главный начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович. Он был известен как поэт под псевдонимом К.Р. (Константин Романов).

К воспитанникам он всегда относился с отеческим вниманием. У него было шесть человек детей. Всякий раз, встречая впоследствии кого-нибудь из юнкеров, он имел обыкновение угадывать его фамилию. «Постой, постой! — говорил он при этом. — Твоя фамилия начинается на "а"?» — «Так точно, ваше императорское величество, на «а»». «А вторая буква «о»? — продолжал великий князь. «Так точно «у», — отвечал юнкер. И так продолжался разговор до последней буквы. Юнкера, знавшие эту манеру великого князя вести стандартный разговор, нередко стремились уклониться от встречи с ним. Но память на лица у Константина Константиновича действительно была исключительной, как, впрочем, у большинства высокопоставленных лиц.

Побывав в классах на уроках, Константин Константинович потом пришел в столовую, где мы сидели за завтраком. Ему тоже предложили попробовать пищу за особым столом. «Нет, нет, я сам выберу себе место», — сказал князь, направившись к нашему столу, который был средним из всех столов, расположенных под стеной. А

так как я сидел как раз в середине этого стола, то он подошел сюда и, раздвинув нас с моим товарищем Степановым, сел на скамейку между нами и принялся за завтрак. Во время еды он запросто беседовал с нами, спрашивал фамилию каждого из нас, интересовался, что мы видели во сне, не снилось ли нам, что мы видели себя офицерами. А тем временем он приглядывался, чисто ли мы умыты и одеты, как мы пострижены, для этого он даже повернул руками мою голову, чтобы взглянуть на мой затылок. Каждому по его просьбе он подписывал на память свой портрет и снимался на карточки, а кадеты поднимали его на руки, причем пытались также на память оторвать пуговицы у его сюртука, впрочем вовремя были замечены в этом и уличены. Пробыв у нас несколько дней, князь переехал на 3 дня во 2-й Оренбургский корпус для его осмотра, а затем выехал из Оренбурга для инспектирования других корпусов. На время его пребывания нашу пищу несколько увеличили в объеме и улучшили по качеству. В дальнейшем Константин Константинович состоял президентом Академии наук.

С переходом в 6-й класс наше отделение одновременно перешло в 1-ю роту. Кадеты стали как-то сдержаннее и солиднее. Здесь уже не было ни шалостей, ни беготни и криков, которыми отличались кадеты 3-й роты, ни нарушений дисциплины, как это бывало во 2-й роте. С возрастом все стало серьезнее и внимательнее к своим обязанностям и урокам. Впрочем, нужно отметить, что и в младшей роте не бывало особенного шума и гамы (как это наблюдается обычно в современной школе). Шумели и иногда пробегали по коридору лишь одиночки, сейчас же приводимые к порядку дежурным дядькой.

Ну вот я и в седьмом, т.е. последнем классе корпуса...

Невольно вспоминается время, когда я был мальшом первого класса. Глядя снизу вверх, с высоты своего низкого роста на высокие фигуры кадет седьмого класса, я считал их существами высшего порядка. Они говорили баском и были к нам так снисходительны. А чтобы достигнуть их положения, нам тогда надо было проучиться целых семь лет! Это казалось таким длинным сроком, в который нужно было преодолеть несколько препятствий и приложить столько труда, что достижение представлялось почти невозможным. Мы всегда с любопытством наблюдали за кадетами выпускного класса и старались везде и во всем им подражать. Впрочем, я не так давно убедился, что в вопросе подражания могут быть и исключения.

В 1933 году в возрасте 49 лет я участвовал в строительстве военного санатория «Архангельское». Однажды по дороге на работу наш делопроизводитель М.С. Корсакова спросила меня: «Скажите, Вы не учились в Неплюевском кадетском корпусе?» — «Да, учился, а что?» — «Значит, мой отец учился с Вами. Вчера я при нем упомянула вашу фамилию, а он попросил меня описать вашу внешность, высказав мысль о том, что Вы с ним вместе учились, и вот теперь его предположение подтвердилось».

С.А. Корсаков учился старше меня на два класса и был

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2004. № 9, 10, 11.

уже во 2-й роте, когда я пребывал только в 1-м классе.

При нашей встрече у его дочери он описывал мне, как я выглядел в те далекие времена. По его словам, я всегда держался прямо и был подтянут, гимнастерка была аккуратно расправлена со сборками сзади, пояс туго затянут, фуражка казалась всегда новой и правильно сидела на голове, что ему даже хотелось мне подражать, несмотря на то, что я был моложе его, а ведь старшие обычно даже не замечают младших, не то чтобы им подражать. Значит, могут быть исключения из этого правила, так как я не вижу оснований не верить искренности Сергея Александровича.

13 сентября, в день храмового праздника, меня вместе с другими лучшими учениками класса произвели в вице-унтер-офицеры. На погонах у нас появился золотой галун, окаймляющий их по краям, в ротном строю мы стали занимать места взводных и отделенных командиров, а первый ученик по всему седьмому классу В.Г. Бошепатов получил звание вице-фельдфебеля и дополнительный продольный галун посредине погона.

Теперь я команду своим классом, когда вожу его в физический кабинет, расположенный в помещении 3-й роты, при этом перед лицом малышей в голосе у меня слышатся басовитые нотки, я немного важничая, подражая П.В. Сахарову, который был фельдфебелем в то время, когда я учился в 1-м классе. Словом, история повторяется.

На рождественские каникулы, 2 января, в день годовщины основания корпуса был устроен в нашей роте традиционный ежегодный бал, руководство подготовкой к которому было возложено на меня. Поэтому я заведовал украшением танцевального зала, под который была отведена наша огромная спальня на 100 человек. В ней был паркетный пол и как раз к этому времени проведено электричество, а до того такое освещение было сделано только в церкви за счет пожертвования Оренбургского богача Шотта, дети которого учились в корпусе.

Все кровати, конечно, были вынесены, а на стены повешены украшенные зеленью и флагами портреты императорской четы и щиты с фигурами из разнообразных частей винтовки и фехтовального оружия. Будучи в корпусе, я очень охотно и умело танцевал, поэтому на балу был дирижером-распорядителем танцев, в связи с чем у левого плеча на груди у меня развевался огромный голубой бант. Для кадрили-монстр я выбрал институтку Залескую, обладательницу двух длиннейших золотистых кос. Танцуя с дирижером, она считалась царицей бала. Я дирижировал танцами на балу и в женском институте, но это произошло для меня неожиданно в связи с одним обстоятельством.

Дело в том, что институтки тесно общались с кадетами 2-го Оренбургского корпуса, так как в обоих наших учебных заведениях тогда учились дети офицеров из Средней Азии. Поэтому в них немало было братьев, сестер и просто земляков. Однако на этот раз в нарушение взаимного тяготения начальница института княгиня Оболенская пригласила на бал выпускников нашего корпуса и отказалась допустить на него кадетов 2-го, обидевшись на них за то, что была ими осмеяна. Прои-

зошло это вот как. Двое братьев-кадет 2-го корпуса по фамилии Обметко держали пари, что сфотографируют выпускной класс института.

Достав у владельца фотографии аппарат и штатские костюмы, приклеив усы и прицепив какие-то значки, они явились в институт к княжне Оболенской и заявили, что по поручению какого-то французского общества они объезжают с целью съемки все учреждения, в которых побывал великий князь Константин Константинович. Старая княгиня пришла в восторг и попросила, чтобы первой сняли ее. Мнимые фотографы охотно исполнили всю процедуру съемки, причем, кажется, на пустую кассету, а княгиня рассыпалась в благодарностях.

Затем был собран выпускной класс институтки, и молодые люди предстали перед ними со своим аппаратом. Институтки сразу узнали в них своих близко знакомых кадет, но молчали, давясь от смеха. А смеяться было отчего, так как фотографы, чтобы скрыть свой смех, оба одновременно залезли под покрывало, а один при этом даже нечаянно сорвал приклеенный ус.

Однако все прошло благополучно, без подозрений со стороны начальницы, и обрадованные фотографии слишком уж быстро поспешили к выходу. И тут их увидела входящая в здание классная дама, которая сразу узнала известных ей кадет. «Да ведь это братья Обметко!» — воскликнула она, и вся инсценировка была раскрыта. С княгиней приключился обморок. Разразился скандал, о случившемся сразу узнал весь город. Виновники были исключены из корпуса. Его директор в это время находился в Петербурге, и, когда ему сообщили о происшествии, он должен был с большим смущением лично доложить о нем великому князю Константину Константиновичу. Однако последний встретил доклад неудержимым хохотом и начал расспрашивать о подробностях проделки кадет. «Вот здорово надули старуху, — воскликнул он. — Когда Обметко приедут в Петербург в военное училище, пусть обязательно явятся ко мне во дворец».

Исключенным из корпуса дали возможность держать экзамены экстерном, и, когда они приехали в Петербург, в военное училище, то, выполняя приказ князя, явились к нему, а он заставил их все рассказать перед всем своим многочисленным семейством, и все дружно смеялись.

Учеба в 7-м классе требовала усиленных занятий в течение всего учебного года. Приходилось приступать к подготовке уроков сразу после обеда, не делая перерыва для отдыха, так как к каждому дню давали задания по пяти предметам и только шестой час отводился под занятия, не требующие подготовки.

В начале мая начались выпускные экзамены. По установленной мною традиции я проходил со своими товарищами по классу весь курс по разделам математики (хотя в первом отделении такого обычая не было), поэтому, идя на экзамен, в знании математики я был вполне уверен. И тем не менее на экзамене по геометрии я оказался сконфуженным. Получилось это так.

Сидя в столовой по трое за каждым из длинных обеденных столов, я довольно быстро написал решение задания на выданном мне листке со штемпелем и переписал его на маленький клочок бумаги, который подбросил своему соседу. Этот клочок последовательно обошел многих из моих товарищей, причем один из них, не разобрав впопыхах суть дела, в одном месте вместо «линия ВО» написал «линия 130», поставив этим в тупик экзаменатора.

Спальня 1-й роты Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, подготовленная под балый зал
2 января 1903 г.

**Военный инженер
капитан В.М. Догадин
перед отъездом
на фронт
Ноябрь 1914 г.**

Тем временем мой учитель В.А. Сикстель предложил мне решить дополнительно необязательную задачу, которую, несмотря на все старания, я так и не смог одолеть. Экзаминатор был удивлен. Он сказал, что задача проста, что я решал в году и гораздо более трудные. И действительно, не было ни одной задачи из предложенных им при прохождении курса в течение всех прошлых лет, с которой бы я не справлялся. А на этот раз, даже когда он предложил мне решить заданную им задачу у себя в классе, я все-таки ее не решил. Не решил я ее... и по сей день, хотя время от времени принимался за нее. Мало того, эту задачу не решил еще никто из знакомых мне математиков. Хотя мне был поставлен по геометрии полный бал, так как обязательное задание я все-таки выполнил, горечь неудовольствия у меня осталась. Этот случай, между прочим, может свидетельствовать о том, что нерешенная учеником задача не всегда служит доказательством незнания им предмета.

30 мая был сдан последний экзамен. У меня сохранились все свидетельства с баллами за четверть, которые мои воспитатели высылали родителям в течение моего пребывания в корпусе.

По окончательным отметкам у меня получилось в среднем 11,72 балла. В своем отделении я остался на первом месте, тем более что мой главный соперник Вейгелин в это время уже поступал в Морской кадетский корпус.

Однако первым учеником в классе был Бошпятаев, и потому именно ему была присуждена единственная установленная положением премия — «Путешествие Наследника Цесаревича». Однако, когда педагогический комитет решал этот вопрос, учитель В.А. Сикстель (как мне рассказывал сын преподавателя Виноходова) поднял вопрос о том, что я тоже заслуживаю быть премированным и не только за отличные успехи, но и за помощь своим товарищам.

Директор на это возразил, что официальным положением не предусмотрена выдача каких-либо еще премий, кроме упомянутого выше «Путешествия».

Однако к Сикстелю присоединились и другие преподаватели, решительно поддержав его предложение. Тогда директор заявил, что, если все так единодушно настаивают на необходимости назначения мне премии, он в отступление от существующих правил вынужден дать на это свое согласие и поручил Сикстелю, как инициатору, самому выбирать книги для премирования.

И вот осенью, когда я возвратился после каникул в корпус, меня вызвал в свой кабинет инспектор классов полковник Медведев и вручил мне два тома геометрии Шохор-Троцкого и одну книгу «Алгебра» Маракужева в прекрасных переплетах.

И этой скромной, но не обычной награде я был рад и гордился ею больше, чем официальным «Путешествием

Наследника Цесаревича», которое, впрочем, от меня тоже не ушло, так как я его все-таки получил при выходе из Николаевского инженерного училища.

По окончании экзаменов, установивших степень успеваемости воспитанников в науках, каждого из нас спросили, в какое именно военное училище он хочет пойти. Мы заявили свои желания, руководствуясь своим положением в списке класса по старшинству баллов, так как знали, что в Николаевское инженерное и Михайловское артиллерийское училища могли рассчитывать попасть только лучшие ученики. Следующим желательным считалось Константиновское артиллерийское училище, а остальная масса окончивших, не рассчитывавших попасть в эти учебные заведения, записывалась в пехотное Павловское или Николаевское кавалерийское, в которое шли казаки, и еще в пехотное Александровское, находившееся в Москве.

Я записался в Николаевское инженерное училище, так как с малых лет имел склонность к технике и, будучи еще малышом, любил строить крепости и домики. Несмотря на казачье происхождение, я был освобожден от обязанности служить в Астраханском казачьем войске, потому что моя стипендия оплачивалась из средств казны, а не казачьего войска. И в этом оказалось преимущество назначения на эту вакансию наказным атаманом Газенкампом за отличные успехи в гимназии.

Как выяснилось впоследствии, большинство желаний было удовлетворено... В дальнейшем успехи в учении в военных училищах свидетельствовали о том, как серьезно было поставлено в нашем Оренбургском Неплюевском корпусе дело образования и воспитания и как строго нам ставились баллы, так как во всех военных училищах первые места по успеваемости были заняты моими бывшими одноклассниками, а именно: в Павловском училище был фельдфебелем Костров, в Александровском такое же место занял Сахаров, в Киевском — Паленов, в Николаевском кавалерийском — вахмистром — Немакин, в Николаевском инженерном училище первым учеником — фельдфебелем был я, несмотря на то что одновременно со мной в классе занимались тринадцать первых учеников из других кадетских корпусов. Даже в Морском кадетском корпусе оказался наш фельдфебель — Вейгелин. Можно сказать, что Неплюевский корпус оказался поставщиком фельдфебелей во все военные училища. К этому следует добавить, что в течение восьми лет, предшествующих моему выпуску в Николаевское инженерное училище, были первыми учениками и фельдфебелями следующие воспитанники тоже Неплюевского кадетского корпуса: Н.В. Медынский, А.А. Крживицкий, П.В. Сахаров, А.М. Простодиаконов, М.П. Митрясов, т. е., считая меня, за девять лет в инженерном училище было шесть фельдфебелей из нашего корпуса. И это при том, что кадетских корпусов насчитывалось 40! Большинство же других моих товарищей по выпуску из корпуса были в военных училищах за учение старшими портупей-юнкерами (старшими сержантами).

Отец присылал мне для личных расходов на имя воспитателя по 5 рублей в месяц, однако поскольку такие суммы тратить было не на что, к концу года у воспитателя скопилось 15 рублей моих денег. Вдобавок к этому по случаю успешного окончания мною корпуса отец прислал мне на дорогу в Астрахань не 15 рублей, как обычно, а целых 25, и у меня оказалось уже 40 рублей. Это была уже значительная сумма. Я накопил подарков всем домашним, в том числе приобрел по золотому колечку с цветными камешками моим двум сестрам общей стоимостью 5 рублей.

По окончании каникул, к концу августа 1903 года, все выпускники съехались в корпус, для того чтобы их развели по военным училищам, подготовлявшим офицеров различных родов войск.

Нас поместили в гимнастическом зале изолированно от остальных кадет, с собственным выходом на улицу.

Настроение у нас было приподнятое, так как нам предстояло превратиться из кадетов в юнкеров, на кото-

рых мы засматривались, затаив дыхание, когда они приезжали на Рождество в Оренбург и приходили на праздник в корпусную церковь. Стройные, чрезвычайно подтянутые, в красивой форме, с бархатными воротничками и обшлагами, обшитыми серебряными или золотыми галунами, с пашками или штыками в лакированных ножнах, а артиллеристы и кавалеристы даже со шпорами. Они казались нам существами высшего порядка. Мы с душевным трепетом готовились принять такой же облик и с особой выразительностью распевали песню, заканчивавшуюся словами:

Прощайте, господа кадеты.
Мы не кадеты — юнкера.

Наша восторженность еще более усиливалась ожиданием впервые увидеть Петербург или Москву, а затем и жить там.

Сейчас нам осталось провести в стенах корпуса всего одну ночь, последнюю, однако надо признаться, что мы во зло использовали предоставленную нам свободу.

Нашлась группа кадет, которая, вместо того чтобы лечь спать, отправилась поздно ночью в гости к выпускникам 2-го Оренбургского корпуса, для чего нужно было пройти весь город. Там у кадет оказался привезенный боценок вина, и в результате наши кадеты возвратились лишь в три часа ночи и подвыпившими. Особенно сильно пьяным оказался один из них, который был очень огорчен тем, что совершенно неожиданно для всех вместо Москвы должен был ехать в Киевское пехотное училище, куда до того никто и никогда из корпуса не направлялся. Сначала он безудержно ревел, а потом влез на самый верх гимнастической лестницы и угрожал броситься вниз, если кто-нибудь к нему приблизится, и соглашался подчиниться только просьбе своего друга кадета Михеева, который в это время спал у себя дома. Пришлось отправиться к Михееву, поднять его среди ночи с постели и привести к нам в корпус. А все это время буйствующий продолжал сидеть наверху лестницы, громко реветь и спускался только, когда его об этом попросил пришедший Михеев. Так и прошла ночь шумно и без сна.

Как-то во время моего пребывания дома на последних каникулах я в присутствии матери упомянул фамилию моего товарища Ронгинского. Она с оживлением стала меня расспрашивать, кто это такой и кто у него отец. Поскольку родители Ронгинского жили в Оренбурге, то я их иногда видел и смог удовлетворить ее любопытство. «Так ведь это тот молодой офицер, который жил в Самаре по соседству с нами, когда я была девушкой, и который оказывал мне серьезное внимание», — воскликнула мать. — Обязательно передай ему поклон, когда увидишь его в Оренбурге». И вот на другой день после беспокойной ночи, когда весь наш класс выпускников под наблюдением воспитателя подполковника Рацула прибыл с чемоданами на вокзал, туда-же приехали проводить сына и родители Ронгинского. Подойдя к отцу товарища, я выполнил поручение матери. Узнав от меня, кто она такая, тот живо воскликнул: «Так это вы ее сын? Дайте я посмотрю на вас. Ведь она была красавицей. Нет, вы совсем не такой!» — «Что ты! — пыталась остановить его жена. — Разве можно так говорить прямо в глаза?» — «Нет, нет, вы совсем не то, — продолжал настаивать отец Ронгинского. — Передайте ей мой низкий поклон».

Справедливость требует отметить, что я в действительности был очень похож на мать. Она была всего на семнадцать лет старше меня и выглядела очень молодо. Однажды мой бывший воспитатель Заварин, увидав ее, когда я был уже в одном из старших классов, сказал ей: «Неужели вы его мать, а не сестра? Если бы он был и теперь моим воспитанником, я бы усомнился отпустить его к вам».

В одном поезде с нами ехали также выпускники 2-го Оренбургского кадетского корпуса со своим воспитателем.

Каждому из корпусов было отведено по отдельному вагону, где мы, окрыленные надеждами на светлое будущее, свободно расположились, чтобы ехать в Петербург и Москву продолжать свое военное образование.

Публикация З.Д. ЯСМАН

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

«ВОЕННОПЛЕННЫЕ В СТАЛИНГРАДЕ»

Новые военно-исторические издания

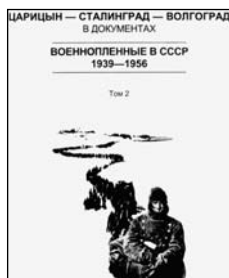
Военнопленные в Сталинграде. 1943—1954: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград: Гос. учреждение «Издатель», 2003. 1160 с., ил. (Царицын—Сталинград—Волгоград: Документы и материалы).

В подготовке сборника приняли участие: Научно-исследовательский институт проблем экономической истории России XX века Волгоградского государственного университета, Федеральная архивная служба России, Российский государственный военный архив, Государственный архив Российской Федерации, Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ.

Книга является продолжением серийной научной публикации документов органов НКВД — МВД СССР по размещению, содержанию и трудовому использованию военнопленных за период 1939—1956 гг. Первый том «Военнопленные в СССР 1939—1956» вышел в издательстве «Логос» в 2000 году также под общей редакцией профессора М.М. Загорюлько. В подготовке второго тома участвовали М.М. Загорюлько (ответственный редактор), В.Л. Воронцов, В.Н. Кузленков, В.И. Коротаев, С.В. Мироненко, Ю.И. Сизов, Б.Г. Усик, В.С. Христофоров, Т.В. Царевская-Дякина, К.К. Миронова, С.Г. Сидоров, Н.С. Тархова, Е.М. Цунаева. Вводная статья «Жизнь и работа военнопленных в Сталинграде» написана М.М. Загорюлько, С.Г. Сидоровым, Е.М. Цунаевой.

Обложка книги

Титульный лист книги

В сборнике публикуются архивные документы и материалы, освещающие пребывание пленных военнопленных армий вермахта и его союзников на территории Сталинградской области в период 1943—1954 гг. На основе рассекреченных архивных фондов воссоздана история пленения, условий содержания солдат противника в Сталинграде и области, показана роль и степень участия пленных в восстановлении Сталинграда и хозяйства области. Наряду с документами нормативного характера в сборник включены докладные записки, сводки, рапорты и другие информационно-аналитические материалы, которые раскрывают политику руководства страны в отношении военнопленных и то, как она реализовывалась на местном уровне. Из 290 документов 269 публикуются впервые. Сборник снабжен введением, комментариями и необходимыми указателями. Книга представляет интерес для историков, социологов, политологов, а также специалистов аналитических центров политических, государственных, общественных (ветеранских, краеведческих) организаций — всех, кто интересуется проблемами войны и мира, историей и последствиями Сталинградской битвы, Великой Отечественной и Второй мировой войны в целом.

Надо отметить, что книга вышла тиражом 1000 экз. по плану Комитета по печати и информации Администрации Волгоградской области за счет средств областного бюджета при серьезной поддержке губернатора Н.К. Максюты, министра внутренних дел РФ Б.В. Грызлова (ныне председателя Государственной думы), начальника Федерального архивного агентства В.П. Козлова.

Редакции «Военно-исторического журнала» книга подарена одним из участников ее издания — членом редакционного совета журнала, директором Российского государственного военного архива (РГВА) В.Н. Кузленковым.

МОСКОВСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ — 250 ЛЕТ

23 ЯНВАРЯ 1755 года императрицей Елизаветой Петровной по замыслу М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова был основан Московский университет — старейший из российских университетов. Занятия начались 7 мая того же года. Отмечается же дата рождения университета по традиции 25 января — в Татьянин день. Сначала университет имел три факультета: юридический, медицинский и философский. Во главе высшего учебного заведения стояли два куратора: И.И. Шувалов (занимал эту должность до самой смерти в 1797 г.) и Blumenstrot. Первым директором был А.М. Аргамаков. Курс обучения продолжался 3 года. Русских профессоров поначалу было только двое: Н.Н. Поповский и Барсов, впоследствии пришли Д.С. Аничков, С.Е. Десницкий, И.А. Третьяков, Савич, Лобанов. Первое время преподавание велось в основном на латинском языке, но в ноябре 1767 года Екатерина II в своем указе отметила, что «пристойнее было бы в университете читать лекции на русском языке». При университете работала гимназия (до 1812 г.). С учреждением в 1802 году министерств вуз был передан из ведения Правительствующего Сената в ведомство Министерства народного просвещения, вместо кураторов стали назначать попечителей, первым из которых был М.Н. Муравьев. В эти годы в университете имелось уже 4 факультета (нравственных и политических наук, физических и математических, врачебных или медицинских и словесных наук) и 28 кафедр. Если в год открытия на содержание университета выделили всего 10 тыс. рублей, то в 1805 году уже 130 тыс. Кроме того, поступало много пожертвований от частных лиц, в частности от П.Г. Демидова, княгини Дашковой. Во время пожара 1812 года сгорели все университетские здания. Лекции начались только в августе 1813-го. Число студентов быстро росло, однако во второй половине XIX века из-за начавшейся реакции начало падать.

По инициативе и при непосредственном участии передовых профессоров и преподавателей при университете в различные времена создавались научные учреждения и просветительские общества, сыгравшие видную роль в развитии русской науки и культуры; среди них Исторический (1873) и Политехнический музеи, Пироговское общество врачей (1883), Педагогическое общество (1898), Музей изобразительных искусств (к концу XIX в. их было 11). С первых дней своего существования университет начал развивать издательское дело, пропагандируя русскую научную и художественную литературу.

В XIX — начале XX века в стенах университета развернулась деятельность целой плеяды крупнейших русских ученых. Здесь сложилась единственная в мире дарвиновская школа биологов-эволюционистов (К.Ф. Рулье). А.Г. Столетов создал школу русской физики, блестящими представителями которой были Н.А. Умов и П.Н. Лебедев. Работы И.М. Сеченова положили начало русской физиологии. Выдающимся вкладом в русскую и мировую науку явились труды профессоров МГУ Ф.А. Бредихина, А.А. Белопольского (астрономия), К.А. Тимирязева (физиология растений), В.В. Марковникова, Н.Д. Зелинского (химия), Н.Е. Жуковского, С.А. Чаплыгина (аэродинамика), Н.В. Склифосовского (медицина), Д.Н. Анучина (антропология и география), А.П. Павлова (геология и палеонтология), В.И. Вернадского (геохимия) и других. Усилиями этих выдающихся ученых и их учеников в Московском университете росла и крепла русская наука.

Интересно отметить, что к 1 января 1896 года при университете имелись следующие учебно-вспомогательные учреждения: общая библиотека, фонд которой составлял 236 630 томов и 135 763 названий, и ряд студенческих при факультетах; астрономическая обсерватория; зоологический, антропологический, географический музеи; кабинеты изящных искусств и древностей, механический, физический с лабораторией, физической географии, нормальной и сравнительной анатомии, геологический, минералогический, анатомии и физиологии растений, гистологический, фармакогностический, фармацевтический, судебной медицины, неврологический; ряд лабораторий; ботанический сад; институты патологической анатомии, фармакологический с клинической лабораторией, общей патологии, гигиенический и физиологический, который после перестройки (1892 г.) стал одним из первоклассных учреждений этого рода. Благодаря щедрым пожертвованиям частных лиц и поддержке правительства при медицинском факультете Московского университета получили развитие клиники, в том числе терапевтическая, хирургическая, глазная, акушерская, гинекологическая, психи-

М.В. Ломоносов

И.И. Шувалов

атрическая детская больница имени М.А. Хлудова, клиника кожных и венерических болезней. В марте 1895 года был открыт бактериологический институт, в октябре 1896-го клиники болезней носа, горла и уха.

Денежные средства университета в 1895 году состояли из следующих сумм: по смете и дополнительным кредитам было отпущено 976 815 рублей, благотворительных капиталов имелось 2 896 596 рублей, сборы со студентов в пользу университета поступили в сумме 178 440 рублей, от продажи растений из ботанического сада — 1412 рублей, сборы с фармацевтов за экзамены — 1459 рублей, за лечение больных в Екатерининской больнице — 11 941 рубль, за лечение больных в клиниках — 39 926 рублей. Стипендии в 1895 году получали свыше 500 студентов на общую сумму 153 804 рубля, единовременных пособий — на 25 194 рубля. Билетов на бесплатные обеды в большой комитетской (общеежитие) столовой выдано 33 683, в малой — 808; обеды обошлись в 13 418 рублей. В доме первого студенческого общежития получили квартиры и полное содержание 42 студента. Комитет студенческого общежития произвел в 1895 году расходы на сумму 8004 рубля, обедов и ужинов студентам было роздано 10 147, чайных порций — 20 294. Существующая при общежитии библиотека получала в 1895 году 116 периодических изданий, из которых 83 бесплатно. В январе 1896 года в МГУ было 4147 студентов, сторонних слушателей 111, аптекарских помощников 153.

После Октябрьской революции начался новый этап в жизни университета. Измененные правила приема студентов содействовали демократизации этого учебного заведения. Ученые МГУ участвовали в решении важных хозяйственных и научных проблем, в том числе и оборонного характера. До 1930 года университет назывался 1-м МГУ, так как существовал и 2-й МГУ, из которого затем образовалось три самостоятельных института. В 1940 году МГУ был награжден орденом Ленина и ему присвоено имя М.В. Ломоносова, в 1955-м — орденом Трудового Красного Знамени. В годы Великой Отечественной войны более 3000 студентов и преподавателей добровольно ушли на фронт. Первоначально университет помещался на Красной площади, у Воскресенских ворот, в бывшем здании Главной аптеки (на месте нынешнего Исторического музея). В 80-е — начале 90-х годов XVIII века архитектором М.Ф. Козаковым было построено специальное здание на углу Моховой и Никитской улиц, где и ныне располагается ряд факультетов. Сооруженный для МГУ по постановлению Совета Министров СССР в 1949—1953 гг. на Ленинских (Воробьевых) горах грандиозный высотный ансамбль, раскинувшийся на территории около 170 га — одно из лучших произведений советского зодчества. Здесь располагаются основные факультеты, а также жилые помещения. МГУ имени М.В. Ломоносова, отмечающий в январе 2005 года свое 250-летие, сегодня остается ведущим вузом России. Здесь имеются 18 факультетов, в том числе военный, институты психиатрии, стран Азии и Африки, отделение региональной политики, где в целом обучается около 30 тыс. студентов. Скоро МГУ будет иметь один из крупнейших в Европе медицинских центров. Ректор МГУ — академик РАН В.А. Садовничий.

Публикацию подготовил А.В. ОСТРОВСКИЙ, выпускник МГУ 1967 года

«ВСЕ, ЧТО ВЫ ОТ МЕНЯ УВИДИТЕ, ТАК ЭТО МАЛЕНЬКОЕ ОБЛАЧКО ПЫЛИ НА ГОРИЗОНТЕ»

Воспоминания Уинстона Черчилля о Лоуренсе Аравийском

СФЕРЫ деятельности Томаса Эдварда Лоуренса (1888—1935) исключительно многогранны. Он был востоковедом-археологом и писателем, изобретателем и конструктором, военным и политическим деятелем, путешественником и лингвистом, поэтом-переводчиком «Одиссеи» Гомера. Его деятельность прямым образом повлияла не только на историю, но и на политическую географию Ближнего и Среднего Востока периода Первой мировой войны и в последующее время.

В 1909 году он пешком путешествовал по Сирии и Палестине, изучал различные диалекты арабского языка. У Лоуренса было очень мало денег, и его выживание напрямую зависело от щедрого гостеприимства арабских крестьян. Он научился понимать их обычаи, характер мышления, язык, и это в дальнейшем сыграло огромную роль в его становлении как политического, так и военного деятеля.

В годы Первой мировой войны Лоуренс в течение двух лет возглавлял лично им организованное восстание арабов против Османской империи — союзницы Германии, внося определенный вклад в разгром и поражение армий этих стран. Впоследствии он описал это восстание в своей самой известной книге «Семь столпов мудрости», изданной в 1926 году.

После войны Лоуренс выступал за предоставление арабским странам политической независимости и был весьма разочарован тем, что ему не удалось этого добиться. В 1919 году он возвратился в Оксфорд, где в течение двух лет занимался научной работой.

В 1921 году Лоуренс принял предложение британского министерства колоний и поступил туда на работу в качестве советника по арабским делам. Видя, что в результате дипломатических маневров нарушаются его обещания арабским друзьям в годы совместной борьбы против турок, он в 1922 году ушел с официальной государственной службы и поступил в королевские ВВС в качестве рядового под именем Шо. Некоторое время Лоуренс служил в танковом корпусе, в 1925 году вернулся в авиацию и, имея звание полковника, служил как рядовой Шо вплоть до отставки в 1935 году. Служа в ВВС, он написал наставление по техническому обслуживанию боевых самолетов и перевел на английский язык в стихах «Одиссею» Гомера. На перевод было потрачено четыре года.

Гибель Лоуренса на 47-м году жизни была неожиданной и во многом загадочной. Он, рядовой Шо, 13 мая 1935 года мчался с огромной скоростью на мотоцикле и, стремясь избежать столкновения с мальчиком, ехавшим на велосипеде, свернул в сторону, потерял управление, вылетел из седла и разбился. Через 140 ч, не приходя в сознание, 19 мая в 8 ч утра он скончался от полученных многочисленных ранений и переломов. Официальная версия — несчастный случай

в результате дорожно-транспортного происшествия.

Скромные похороны Т.-Э. Лоуренса состоялись 21 мая 1935 года на маленьком кладбище деревни Мортон близ Клаудс-Хилла в Дорсетшире. В числе немногих провожавших Т.-Э. Лоуренса был и Уинстон Черчилль, не сумевший сдержать своих скорбных эмоций. Впоследствии У. Черчилль вошел в число лиц, подписавших обращение о возведении памятника Т.-Э. Лоуренсу. О кончине Лоуренса была проинформирована королевская семья. Однако еще долгие годы в Британии многие не верили в его смерть. Крестьяне окрестных деревень уверяли, что по ночам они слышат рокот его мотоцикла на проселочных дорогах.

В настоящее время фотографии, оружие и личные вещи Лоуренса и его последователей хранятся в Имперском военном музее в Лондоне и в Иорданском музее вооруженных сил в Аммане. Лоуренс оставил и богатое научное и литературное наследие. Так, например, он помог сконструировать скоростной катер класса 200 куб.см, благодаря которому во время Второй мировой войны были спасены 14 тыс. человеческих жизней. Лоуренс работал также над секретным проектом создания предшественника транспортного средства, которое может и парить в воздухе, и передвигаться на воздушной подушке над землей или над водой. Строительство его было завершено в 1938 году. Ему было присвоено имя «Лоуренс Аравийский». Транспортное средство имело двигатели самолета и катера и достигало скорости более 100 км/ч.

В годы Второй мировой войны боевой опыт Т.-Э. Лоуренса, накопленный им в ходе борьбы против турок, неоднократно использовался англичанами, в частности в боевых действиях против корпуса Роммеля в Северной Африке в 1941—1943 гг.

В февральском номере «Военно-исторического журнала» за 2004 год была опубликована статья К.Б. Виноградова и Ю.А. Самуленок «Я... превратил их любовь к свободе в инструмент, способствующий победе англичан» об английском полковнике Т.-Э. Лоуренсе — разведчике, дипломате, военачальнике. Сегодня мы как бы в развитие темы впервые на русском языке публикуем отрывок из книги воспоминаний У. Черчилля «Великие современники», посвященный легендарному Лоуренсу Аравийскому. Так как в первой статье деятельность Т.-Э. Лоуренса освещалась довольно подробно, редакция полагает, что публикуемый перевод в детальных комментариях не нуждается.

Уинстон С. ЧЕРЧИЛЛЬ

ЛОУРЕНС АРАВИЙСКИЙ

Я не встречался с Лоуренсом в годы Великой войны. Да и само арабское восстание в пустыне, организованное и возглавлявшееся Лоуренсом, воспринималось не так ярко, как события войны в Европе. И вот весной 1919 года кто-то сказал мне: «Вам необходимо встретиться с замечательным молодым человеком. Его подвиги — это эпическая поэма».

Э. Лоуренс пришел ко мне на обед. Одет он был вопреки моим ожиданиям не по-арабски, но и не в военную форму, а в обычное штатское платье и выглядел, на первый взгляд, как один из тех молодых офицеров, которые успели получить высокие воинские звания за отличия в боях. За столом собрались одни мужчины, и беседа носила общий характер, но кто-то вскоре довольно лукаво рассказал историю об откате Лоуренса от королевской награды. Так как я в то время был государственным секретарем по военным делам, то не мог не осудить

Печатается по: *Winston S. Churchill. Great Contemporaries. London and Glasgow, 1963. P. 127—138.* Впервые книга была издана в Англии в 1937 году. Перевод главы «Лоуренс Аравийский» В.И. Гусарова.

поведение Лоуренса, посчитав его отказ непорядочным по отношению к королю как к джентльмену и чрезвычайно неуважительным как к монарху. Действительно, любой человек может отказаться от звания или награды, но при этом обычно заявляется о причинах, которые побуждают к этому. Использовать же для этого случай, когда его величество, осуществляя свою конституционную обязанность, был готов выполнить милостивый акт личного вручения награды, как повод для политической демонстрации, на мой взгляд, было неприемлемо.

Лоуренс воспринял упрек с добрым юмором, поняв, что таким образом пытался поставить короля в известность о том, что высшие должностные лица государства предадут интересы Сирии, которой он, Лоуренс, от имени Великобритании обещал помощь и поддержку от притязаний Франции.

Лишь позднее я узнал, что отказ Лоуренса от награды имел место не на публичной церемонии, а когда они с королем были наедине. Король принял Лоуренса 30 октября для беседы и, считая, что уместно будет присвоить ему звание кавалера ордена Бани 2-й степени и орден «За отличную службу», о котором уже было объявлено в официальной газете, собирался вручить ему знак отличия и орден. Лоуренс же попросил короля разрешить ему отказаться от наград.

Должен признать, что этот эпизод насторожил меня вообще в отношении Лоуренса. Мне захотелось узнать больше о том, что реально происходило во время войны в пустыне, какие страсти бушевали в сердцах арабов, какова в действительности была во всем этом роль Лоуренса.

После нашей встречи за обедом я снова не видел Лоуренса несколько недель. Встретились мы, если память мне не изменяет, в Париже. Он на этот раз был в своих арабских одеяниях, что подчеркивало исключительное величие его лица. Серьезность его манер, точность мнений, диапазон и качество бесед — все это казалось усиленным до удивительного уровня роскошным арабским головным убором и одеянием. Ниспадающие материи подчеркивали благородные черты; сверкающие глаза, заряженные огнем и пониманием, светились силой. Он казался подлинным принцем природы.

В ходе нашей работы у меня стало формироваться впечатление о Лоуренсе как об исключительном человеке. Впрочем, о нем в то время велись бесконечные разговоры во всех кругах: военных, дипломатических и академических. Однако скоро стало очевидно, что его дела на парижских переговорах идут неудачно, хотя он сопровождал Фейсала повсюду как друг и переводчик. Свой долг перед арабами он считал выше собственной военной карьеры, поэтому то и дело конфликтовал с французами, неоднократно вступал в длительные споры с Клемансо, который был сильным противником. Лицо у «старого тигра» было таким же свирепым, как у Лоуренса, и по силе воли они не уступали друг другу. Клемансо знал Восток, восхищался подвигами Лоуренса, признавал его гениальность, однако он и мысли не допускал, чтобы Франция, обескровленная на полях Фландрии, вышла из Великой войны без своей доли завоеванных территорий. Поэтому после длительных и ожесточенных дискуссий Франция все же получила мандат на управление Сирией. Когда же арабы попытались противодействовать этому силой, французские войска вывели эмира Фейсала из Дамаска. При этом многие авторитетные арабские вожди были убиты. Французы оккупировали великолепную провинцию и подавили последовавшие за этим восстания с предельной суровостью. Впрочем, тогда подобное обращение с арабами не казалось чем-то исключительным. Однако на Лоуренса это очень сильно подействовало, он просто не знал, что делать, и выбрал путь, который был путем отчаяния: в конце концов просто отказался от всяких больших дел.

Весной 1921 года меня направили на работу в ми-

нистерство по делам колоний, чтобы заняться Ближним Востоком, который находился в состоянии сильного брожения. Незадолго до этого мы подавили самое опасное и кровавое восстание в Ираке. С этого момента нам необходимо было для сохранения порядка содержать там войска численностью 40 тыс. человек и расходовать на это 30 млн. фунтов стерлингов в год. Надо было искать иной путь управления этой областью. В то же время в Палестине разгорелся спор между арабами и евреями, грозивший в любую минуту перейти в открытое вооруженное противостояние. Что касалось Сирии, то изгнанные из нее шейхи со своими многочисленными последователями, ставшими позже нашими союзниками, скрывались, взбешенные, в пустынях Иордании. Египет также находился в состоянии брожения. Поэтому весь Ближний Восток представлял собой чрезвычайно тревожную картину.

В министерстве по делам колоний я сформировал новый департамент, которому поручил заняться этими вопросами. В него вошли люди, хорошо знавшие Ирак и Палестину. Я решил добавить к их числу Лоуренса, хотя не знал, согласится ли он. Мои новые сотрудники хорошо знали Лоуренса и, когда я начал с ними разговор на эту тему, очень удивились: «Что! Вы хотите обуздать дикого осла пустыни?». Все были убеждены, что Лоуренс с его настроением и темпераментом никогда не сможет работать в государственном учреждении, где необходимо выполнять соответствующие правила и придерживаться установленного порядка.

Однако я настоял на своем, и Лоуренсу предложили важный пост. К удивлению многих, он сразу его принял. Проблем накопилось много, решать их следовало быстро, поэтому я созвал в Каире конференцию, на которую собрались практически все эксперты и авторитеты по Ближнему Востоку. В Каир я прибыл в сопровождении Лоуренса, Хуберта Янга и Тренгарда из министерства авиации. Мы провели там и в Палестине около месяца. Результатом нашей работы стали следующие основные предложения, которые мы доложили кабинету:

во-первых, возместить ущерб, нанесенный арабам и шейхам Мекки тем обстоятельством, что мы посадили эмира Фейсала на трон Ирака в качестве короля и ввели правительство Трансиордании эмиру Абдалле;

во-вторых, вывести практически все войска из Ирака и возложить его оборону на королевские ВВС;

в-третьих, немедленно урегулировать разногласия между евреями и арабами в Палестине, что послужит фундаментом для будущего.

Против первых двух предложений поднялась мощная волна оппозиции. Французское правительство было глубоко возмущено льготами, предоставленными эмиру Фейсалу, которого оно рассматривало как победившего бунтовщика, а британское военное ведомство шокировано выводом войск из региона и предсказывало, что там начнется резня. Тем не менее наши предложения были приняты, хотя это и потребовало целого года сложной и беспоконной административной работы, в ходе которой Лоуренс всех удивил своим спокойным и тактичным поведением. Он подчинил себя общим целям, так как видел в их реализации надежду на выполнение обещаний, данных им арабским вождям, и на восстановление в приемлемых рамках мира на Ближнем Востоке. Действительно, все предложенные нами меры осуществлялись одна за другой: армия ушла из Ирака, ВВС обосновались в излучине Ефрата, Багдад провозгласил королем Фейсала, Абдалла поселился законно и комфортабельно в Трансиордании.

«Что ты будешь делать, когда это все уляжется?» — спросил я однажды у Лоуренса и добавил: — Самые большие должности открыты для тебя, если ты захочешь продолжить твою новую карьеру на колониальной службе». Он улыбнулся своей мягкой, сияющей и загадочной улыбкой и ответил: «Совсем немного — и

● ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ ●

моя работа здесь будет закончена». — «Ну, а что насчет тебя?» — «Все, что вы от меня увидите, так это маленькое облачко пыли на горизонте». И он сдержал свое слово. Когда я направил его в Трансиорданию, где неожиданно возникли сложности, Лоуренс блестяще, со своей прежней энергией выполнил свою миссию. Он переместил офицеров, используя силу, полностью восстановил спокойствие. Все были удивлены успехом, но Лоуренс не остался там, чтобы продолжить начатое, и я с огорчением увидел «маленькое облачко пыли», исчезающее на горизонте.

Прошло несколько лет, пока мы увиделись вновь. Это было время издания его книги «Семь столпов мудрости», чему он придавал огромное значение, даже большее, чем своей деятельности в годы войны. Его книга — это сокровище английской литературы. Как повествование о войне и приключениях, как изображение всего, что арабы значат для мира, оно является непревзойденным и находится в одном ряду с величайшими трудами, когда-либо написанными на английском языке. При этом надо учитывать, что книга Лоуренса носит документальный характер, что речь в ней идет о подлинных событиях Великой войны, а не о выдуманных.

Когда большая часть обширной литературы о Великой войне будет тщательно проанализирована и заменена конспектами, комментариями и учебниками истории, когда сложные и чрезвычайно дорогие операции громоздких армий будут в сфере внимания лишь курсантов военных училищ, сочинение Лоуренса все так же будет привлекать внимание читателей. Книга «Семь столпов мудрости» стоила тогда 30 фунтов, но чтобы подписаться на нее, следовало получить приглашение от автора. Я это приглашение получил и подписался. В экземпляре, который в конечном счете попал ко мне, автор написал — с интервалом в одиннадцать лет — два кратких посвящения, которые я чрезвычайно ценю, хотя многое изменилось с тех пор, а они выходили далеко за рамки правды в то время. Он не разрешил мне платить за этот том, считая, что я заслужил его.

В принципе структура повествования проста. Турецкие армии, ведущие военные действия против Египта, получали снабжение по единственной железной дороге, проложенной в пустыне. Если движение постоянно нарушать, турецкие армии погибнут, Османская империя рухнет, что могло повлечь за собой и падение могущественной тевтонской державы, которая извергала свою ненависть из десяти тысяч пушек в долинах Фландрии. Так казалось Лоуренсу, здесь он видел в свои двадцать с небольшим лет ахиллесову пятку Германии и направлял на ее сокрушение свои дерзкие, отчаянные, романтические атаки. На верблюдах по выжженной солнцем земле везли динамит, чтобы взрывать железнодорожные мосты, выиграть войну и, как мы тогда надеялись, освободить мир.

Здесь мы видим Лоуренса-солдата и не только солдата, но и государственного деятеля, воодушевлявшего неистовых людей пустыни, проникавшего в таинство их мышления, ведущего их за собой. Нередко он и сам взрывал мины. Лоуренс подробно описывает и жестокие бои с участием тысяч человек, и небольшие схватки под его командованием. Все — напряженно, все — один разум, одна душа, одна воля. Это эпическая поэма, повесть о мучениях, и в ее центре человек.

Впечатление о личности Лоуренса остается живым и ярким в памяти его друзей, хотя все мы чувствуем себя беднее, оттого что он ушел от нас. И сегодня, когда снова сгущаются тучи над Британией и ее империей, мы осознаем нехватку выдающихся личностей, которые помогли бы преодолеть трудности. Так что его отсутствие более всего заметно именно для нашей страны и именно сейчас, ибо проблемы воздушной обороны проблемы наших отношений с арабскими

народами занимают все больше места в наших делах.

В таких людях, как Лоуренс, имеются скрытые резервы силы и воли. Если он решал действовать, то мог преодолеть любые препятствия. Часть секрета его стимулирующего, доминирующего влияния на людей и обстоятельства заключается в пренебрежении к наградам, удовольствиям и удобствам жизни. Мир, естественно, смотрит с некоторым благоговением на человека, который равнодушен к дому, деньгам, комфорту, званию и даже к власти и славе. Мир чувствует, не без некоторого опасения, что этот человек как бы находится за пределами его юрисдикции, что его нельзя подкупить или уговорить, что он независим, неприручен, не пойман в сети условных договоренностей, что он одинаково способен и на насильственные действия, и на высшую жертву, человек одинокий, аскетический, для которого существование не более чем обязанность. Он как бы обитал на горных вершинах, где воздух холоден, живителен и разрежен, откуда в ясные дни видны все королевства мира.

Лоуренс — одно из тех существ, темп жизни которых быстрее и интенсивнее обычного. Он хорошо чувствовал себя не в спокойной атмосфере, а в урагане. Великая война как бы подняла планку жизни до уровня Лоуренса, в этот героический период он находился в гармонии и с людьми, и с событиями.

Я часто думал над тем, как бы повел себя Лоуренс, продолсь война еще несколько лет. Его слава быстро распространялась и невероятно усиливалась по всей Азии. Земля содрогалась от ярости воюющих наций. Лоуренс, видимо, понял мечту молодого Наполеона о завоевании Востока и решил повести за собой племена и расы Малой Азии и Аравии. Но штормовой ветер прекратился так же неожиданно, как и начался. Небеса просветлели, прозвенели колокола перемирия. С неописуемым облегчением человечество вернулось к своей обычной жизни, и Лоуренс оказался вдруг в одиночестве, как бы летящим на другом самолете и на другой скорости.

Когда его литературный шедевр был написан, потерял и вновь написан, когда каждая иллюстрация тщательно рассматривалась и каждый инцидент с оформлением книги и разделением текста на абзацы разрешался самым щепетильным образом, когда Лоуренс на велосипеде развозил драгоценные тома немногим читателям — тем, кого он считал достойными чтения его книги, — он нашел, к счастью, новое дело, которое утешало его душу: занялся авиацией. Поступив рядовым в королевские ВВС, он возвел в достоинство это почетное звание, привлек в эту сферу всех энергичных молодых людей, где их очень ждали. За эту службу, которой он посвятил последние двенадцать лет своей жизни, мы должны сказать ему отдельное спасибо.

Лоуренс в полной мере обладал многосторонностью гения. Он располагал одной из тех отмычек, которые открывают двери многих видов духовных сокровищниц, был человеком действия, ученым, солдатом, археологом, исследователем, арабским партизаном, механиком и философом. Благодаря щедрости и величию его натуры с ним было интересно общаться. Всегда чувствовалось, глядя на Лоуренса, что вот-вот какая-нибудь непреодолимая необходимость заставит его свернуть с той скромной тропы, которую он в последние годы жизни избрал для себя, и он снова окажется в центре великих событий.

Но этому не суждено было сбыться. Вызов, который настиг его и к которому он был готов, оказался иного рода.

Король Георг V написал брату Лоуренса: «Его имя будет жить в истории». Это верно. Оно будет жить в английской литературе, оно будет жить в традициях королевских ВВС, оно будет жить в анналах войны и в легендах Аравии.

Публикацию подготовил В.И. ГУСАРОВ

КОНКУРС

Криптограмма «Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция (13 января— 25 апреля 1945 г.)»

Ключевые слова

1. Озера, севернее и северо-западнее которых гитлеровским руководством была создана в Восточной Пруссии наиболее мощная система оборонительных рубежей и укрепленных районов — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

2. Генералы, командующие армиями, составившими ударную группировку 3-го Белорусского фронта:

39-й — 8./8./10, 11, 12, 13, 8, 7, 14, 15;

5-й — 13./8./7, 5, 16, 10, 14, 15;

28-й — 2./2./10, 4, 17, 8, 13, 6, 7, 8, 18;

11-й гвардейской — 7./13./19, 2, 10, 8, 20, 7, 8, 18;

43-й* — 2./21./22, 9, 10, 14, 22, 14, 5, 14, 12, 14, 15;

2-й гвардейской — 21./19./17, 2, 13, 17, 8, 22, 2, 12, 3, 9.

3. Генерал, командующий 31-й армией 3-го Белорусского фронта, которая получила приказ оборонять участок от Голдапа до Августова в готовности перейти в наступление — 21./19./26, 2, 25, 5, 2, 13, 14, 15.

4. Генерал, командир 2-го гвардейского танкового корпуса — подвижной группы 3-го Белорусского фронта, которую намечалось ввести в прорыв утром второго дня операции для наращивания удара — 2./6./22, 4, 5, 12, 9, 18, 13, 16, 18.

5. Генерал, командир 1-го танкового корпуса, составившего резерв 3-го Белорусского фронта — 15./15./22, 4, 23, 7, 14, 15.

6. Генералы, командующие воздушными армиями, поддерживавшими действия сухопутных войск 3-го Белорусского фронта:

1-й — 23./23./24, 5, 11, 7, 8, 13;

3-й — 13./25./21, 2, 21, 8, 15, 8, 13.

7. Плацдармы на реке Нарев, с которых 2-й Белорусский фронт нанес два мощных удара — 5, 4, 27, 2, 13, 6, 7, 8, 18/8/6, 9, 5, 14, 20, 7, 8, 18.

8. Генералы, командующие армиями, составившими ударную группировку 2-го Белорусского фронта:

3-й — 2./15./19, 14, 5, 22, 2, 23, 14, 15;

48-й — 13./8./19, 4, 6, 9, 15;

2-й ударной — 8./8./25, 9, 12, 11, 13, 8, 13, 6, 7, 8, 18;

65-й — 21./8./22, 2, 23, 14, 15;

70-й — 15./6./21, 14, 21, 14, 15.

9. Генералы, командиры корпусов, которые предполагалось ввести в сражение после прорыва армиями первого эшелона 2-го Белорусского фронта главной полосы обороны противника:

8-го механизированного — 2./13./25, 8, 5, 6, 14, 15, 8, 17;

8-го гвардейского танкового — 2./25./21, 14, 21, 14, 15;

1-го гвардейского танкового — 1./25./21, 2, 13, 14, 15.

10. Генерал, командующий 5-й гвардейской танковой армией — подвижной группой 2-го Белорусского фронта — 15./23./15, 14, 10, 28, 6, 7, 8, 18.

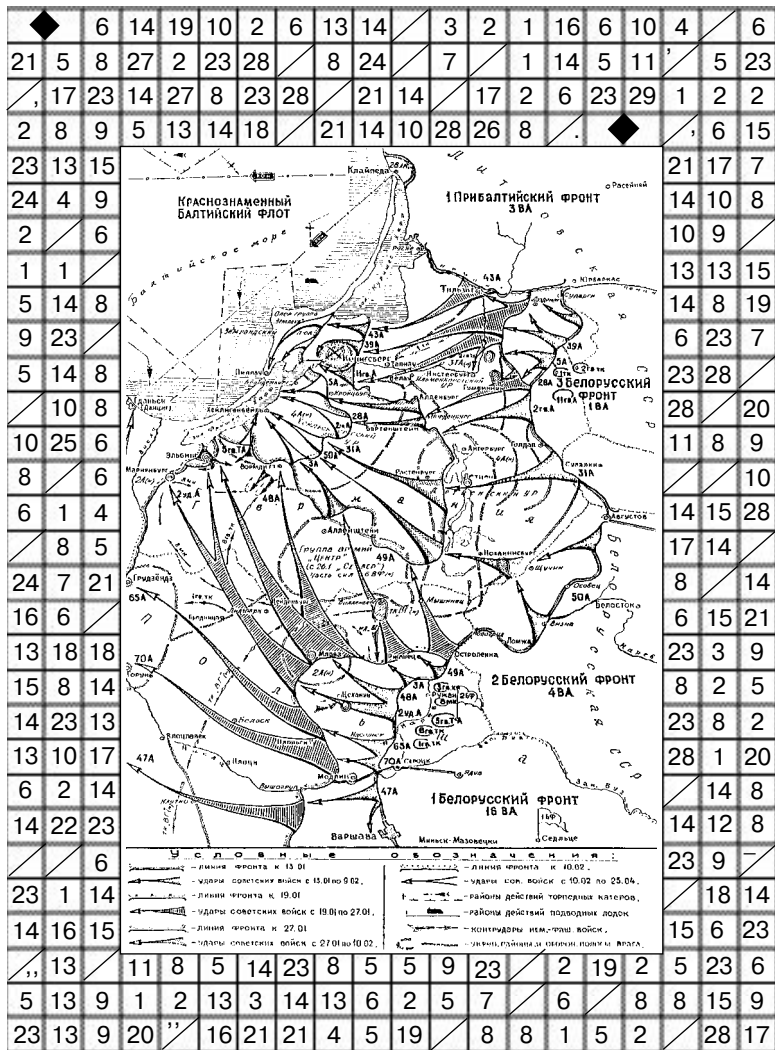
11. Генерал, командующий 50-й армией 2-го Белорусского фронта, на которую возлагалась оборона участка фронта от Августова до Новогруда — 8./15./22, 14, 10, 12, 8, 13.

12. Река, вдоль левого берега которой предполагалось наступать 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта для содействия 3-му Белорусскому фронту в разгроме тильзитской группировки противника — 13, 9, 1, 2, 13.

13. Генерал, командующий 4-й воздушной армией, на которую возлагалась авиационная поддержка сухопутных войск 2-го Белорусского фронта — 7./2./15, 9, 5, 26, 8, 13, 8, 13.

14. Командующий Краснознаменным Балтийским флотом, которому предстояло в ходе операции нарушать морские сообщения противника от Рижского залива до Померанской бухты, ударами авиации, огнем корабельной артиллерии и высадкой десантов содействовать войскам, наступавшим вдоль побережья — 15./25./23, 5, 8, 22, 4, 20.

* 43-я армия 19 января была передана из состава 1-го Прибалтийского фронта в состав 3-го Белорусского.

15. Маршал Советского Союза, назначенный 20 февраля командующим 3-м Белорусским фронтом вместо смертельно раненого 18 февраля дважды Героя Советского Союза генерала армии И.Д. Черняховского — 2./1./15, 2, 6, 8, 10, 9, 15, 6, 7, 8, 18.

16. Название группы войск, составленной из упраздненного 24 февраля 1-го Прибалтийского фронта для улучшения руководства войсками в Восточно-Прусской операции и включенной в состав 3-го Белорусского фронта — 3, 9, 1, 10, 2, 13, 12, 6, 7, 2, 29.

17. Новое название (с 26 января 1945 г.) группы армий «Центр», которая осуществляла оборону Восточной Пруссии и Северной Польши — «6, 9, 15, 9, 5».

18. Укрепленный район, северный фас которого в январе с ходу прорвали войска правого крыла 3-го Белорусского фронта и к концу месяца вышли к заливу Фришес-Хафф, обойдя Кёнигсберг с севера, северо-запада и юго-запада — 24, 2, 18, 10, 28, 6, 22, 9, 5, 19, 6, 7, 8, 18.

19. Город, северо-восточнее которого 26 января 5-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с 48-й армией вышла к заливу Фришес-Хафф, что привело к отсечению главной группировки группы немецких армий от основных сил вермахта — 30, 10, 28, 22, 8, 13, 19.

20. Главный маршал авиации, представитель Ставки ВГК, командующий ВВС Красной армии, координировавший действия авиации при штурме Кёнигсберга — 2./2./13, 14, 15, 8, 7, 14, 15.

21. Военно-морская база на Земландском полуострове, овладение которой стало финалом Восточно-Прусской операции — 21, 8, 10, 10, 2, 4.

22. Старший лейтенант, командир батареи СУ-152, который

за проявленные мужество и героизм в боях за Кёнигсберг и на Земландском полуострове был удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно) — 2/2.7.14, 6, 1, 14, 12, 9, 1, 28, 29, 13, 6, 7, 8, 18.

23. Летчик-истребитель, который, таранив вражеский самолет при прикрытии бомбардировщиков во время штурма Кёнигсберга, сумел долететь до своего аэродрома, а на следующий день снова вступил в воздушные бои. За проявленные отвагу и героизм был награжден второй медалью «Золотая Звезда» — 21/29.19, 14, 10, 14, 15, 2, 17, 9, 15.

24. Павшие в боях в Восточной Пруссии Герои Советского Союза:

генерал армии — 8/12.17, 9, 5, 13, 29, 24, 14, 15, 6, 7, 8, 18;

генерал-майор — 6/6.19, 4, 5, 28, 9, 15;

капитан — 6/8.19, 4, 6, 9, 15;

лейтенант — 8/1.10, 2, 12, 4, 26, 7, 8, 13.

Их имена носят города Калининградской области.

Автор криптограммы

полковник в отставке А.С. ЖДАНОВСКИЙ

* * *

Уважаемые читатели!

Приславший наибольшее количество правильных ответов на криптограмму получат приз — книгу: 60 лет Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне. М.: Книга и бизнес, 2003. 472с. (см. 3-ю страницу обложки журнала).

Просим указывать фамилию, имя, отчество, профессию, возраст, адрес. Сведения о победителях и ответы будут опубликованы: на кроссворд «Отечественная война 1812 года» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 9) — в № 2 (февраль) 2005 года; на криптограмму «Швейцарский поход А.В. Суворова — 205 лет» (№ 10) — в № 3 (март); на викторину «Военная история Санкт-Петербурга» (№ 11) — № 4 (апрель); на криптограмму «1914 год на Восточно-Европейском (Русском) театре военных действий» (№ 12) — в № 5 (май); на криптограмму «Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция (13 января — 25 апреля 1945 г.)» (Воен.-истор. журнал. 2005. № 1) — в № 6 (июнь).

Ответы на криптограмму «Первая мировая война: кампания 1914 года» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 8). Ключевые слова: 1. Австро-Венгрия; 2. Турция; 3. Япония; 4. Россия; 5. Германия; 6. Франция; 7. Великобритания; 8. Верховный главнокомандующий; 9.1: а) пограничное сражение; б) Марнское сражение; в) «Бег к морю»; г) сражение во Фландрии; 9.2: а) Восточно-Прусская операция; б) Галицийская битва; в) Варшавско-Ивангородская операция; г) Лодзинская операция; 9.3: а) первое и второе наступление австро-венгерских войск против Сербии; б) контрнаступление сербов, разгром австрийских армий, освобождение Белграда, всей Сербии; 9.4: а) Крейсерская война; б) Гельголандский бой; в) Фолклендский бой; 10. Балтийское; 11. Северное; 12. А.М. Зайончковский. **Текст:** «Кампания не принесла решающих результатов ни одной из сторон. Военные действия показали ошибочность предвоенных расчетов генеральных штабов на кратковременный характер войны. В первых же операциях были израсходованы накопленные запасы вооружения и боеприпасов. Стало ясно, что война будет длительной и потребует огромного напряжения сил воюющих государств».

Поздравляем победителя конкурса — **подполковника Безносова Александра Васильевича**, заместителя командира в/ч 71179 по воспитательной работе, 37 лет (ст. Мозгон Читинской обл.). Он получает приз — книгу: Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М.: Военный ун-т, Русский путь, 2003. 896 с., ил. Отмечаем также наших читателей: А.С. Завьялова, преподавателя (г. Томск); Г.И. Буравлева, инженера-электромеханника (г. Новосибирск-75); В.В. Семячкову, студентку (г. Екатеринбург); П.Ф. Семенова, инженера-технолога (г. Сясьстрой Ленинградской обл.); С.В. Редькова, военнослужащего (Москва); А.Н. Галкина, пенсионера МВД (Москва); Н.А. Гладких, учителя истории (г. Агрыз, Татарстан); М.В. Калимуллин, учащегося, 14 лет (Санкт-Петербург); капитана В.А. Реутова (г. Чита); И. Сурова, студента (г. Челябинск); А.А. Казакова, учащегося 10 класса школы № 53 (г. Омск); В.В. Алексеева, учащегося 10 класса (г. Элиста, Калмыкия); В.И. Сердюкова (г. Льгов Курской обл.); капитана 2 ранга в отставке А.П. Курохтина, ветерана военной службы (г. Североморск Мурманской обл.); полковника запаса Р.А. Бедова (г. Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания); С. Воронова, студента (г. Калуга); В.С. Тихоненко, студента (п. Селиваново Ленинградской обл.); сержанта контрактной службы С.Г. Кираковского (г. Моздок, Республика Северная Осетия — Алания); А.В. Невдахино, учащегося средней школы № 1, 15 лет (п/о Межерино Московской обл.); С.И. Поварова, преподавателя (г. Волжск-9, Республика Марий Эл).

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Здравствуйтесь, уважаемая редакция!

Мне 17 лет, в настоящее время учусь в 11-м классе средней школы, в будущем хочу стать профессиональным военным историком. Я начал выписывать «Военно-исторический журнал» совсем недавно, с июля 2004 года. Первый полученный мною июльский номер журнала оказался посвященным вашему 65-летию юбилею. В связи с этим я нашел в библиотеке все номера журнала за 1939 год и с интересом их прочитал. Наиболее интересные для меня темы: российская армия в царствование Николая II; Русско-японская и Первая мировая войны. Очень радостно, что на страницах журнала уделяется внимание этим темам, а также проводятся конкурсы. Желаю журналу дальнейших творческих успехов в деле укрепления престижа и авторитета русской армии.

С уважением,

И.С. ИВАНОВ
(г. Тверь)

Здравствуйтесь, организаторы конкурса

«Молодежного военно-исторического журнала».

Я являюсь вашим постоянным читателем и подписчиком. Где бы ни служил, всегда стремился приобрести ВИЖ. Каждую свою рабочую тетрадь я начинал с записи на первой странице слов Н.М. Карамзина: «История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь Отечество». Сам не участвовал в конкурсе: смущала его молодежная направленность. Предложил попробовать свои силы в этом деле сыну-студенту. Думаю, для него это будет интереснейшим занятием.

Подполковник запаса В.А. НЕПАРКО
(г. Береза Брестской обл., Беларусь)

Дорогая редакция!

От всей души поздравляю вас с 65-летием выхода в свет первого номера «Военно-исторического журнала»! Желаю всему творческому коллективу доброго здоровья, плодотворных успехов на журналистском поприще, гору писем, новых неустанных поисков, творений, дерзаний, счастья, прекрасного настроения и еще всего наилучшего из того, что может каждый и каждая из вас себе пожелать...

С уважением,

В.Ф. ГУЖОВ
(г. Шенкурск Архангельской обл.)

Я ветеран Великой Отечественной войны, пенсионер, в прошлом — железнодорожник. «Военно-исторический журнал» выписываю с 1986 года и читаю его от корки до корки. Перепиской не занимаюсь. Конкурс в «Молодежном ВИЖе» меня заинтриговал, и я решил ответить на криптограмму. Однако, видимо, вовремя ответить не успею. Иногда ВИЖ приходит очень поздно, через 1—1,5 месяца после выпуска.

Ф.Н. ХУСАИНОВ
(г. Первоуральск-5 Свердловской обл.)

Уважаемая редакция!

Просматривал на днях в городской библиотеке подписку «Военно-исторического журнала» за 2004 год, заинтересовался конкурсом «Молодежного военно-исторического журнала» и попросил на субботу и воскресенье три журнала домой. Поясните, пожалуйста, могу ли я участвовать в вашем конкурсе по возрасту (мне 60 лет) и по времени (не опоздаю ли с ответом).

С глубоким уважением,

полковник в отставке К.А. АЛТУНИН
(г. Томск)

ОТ РЕДАКЦИИ. Уважаемый Константин Александрович! Сообщаем Вам, что для участия в конкурсе для читателей ограничений по возрасту нет. Ответы же на криптограммы, викторины, чайворды желательно отправлять в течение 10 дней после получения очередного номера журнала.

Сведения об авторах номера

БАЛАШОВА Лидия Николаевна — старший научный сотрудник Центрального музея Вооруженных сил, начальник группы фонда изобразительных искусств, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

ВЕЩИКОВ Петр Иванович — ведущий научный сотрудник Института военной истории, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор (Москва)

ГУСАРОВ Владилен Иванович — научный сотрудник института Африки РАН, кандидат экономических наук, доктор географических наук (Москва)

ДЕГТЯРЕВ Александр Петрович — доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного университета МО РФ, полковник, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

ЖАРСКИЙ Анатолий Петрович — старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, подполковник запаса, кандидат военных наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

ЖДАНОВСКИЙ Александр Сергеевич — историк, полковник в отставке (Москва)

КОВАЛЕВ Сергей Николаевич — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

КОЗЛОВ Николай Дмитриевич — заведующий кафедрой Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

КРЫЛОВ Валерий Михайлович — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

КУЗНЕЦОВ Ким Александрович — председатель центрального совета ветеранов Соловецкой школы юнг — участников Великой Отечественной войны и юнг Военно-морского флота РФ и СНГ (Москва)

КУРМЫШОВ Василий Михайлович — доцент кафедры тактики Военного инженерно-технического университета, полковник, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)

МАЛАШЕНКО Евгений Иванович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

РАЕВ Вениамин Михайлович — полковник в отставке, кандидат экономических наук, профессор (Москва)

ТАРАСОВ Михаил Яковлевич — заведующий музеем истории войск Ленинградского военного округа, старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, доцент (Санкт-Петербург)

ТАШЛЫКОВ Сергей Леонидович — доцент кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба, капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

ЧЕРНУХИН Виктор Андреевич — старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ШИПАЧЁВ Константин Анатольевич — старший преподаватель кафедры оперативного искусства ВВС Военной академии Генерального штаба, полковник (Москва)

УСПЕНСКАЯ Светлана Васильевна — заместитель начальника Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ХВОРОСТЬЯНОВ Юрий Александрович — генерал-лейтенант в отставке (Москва)

ЯСМАН Зинаида Даниловна — ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Материалы номера рецензировали: полковник В.А. Афанасьев (Центр военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ); генерал-майор в отставке В.В. Градосельский; доктор философских наук, профессор генерал-майор в отставке И.С. Даниленко (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат военных наук, старший научный сотрудник полковник А.А. Кольтюков (Институт военной истории); адмирал В.А. Кравченко (Главный штаб ВМФ); кандидат военных наук генерал-полковник в отставке Г.Ф. Кривошеев (Военно-мемориальный центр ВС РФ); капитан 1 ранга Е.Г. Мачикин (Главный штаб ВМФ); кандидат военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); доктор военных наук, профессор генерал-полковник Н.Е. Соловцов (Ракетные войска стратегического назначения); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостьянов.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с корреспондентами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Министерства обороны РФ.

При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

Компьютерная верстка —
А.Д. МАРКОВА,
фотокорреспондент П.Ю. СКУРАТОВ

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19, 195-61-18.

Сдано в набор 25.11.2004
Подписано к печати 27.12.2004.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Общий тираж 12000 экз. Зак. 7.

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ

Отпечатано в ЗАО
«Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2005.

ПРАЗДНИКИ И ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ЯНВАРЬ

- 1—5 января** — Новый год.
- 7 января** — Рождество Христово. Впервые нерабочим днем стало в 1991 году.
- 10 января** — День инженер-механика ВМФ.
- 12 января** — День работника прокуратуры Российской Федерации.
- 13 января** — День российской печати.
- 15 января** — День памяти преподобного Серафима Саровского.
- 15 января** — День Главного штаба ВМФ.
- 21 января** — День инженерных войск.
- 22 января** — День авиации ПВО (отмечается с 1996 г.).
- 23 января** — День создания Осоавиахима — ДОСААФ — РОСТО (1991).
- 25 января** — День штурмана.
- 27 января** — снятие блокады Ленинграда (1944). День воинской славы России.

ФЕВРАЛЬ

- 2 февраля** — разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом (1943). День воинской славы России.
- 8 февраля** — День российской науки.
- 15 февраля** — День памяти воинов интернационалистов.
- 23 февраля** — День защитника Отечества (в 1922—1993 гг. отмечался День Советской Армии и Военно-Морского Флота). День воинской славы России.

МАРТ

- 1 марта** — День Гражданской обороны.
- 5 марта** — День службы военных сообщений.
- 8 марта** — Международный женский день.
- 19 марта** — День моряка-подводника (отмечается с 1996 г.).
- 23 марта** — Всемирный день метеорологии.
- 27 марта** — День Внутренних войск МВД (отмечается с 1996 г.).
- 30 марта** — День войск ракетно-космической обороны (отмечается с 1996 г.).
- 30 марта** — День защиты Земли.
- 31 марта** — День Федеральной службы специального строительства РФ.

АПРЕЛЬ

- 3 апреля** — День геолога (отмечается в первое воскресенье апреля).
- 4 апреля** — День создания морской гвардии ВМФ (1942).
- 7 апреля** — Всемирный день здоровья.
- 7 апреля** — День памяти погибших подводников.
- 10 апреля** — День Войск противовоздушной обороны (отмечается во второе воскресенье апреля).
- 11 апреля** — разгром Александром Невским немецких рыцарей на Чудском озере (1242). День воинской славы России. Отмечается 18 апреля.
- 11 апреля** — Международный день освобождения узников фашистских концлагерей.
- 12 апреля** — День космонавтики.
- 15 апреля** — День специалиста радиоэлектронной борьбы.

- 18 апреля** — Международный день охраны памятников истории и культуры.
- 25 апреля** — Международный день породненных городов.
- 26 апреля** — День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах (1986 г. — авария на Чернобыльской АЭС).
- 30 апреля** — День работников пожарной охраны.

МАЙ

- 1 мая** — Праздник весны и труда.
- 3 мая** — Всемирный день свободы печати.
- 7 мая** — День Российских Вооруженных сил. Отмечается с 1992 г.
- 7 мая** — День радио. Праздник работников всех отраслей связи. День специалиста радиотехнических служб ВМФ.
- 8 мая** — Всемирный день Красного Креста и Красного Полумесяца.
- 8 мая** — День открытия в 1967 году у Кремлевской стены мемориального комплекса «Могила Неизвестного Солдата».
- 9 мая** — День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. День воинской славы России.
- 13 мая** — День Черноморского флота.
- 15 мая** — Международный день семьи.
- 17 мая** — Международный день электросвязи.
- 18 мая** — Международный день музеев (отмечается с 1978 г.).
- 18 мая** — День Балтийского флота.
- 19 мая** — День переноса столицы России императором Петром I в Санкт-Петербург (1712).
- 20 мая** — Всемирный день метрологии.
- 21 мая** — День Тихоокеанского флота.
- 24 мая** — День славянской письменности и культуры.
- 27 мая** — Общероссийский день библиотек.
- 28 мая** — День пограничника.
- 29 мая** — День военного автомобилиста (отмечается с 2000 г.).
- 29 мая** — День химика (отмечается в последнее воскресенье мая).

ИЮНЬ

- 1 июня** — День Северного флота.
- 1 июня** — Международный день защиты детей.
- 5 июня** — Всемирный день охраны окружающей среды.
- 12 июня** — День России (1990).
- 19 июня** — День медицинского работника (отмечается в третье воскресенье июня).
- 20 июня** — День специалиста минно-торпедной службы ВМФ (отмечается с 1996 г.).
- 22 июня** — День памяти и скорби. Начало Великой Отечественной войны.
- 29 июня** — День молодежи (отмечается с 1993 г.).

ИЮЛЬ

- 3 июля** — праздник работников ГИБДД.
- 3 июля** — День работников морского и речного флота (отмечается в первое воскресенье июля).
- 8 июля** — победа русской армии под командованием Петра I над шведами в Полтавском сражении (1709). День воинской славы России. Отмечается 10 июля.

Все даты приведены по новому стилю

- 10 июля** — День российской почты (отмечается во второе воскресенье июля).
17 июля — День авиации ВМФ.
30 июля — День радиотехнических войск ПВО.
31 июля — День Военно-морского флота (отмечается в последнее воскресенье июля).

АВГУСТ

- 1 августа** — День Тыла Вооруженных сил РФ.
2 августа — День Воздушно-десантных войск.
6 августа — Всемирный день борьбы за запрещение ядерного оружия.
6 августа — День железнодорожных войск (отмечается с 1996 г.).
7 августа — День железнодорожника (отмечается в первое воскресенье августа).
7 августа — первая в российской истории победа русского флота под командованием Петра I над шведами у мыса Гангут (1714). День воинской славы России. Отмечается 9 августа.
12 августа — День Военно-воздушных сил (отмечается с 1997 г.).
13 августа — День физкультурника (отмечается во вторую субботу августа).
14 августа — День строителя (отмечается во второе воскресенье августа).
21 августа — День воздушного флота России (отмечается в третье воскресенье августа).
22 августа — День Государственного флага Российской Федерации.
23 августа — разгром немецко-фашистских войск в Курской битве (1943). День воинской славы России.
27 августа — День российского кино (отмечается с 1979 г.).
28 августа — День шахтера (отмечается в последнее воскресенье августа).
29 августа — День ветеранов подразделений особого риска.

СЕНТЯБРЬ

- 1 сентября** — День знаний.
1 сентября — Всемирный день движения неприсоединения.
1 сентября — Всемирный день мира.
2 сентября — окончание Второй мировой войны.
2 сентября — День российской гвардии (отмечается с 2000 г.).
3 сентября — День победы над империалистической Японией.
7 сентября — день Бородинского сражения русской армии под командованием М.И. Кутузова с французской армией в 1812 г. День воинской славы России. Отмечается 8 сентября.
8 сентября — День Новороссийского военно-морского района.
10 сентября — Всемирный день молодежи.
11 сентября — победа русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790). День воинской славы России.
11 сентября — День танкистов (отмечается с 1946 г. во второе воскресенье сентября).
13 сентября — Международный день памяти жертв фашизма.
16 сентября — победа Дмитрия Донского над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380).
18 сентября — День рождения советской гвардии (1941).
18 сентября — День работников леса (отмечается в третье воскресенье сентября).
20 сентября — день учреждения в России Военного и Морского министерств (1802).
25 сентября — День машиностроителя (отмечается в последнее воскресенье сентября).
30 сентября — Международный день переводчика.

ОКТАБРЬ

- 2 октября** — День учителя (отмечается в первое воскресенье октября).
4 октября — День Военно-космических сил России.
16 октября — День работников дорожного хозяйства (отмечается в третье воскресенье октября).
20 октября — День Войск связи.
24 октября — Международный день Организации Объединенных Наций (ООН).
24 октября — День спецназа Вооруженных сил РФ (отмечается с 2003 г.).
25 октября — День таможенника Российской Федерации.
30 октября — День моряка-надводника.
30 октября — День памяти жертв политических репрессий.
30 октября — День работников автомобильного транспорта (отмечается в последнее воскресенье октября).

НОЯБРЬ

- 4 ноября** — День народного единства.
5 ноября — День военного разведчика.
7 ноября — освобождение Москвы силами народного ополчения под руководством Минина и Пожарского от польских интервентов (1612).
10 ноября — День российской милиции (установлен в 1962 г.).
11 ноября — День памяти погибших в Первой мировой войне.
11 ноября — День Войск РХБ защиты.
15 ноября — День Каспийской флотилии.
15 ноября — Всероссийский день призывника.
17 ноября — Международный день студентов.
20 ноября — День Ракетных войск и артиллерии, а также День ракетчика и артиллериста ВМФ (первоначально установлен 19 ноября, ныне отмечается в третье воскресенье ноября).
21 ноября — Международный день телевидения (отмечается с 1996 г.).
27 ноября — День морской пехоты (отмечается с 1995 г.).
28 ноября — День матери.

ДЕКАБРЬ

- 1 декабря** — победа русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп (1853).
3 декабря — Международный день инвалидов.
5 декабря — начало контрнаступления советских войск в Битве под Москвой (1941). День воинской славы России.
7 декабря — Международный день гражданской авиации.
10 декабря — День прав человека.
10 декабря — День дипломатического работника.
11 декабря — День памяти журналистов, погибших при исполнении служебных обязанностей.
12 декабря — День Конституции Российской Федерации.
17 декабря — День Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).
17 декабря — День государственной фельдъегерской связи.
20 декабря — День работников органов безопасности Российской Федерации (отмечается с 1995 г.).
22 декабря — взятие русскими войсками под командованием А.В. Суворова турецкой крепости Измаил (1790). День воинской славы России. Отмечается 24 декабря.
22 декабря — День энергетика.
23 декабря — День дальней авиации.
27 декабря — День спасателя Российской Федерации.
30 декабря — День образования СССР (1922).